

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

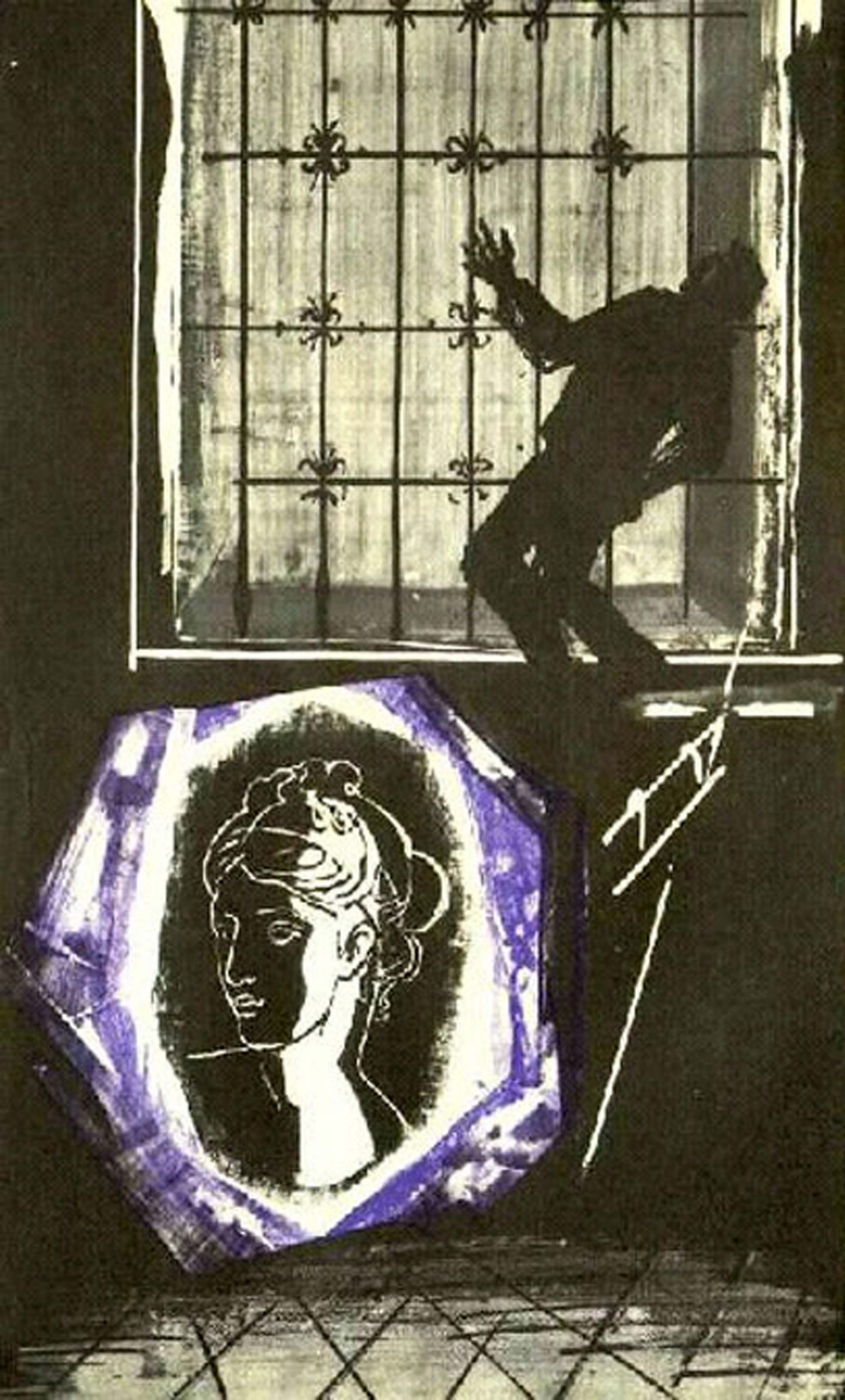
СКАТЕЛЬ

6

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1979

СОДЕРЖАНИЕ

Олег ГЛУШКИН — Время поиска не ограничено	2
Леонид СЛОВИН — Свидетельство Лабрюера	31
Борис ПАРМУЗИН — Злость чужих ветров	52
Владимир РЫБИН — Иллюзион	92
С. М. КОРНБЛАТ — Домино	105
К. МАЛИНОВСКИЙ — Третья планета Прокциона	113

№ 114

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

© «Искатель», 1979 г.

Олег ГЛУШКИН

ВРЕМЯ ПОИСКА НЕ ОГРАНИЧЕНО

Повесть

I

Этой ночью луна умерила свой свет, и на промысле опять появилась сардина. Суда кошелькового лова жадно ринулись в заметы, голоса капитанов в эфире стали резкими, на мачтах судов замелькали оранжевые огоньки. Надо было не упустить долгожданный момент, успеть вовремя выйти на косяк, успеть обметать его. После долгих томительных дней проловов, после безрезультатных поисков предчувствие удачи будоражило людей.

Последние дни капитан «Диомеда» Петр Петрович Малов почти не смыкал глаз. Он напряженно всматривался в ползущую под

самописцем ленту эхолота, слушал переговоры в эфире, часто изменял взятый курс и мерил рубку широкими шагами. Здесь, в тропиках, океан не успевал остывать за ночь, и воздух был душным и сырым. На новом судне Малов вышел впервые, до этого плавал на стареньком траулере, а тут наконец добился, получил на верфи сейнер из новостроя, с механизированной системой для выборки кошелька, с приборами, которые писали не только крупные косяки, но и мелкие стайки. Хотя и было много претендентов с высшим образованием на этот сейнер, но все-таки доверили приемку ему, человеку с опытом. И действительно, свое он отработал — пятнадцать лет безвылазно. А каюта на СРТ крохотная, не развернуться, с водой экономия, ни умыться, ни белье вовремя сменить. Здесь же апартаменты: баня досками дубовыми выстлана, пар сухой. И конечно, дело не только в комфорте, а в том, что возможности есть взять любой улов. Теперь надо закрепить на этом судне, оправдать доверие, доказать, что недаром дали ему мощный сейнер. Но не получалось: сначала невод не могли настроить, а когда приладили и взяли пару хороших уловов, обстановка скисла. И вот сегодня «наука», так называли они поисковые суда, общается рыбу, но здесь и без науки ясно — луна на ущербе; и рыбные записи эхолот начал чертить сразу после захода солнца...

— Штурман, курс? — спросил Малов, вглядываясь в сейнера, бегущие параллельными галсами. В свете судовых огней были видны крутые буруны, вздуваемые форштевнями. Казалось, будто белые рыси распластались над водой и мчатся наперегонки. Малов подошел к локатору, переспросил резко:

— Курс? Штурман, вы спите?

— Курс восемнадцать. — Второй штурман встряхнул копной светлых волос, как бы сгоняя дрему.

Сухов был опытным рыбаком, не то что остальные штурманы, почти еще мальчишки. Но в этом рейсе дело не ладилось и у него. Малов старался не дергать Сухова, но сдерживать себя сейчас, когда идет поиск, ни к чему. И он уже называл Сухова не по-дружески — Сергей, а говорил ему «вы» и «штурман». На берегу, встречаясь с капитанами, Малов любил заявлять о том, что за многие годы работы в море, он научился видеть каждого человека насквозь и глубже, что о своем экипаже он знает больше, чем они сами о себе, при этом он добавлял: даже неинтересно становится! И его друзья соглашались с ним, потому что действительно за рейс, который длится полгода, можно узнать о человеке больше, чем за годы, проведенные с этим же человеком на берегу. О Сухове Малов знал тоже почти все.

Жизнь часто ломала и крутила Сухова, но тот считал, что ему всегда везло, впрочем, с какой стороны посмотреть. В первый год войны — партизанский лагерь, зажатый в кольцо карателями; тогда он чудом уцелел, его заставили, уговорили и в конце концов отправили самолетом на Большую землю к своим. Потом завод — сутками в формовочной среди адского запаха литья — выдержал. Было не до учебы. Но после победы навестал, добился своего. Стал старпомом — судно в ураган выбросило на отмель. Гигантские волны в щепки раздробили о рифы легкий траулер, а до берега было несколько миль. Но и тут повезло — ни один человек из команды не погиб, море внезапно стихло, как

бы удовлетворившись разнесенным по всем швам траулером, и оказалось, что выкинуло их на отмель, которая тянулась до самого берега. На рассвете они осторожно побрели по этой отмели. Огромное красное солнце, всходявшее над водой, освещало их путь. Цепочка спасшихся людей целые сутки брела по пояс в воде, иногда они проваливались с головой, захлебывались, но крепко держали друг друга, а выскочив из провала, снова нащупывали ногами неведомую грядку, как будто специально уложенную здесь, чтобы соединить их с берегом, с жизнью.

После того случая Сухов два года ходил боцманом, пока не восстановили в должности, и вот теперь, когда он подошел к тому рубежу, что лишает человека моря, у него разладилась жизнь на берегу: жена, стойко терпевшая долгие годы разлуки, ушла в себя, замкнулась, и жизнь вдвоем стала почти невыносимой и настолько неуютной, что выход в рейс становился желанным и единственным исходом. Но и тут повезло — в пятьдесят лет к нему пришла любовь, да такая, о которой он и не догадывался никогда и не думал, что существует подобное, могущее так захлестнуть и завертеть человека. На судне все знали об этом, потому что его Людмила была рядом — она работала начпродом на плавбазе «Крым». И потому что все видели, насколько это серьезно, никто не подтрунивал над Суховым, а, напротив, старались помочь ему, и даже Малов сделал так, что единственные два улова они сдали именно на «Крым», и на период выгрузки Сухов был отпущен на плавбазу.

Сегодня первым заметил стоящий косяк именно Сухов. Акустик, молодой парень, прикорнул на минутку и, вздрогнув, открыл глаза, когда Сухов крикнул:

— Пишет!

Перо самописца провело на ленте первую жирную черту, потом вторую, третью; сигналы эхолота, напоминающие равномерное цвирканье сверчка, стали двойными. Привычное ухо чувствовало, как доходят они в толще воды до преграды из рыбьих спин и равномерная их музыка прерывается желанным отзвуком эха.

— Слева заметал! — тонким голосом крикнул старший механик, кургузый, похожий на медведя Кузьмич. — Опять не успеем, я же говорил, опять!

Кузьмич, как обычно, паниковал, зато, если уж что не получалось, он всегда прав: любой случай он предупреждал заранее, и Малов в такие минуты его ненавидел.

— Где ваше место? — крикнул Малов. — В машину, срочно! Кузьмича как языком слизнуло.

Слева, на соседнем сейнере, замелькали оранжевые огни, понеслись по мачте вверх-вниз.

— Правее, заходи на ветер, Сергей, — уверенно сказал Малов.

— Есть правее, — четко ответил Сухов.

Судно метнулось вправо, заходя на ветер, мачты описали круг, резко качнулись звезды, дернулся узкий серпик луны.

— Пошли буй! — крикнул Малов в мегафон.

Загудели силовые блоки, зашуршали, скользнули в воду два пузыря — плавающие якоря, увлекая за собой первые метры сети; затрещали, застрекотали по палубе наплава кругляши из пенопласта. В свет прожектора потянулась образуемая ими белая дорожка, в темной воде поскакал впереди нее буй — красный

шар с мигающей лампочкой внутри, надежный ориентир и маяк. Судно накренилось на вираже, рванулось от сетей, чтобы потом вернуться к ним.

— Акустик! Где косяк?

— Левее, Петрович!

— Ракету давайте, ракету! — зашумел с палубы тралмастер Вагиф.

Теперь надо не упустить богатый косяк, не дать ему уйти под киль. Сухов схватил ракетницу и выстрелил в воду с борта, противоположного тому, с которого был выметан кошельек. Надо было отпугнуть косяк, загнать его в сеть.

— Старпома бы поднять, пусть потренируется на замете, — сказал Сухов Малову.

— Пускай поспит пацан, — ответил Малов. — Ему еще достанется на своей вахте! Обойдемся без него!

Через час стянули невод. По кошельковой площадке шумно стекала вода с выбираемых сетей, потоки воды хлестали по резиновым комбинезонам матросов.

Малов слушал шуршание воды и вглядывался в темноту за бортом.

Наконец в свете прожекторов увидел рыбу. Темные пятна вздрагивали, бились у балберов, пытались вырваться из ловушки, стайки были подвижные, и вода бурлила, будто внизу, в ее толще, включили гигантский кипятильник. Невод стягивался все больше.

— Вах, рыба! Рыба! — кричал на палубе Вагиф, пританцовывая и подскакивая.

— Тонн пятьдесят, не меньше, — сказал Сухов. — Пойду помогу ребятам.

Внизу, на палубе, добытчики подтягивали сеть к борту, накидывали ее на планшир, матросы шутили, смеялись — работа шла споро.

— Повара сюда. Где кок? Дремлет? — кричал Вагиф. — Пусть наберет свсжей уха! Эй, Ефимчук!

— Красавица, а не сардина, — сказал Малов. — Одна к ольной. Вот это дернули!

Даже единственный из экипажа не занятый в замете повар Ефимчук появился на палубе. Он медленно нагнулся к воде и зачерпнул сачком сардину. Рыба блестела и билась в его руках.

Малов видел сверху, как Ефимчук аккуратно перебирает рыбешку, и в который раз подумал, насколько повезло ему с поваром. Недаром сманил во флот. Хоть и впервые в море, но все у него поставлено солидно, чувствуется класс. Для настроения команды хороший повар считай полдела. А этот молчун — умелец! Каждый день — новое блюдо!

Сухов, тоже смотревший вниз, сказал:

— Выполз, кашевар. На замете так спит, первый раз вижу такого.

— Повару не положено работать на палубе, — сказал Малов. — Что ты злишься?

— Да не злюсь я, — Сухов улыбнулся. — Просто вижу, не из того теста этот повар.

Малову уже не первый раз приходилось защищать Ефимчука от нападок Сухова — повар был его гордостью, он сам отыскал

его, случайно встретив в приморском ресторане. Старик был одинок как перст, мотался по стране, не находил места, а предложил ему пойти в рейс — глаза загорелись, оживился.

Когда закончили подборку невода, небо несколько посветлело, но в воздухе стояла непривычная сырость, звезды заволакивало пеленой, на море опускался туман. Малов прошел в радиорубку, чтобы связаться с начальником экспедиции — договориться о сдаче рыбы.

Очередь была большая; удачно заметали еще восемь судов, так что надеяться на сдачу можно было только к исходу дня. Но главное было сделано — сегодняшний улов перекрывал все отставание, приборы показывали, что в кошельке много больше, чем пятьдесят тонн, но чтобы не «сглазить» рыбу, и, зная, как неохотно берут плавбазы большие уловы, потому что не могут их быстро обработать, Малов доложил, что взяли около пятидесяти тонн. При этом старался говорить нарочито спокойно, равнодушно, сдерживая бившуюся в нем радость.

Команда отдыхала. Смороенный усталостью, заснул и Малов. Никогда еще с начала этого рейса не засыпал он так сладко и беззаботно, обычно сон его был чуток, если только можно было назвать ту полудрему, которую он себе изредка позволял, нормальным сном. Он прислушивался к звукам, ждал звонков из рубки, ночью же, когда шел поиск, вообще не уходил с мостика, а если и спал, то чутко, как кот: спал и все слышал. Но теперь был тот случай, когда капитан сделал свое дело, улов в кошельке, и остается только ждать очереди на сдачу.

Проснулся Малов оттого, что его тряс за плечо Кузьмич и кричал тонким, срывающимся голосом:

— Петр Петрович! Сухов исчез!

Малов вскинулся на койке, посмотрел на хронометр. Было четыре пятнадцать утра, выскочил в рубку в одних плавках. Там уже объявили тревогу, под толстым коллапом стекла метался красный огонек авральной сигнализации.

— ...Я поднялся в рубку принять вахту, Сухова на вахте нет, обыскали все судно — нигде, — докладывал старпом.

— Что же вы стоите! Срочно на воду шлюпки! Боцман! Где боцман? — крикнул Малов и побежал к шлюпке.

Плотный туман окружал судно. Включили прожекторы, но сноп света увязал в белизне. Шлюпка сползла вниз и исчезла в тумане.

— Так у нас ни черта не выйдет, — сказал Кузьмич.

— Включите тифон, Сухов должен услышать, — приказал Малов.

Тонкий пронзительный вой судового тифона повис в тумане. Кошелек с рыбой мешал движению сейнера. Кто первый произнес: выпустить рыбу — Малов не помнил. В рубке поняли, что вести поиск и одновременно сохранить рыбу невозможно. Трал-мастер Вагиф перегнулся через борт, повис вниз головой, отнятоывая сливную часть невода. Боцман срамливал бежной конец, накинутый на шпиль. Рыба, освобожденная от сетей, хлынула сплошной лавой, тягучей плотной массой. В тумане не было видно, как она всплывает, и только Вагиф у самого борта различал мертвенно-бледный цвет спнулых рыб и темные пятна, клином врезающиеся в пространство. Казалось, не будет конца этому шуршащему за бортом потоку.

Начальник экспедиции промысловых судов Аркадий Семенович Шестинский получил сообщение об исчезновении Сухова в четыре часа тридцать минут. Радист флагманской плавбазы «Крым» принес радиogramму в каюту и доложил, что «Диомед» находится на связи. Смысл текста не сразу дошел до начальника экспедиции, Шестинский замотал головой, как бы стряхивая с редких волос невидимую воду, протер глаза и сказал радисту, что сейчас поднимается наверх, в радиорубку.

По радио Шестинский вызвал на связь капитанов всех судов экспедиции. Надо было срочно снимать свободные сейнера с заметов и организовывать поиск. Он сказал, какие суда находятся вблизи от «Диомеда», таких, по его расчетам, было около десяти; флот работал кучно, собственно, и плавбаза «Крым» была рядом с районом заметов, к тому же где-то в этих широтах должен быть спасательный буксир «Стремительный».

На связь вышел «Стремительный», и его капитан подтвердил, что идет к «Диомеду», но видимости нет — сплошной туман.

Шестинский вышел из рубки на крыло мостика. Все вокруг было погружено в белую пелену. Непроницаемая стена тумана отбрасывала всякие мысли о целенаправленном движении судов. Даже отсюда, с мостика, не было видно ни мачт плавбазы, ни кормовой ее надстройки. Шестинский с отчаянием всматривался в белую мглу. Сухов... Второй штурман Сухов... Шестинский пытался вспомнить его; за десять лет работы на промысле он успел узнать многих на судах. Это не тот ли Сухов, что ходил с ним в поисковую экспедицию? Как его угораздило выпасть за борт? Как он сейчас, Сухов? Отчаянно кричит или нет, понимает, что не услышат, и бережет силы — люди в океане гибнут от страха, а не оттого, что нет сил продержаться на воде. Если бы Сухов смог выдержать. Вода теплая, надо только экономить силы, не надо дергаться, плыть куда-то, надо просто держаться на воде; взойдет солнце, рассеется туман, и тогда суда обнаружат его.

Шестинский не мог уловить — движется база или замерла, скованная плотной белизной. И только когда он вошел в рубку, понял, что база медленно идет к очередному кошельку.

Первым его желанием было остановить это движение, подключить базу к поиску Сухова, но он не стал отдавать такую команду, понимая, что гигантская машина базы в таком тумане только бы мешала тем сейнерам, которые сейчас выходят на пеленг «Диомеда». И чем скорее освободятся суда от рыбы, чем скорее база примет их уловы, тем еще больший район можно будет охватить поиском.

База двигалась осторожно, рев тифона периодически сотрясал воздух, где-то впереди тонким попискиванием откликался сейнер. Машинный телеграф замер на отметке «самый малый вперед». Капитан плавбазы Аверьянович, низенький, подвижный, с лохматой головой, размахивая руками, метался по рубке.

— Рулевой! Курс? — через каждую минуту хрипло повторял он. — Громче дублируйте команды, чтобы я слышал!

Заметив Шестинского, капитан остановился, спросил:

— Ну как с «Диомедом»?

— Пока ничего.

— А мы вот к «Наяде» идем, очередь ее сейчас, близко она, только не найти никак, — сказал капитан, смягчив голос и как бы оправдываясь.

С поручней, с верхней рубки, с навесов соскакивали тяжелые капли воды. Солнце по времени должно было взойти, но лучи его, видимо, еще не в силах были пробить белую мглу, прорваться сквозь нее. Шестинский запретил по радио все разговоры, не относящиеся к поиску Сухова, и велел докладывать обстановку каждые пятнадцать минут.

Надрывно захлебываясь, загудела плавбаза, предупреждая сейнер о своем приближении. Шестинский почувствовал, как вой тифонов буквально пронизывает его, — такой гул можно услышать на большом расстоянии, может быть, его сейчас уловил Сухов, может быть, он придаст ему силы, поможет продержаться на воде.

Наконец и «Наяда» ответила тремя тонкими гудками.

— «Наяда», «Наяда»! Где вы? — прохрипел в мегафон капитан. — Какого черта молчите? «Наяда», не исчезайте со связи, постоянно сообщайте свои действия!

Вахтенный штурман оторвался от экрана локатора, вид у него растерянный:

— Не вижу «Наяды», исчезла!

Капитан до боли в глазах всматривался в белую мглу, пытается увидеть контур судна, которое выпало из поля зрения локатора и лежало теперь в «мертвой зоне», совсем рядом. Каждое мгновение могло стать роковым.

— Эй, на баке! Смотреть внимательно!

Очертания людей были расплывчаты, они как будто плавали там — вне палубы, которой не было видно, они кружились, словно привязанные к фок-мачте незримыми концами.

Где же «Наяда»? Почему так тянут со швартовкой? Шестинский уже не раз забегал в радиорубку — о Сухове ничего нового. Надо было срочно переходить на «Наяду» и возглавлять поиск, а то они там торкаются каждый сам по себе, десять судов, которыми можно прочесать весь квадрат.

Тифон смолк, и в рубке стало слышно, как с правого борта залаяла собака, — «Наяда» была совсем рядом. Машинный телеграф дернулся и замер на отметке «стоп». Тут же смолк двигатель на «Наяде». База и сейнер сближались по инерции.

Первым увидел «Наяду» вахтенный штурман.

— Вот же она! — закричал он.

Теперь и Шестинский заметил, как справа начал прорисовываться силуэт сейнера, словно проявлялось изображение на фотобумаге; сначала смутное, расплывчатое, но вот все четче, вот уже приобрело очертания, появились труба, надстройка, мачты.

— Ну и швартовка! В таком тумане почти вслепую... — сказал капитан плавбазы. Его лоб покрылся крупными каплями пота, он стер их ладонью, повернулся к Шестинскому. — Рыбы у них на «Наяде» — кот наплакал, мы мигом возьмем, полчаса, не больше.

Работали быстро, все знали — задержки быть не должно. Подали концы, притерлись бортами, загрохотал стамп — ковш, подаваемый с базы для рыбы.

Шестинский перешел в радиорубку, попросил радиста вызвать

всех на связь и приказал сейнерам прекращать заметы и подключаться к поиску Сухова.

— Ноль внимания на рыбные записи, пусть хоть сотни тонн пишут. Метать невода запрещаю! Всем судам вести поиск. Время поиска не ограничено!

Когда Шестинский вернулся в рубку, он увидел начпрода базы Людмилу Сергеевну. Женщина в рубке — явление сверхнеобычное. Шестинский долго смотрел на нее в недоумении, затем перевел взгляд на капитана, словно убеждаясь, что и он здесь, что он видит эту женщину — своего начпрода, обычно всегда улыбавшуюся, аккуратно причесанную, а сейчас растрепанную, постаревшую, видит и не приказывает изгнать ее из святой святых — рулевой рубки. Было это и странно и непонятно. Аверьянович не метал грома и молнии, а, напротив, стоял скопфуженный, всем своим видом как бы оправдываясь перед ней. Видимо, до этого он безуспешно пытался ее успокоить, а теперь, поняв бесполезность слов, молча озираясь вокруг. Это он-то, капитан, который презирал женщин, считал их источниками всех бед на флоте, вдруг сник и растерялся. Людмила Сергеевна всхлипывала, ее волосы спутались на выпуклом лбу, а всегда распахнутые, с изумлением глядящие на мир зеленоватые глаза сузились, стали красными щелочками, обведенными морщинками.

Заметив Шестинского, она вытерла лицо синим платком, вся сжалась, сказала:

— Вам все безразлично. Человек тонет, а вам наплевать. Вам только рыба, рыба!..

— Полно тебе, Сергеевна. — Вахтенный штурман робко дотронулся до ее плеча.

Но успокоить ее было невозможно. От любых слов она начинала всхлипать еще сильнее, пока наконец резко не выбежала из рубки, и последние слова ее были уже в дверях:

— Если вы, мужики, ничего не можете, я сама, сама....

Капитан закашлялся, фыкнул и забурчал:

— Распустились бабы... Она думает, мы не люди, и только ей дело до Сухова. Крепко они закрутили... А женщине только позволь сесть на шею, она тебе шпоры в бок, и чем больше ты позволяешь, тем шпоры глубже!

Шестинский чувствовал, что капитан говорит совсем не то, о чем думает. Видно, и его, капитана, гложет червь сомнения, чувство вины, ведь можно было не брать рыбу с «Наяды». Зачем, кому нужен этот мизер? Сейчас не это главное, если потеряем человека — вот основная беда!

В это время по радио на связь вышел «Диомед». В рубке стало тихо.

— Аркадий Семенович, — послышался сквозь треск в эфире голос Малова, — пока безрезультатно... Нужны еще суда...

Дальше все забила морзянка и какой-то бой: не то барабанов, не то позывные береговых станций.

— Сейчас перехожу на «Наяду», — сказал Шестинский в микрофон. — Иду к вам. Продолжайте поиск, светите прожекторами. Подробно дайте обстоятельства исчезновения Сухова. И ракеты — постоянно, не жалеите. Как поняли? Прием.

Шесть сейнеров и буксир «Стремительный» двигались в кабельтоне друг от друга. Суда разрезали слои тумана прожекторами и пронизывали пространство непрерывными гудками. Они равномерно прочесывали неподвижную и пока еще невидимую гладь океана в надежде, что Сухов держится где-то поблизости и они каким-то чудом заметят его, или он сам сумеет подплыть к ним, когда они будут проходить рядом. Туман начал медленно рассеиваться, и это укрепляло надежду на спасение Сухова. Воздух стал просветляться, и в зените, над головой клочки голубого неба росли и увеличивались; на востоке сквозь толщу белизны проглядывал матовый диск солнца. Белая пелена отступала от бортов, серый слой у воды становился реже, и уже можно было различить, что море сегодня совсем штилевое.

Поиск направлялся и ориентировался с «Диомеда». Люди на сейнере молча вглядывались в слои тумана, пронесшиеся вдоль борта, смотрели в бинокли, настроение у всех было подавленное. Не верилось, что человек, к которому уже успели привыкнуть, опытный рыбак, исчез за бортом в тумане. С какой стати? Почему? Оступился? Или пытался что-нибудь сделать: поправить троса, подтянуть невод?

Первый настоящий замет — и вот вместо радости от удачной выгрузки рыбы и метания в тумане. Хорошо, если поиск кончится каким-то результатом, а если так — просто для очистки совести?.. Все это удручало Малова, рушились его надежды на удачный рейс, виделись бесславное возвращение в порт, объяснительные, приказы. А то, что он узнал от Баукина и Ефимчука, совсем выбило его из колеи.

Баукина на судне называли «рязанский» — молодой парень, а весь какой-то заторможенный, с замедленной реакцией. Только после часа поисков он вдруг хватился, сказал:

— Часа в четыре, капитан, верно, слышал я, будто шумели на палубе. По нужде проснулся. Вроде Сухова голос и Ефимчука. Тогда-то я не подумал ничего, а сейчас вот смекаю, не иначе они шумели, а тогда что, я ведь с усталости так вроде проснулся и не проснулся.

Говорил этот матрос как-то уж очень неуверенно, но надо было убедить: почудилось ему это или нет.

— Хорошо, Баукин, разберемся, — сказал ему Малов и попросил вызвать Ефимчука.

Каюта повара была заперта, его долго искали, и за это время кто-то вспомнил, что когда закончили замет и пошли перекусить в салон, то ничего не было приготовлено и пришлось довольствоваться остатками вчерашнего ужина. Случай для аккуратиста Ефимчука необычный.

Ефимчук вошел в капитанскую каюту, резко распахнув двери, и, когда он уселся на маленьком диванчике, Малов увидел, что под левым глазом у него синяк, а на горбинке носа свежая ссадина. Обычно чисто выбритое, холеное лицо повара теперь казалось серым, и оттого, что брови были редкие, почти незаметные, то скорее не лицо, а маска с прорезями глаз смотрела на капитана. После недолгого молчания Малов спросил:

— Где это вас так угораздило?

— Со всяким бывает, Петр Петрович...
— На вас это не очень похоже, и возраст и манеры не на сиянки рассчитаны. У меня нет времени, и мне нужна ясность: что произошло?

Ефимчук высоко приподнял редкие брови и пожал плечами.

— Не надо притворяться, мне только что доложили, что вы именно тот человек, кто последним видел Сухова. Думаю, и след он вам не зря оставил, а? Так в чем же дело? Почему не доложили сразу? Что у вас произошло?

— Виноват, Петр Петрович, сразу не сказал, в этом виноват. — Ефимчук придвинулся к Малову вплотную и заговорил почти шепотом, скороговоркой, помогая жестами своих коротких пухлых рук: — Понимаете, Петр Петрович, ведь отвечаю я за продовольствие, а наверху у меня, на надстройке, нечто вроде кладовки, там капуста, картошка, так, по мелочи. Ну и ночью я решил проверить, показалось мне, что кто-то ходит там, ворошит припасы. Я поднялся: смотрю, тень какая-то у плотика спасательного. Я ближе притаился, разглядел — Сухов нагнулся и отвязывает плотик. Я прижался к надстройке, замер, потом смотрю — он пакеты к плотнику таскает. Дело весьма подозрительное, хоть и начальник он, а смекнул я сразу, что нечисто здесь, понял, что доложить надо вам срочно, хотел бежать к вам, а он меня заметил. Ну я ему: «Ты что здесь делаешь?» А он мне: молчи, говорит, если жить хочешь. Тут и дошло до меня, что он задумал. На плотике удрать собрался! Ах ты сукин сын, говорю ему, а он мне кулаком. Очнулся я, он уже плотик стаскивает, тут я бросился на него, а он раз меня в переносицу и сиганул в воду...

Малов слушал Ефимчука не перебивая, а когда тот смолк, вскочил из-за стола, закричал:

— Что вы мне мозги крутите! Вы что, идиот или наивный мальчик? Прошел час поисков, а вы изволите мне только сейчас это сказать! Да вам надо было сразу, немедленно поднять тревогу. Какое право вы имели молчать!

Ефимчук поднялся с дивана, лицо его стало совсем неподвижным, он уставился в одну точку и, уже не вглядываясь в глаза капитана, не ища у него сочувствия, сказал твердо:

— Конечно, оплошал я, неприятности может принести вам этот случай, лишитесь вы всякого доверия, лишитесь своего капитанского мостика, не хотел я раздувать это дело и не сказал об этом никому. Думаю, решат, что Сухов исчез просто так, упал случайно за борт, а если вскрыется, что хотел удрать, заранее готовил уход, тут совсем другое дело. Я обещаю, Петр Петрович, никому ни слова, твердо обещаю... Сухов давно на дне, следов в океане не остается. Я думаю, для всех лучше — чтобы меньше шума было, и вам будет спокойнее тоже.

— Как? Что вы советуете мне?! — возмутился Малов. — Кто бы ни был Сухов, хотел ли он удрать или... Мы все равно найдем его! Я Сухова знаю много лет... — Малов повернулся, закрутил иллюминатор, потом, не оборачиваясь, добавил: — Впрочем, людей пока не будоражьте, молчите, а сейчас уходите, я вызову вас, когда закончим поиск.

У Малова не было времени анализировать события, лишь одна мысль не давала ему покоя: кого теперь искать? Друга, старого

опытного штурмана или же врага, хуже — предателя! Думать об этом не хотелось. Может быть, было у Сухова просто отчаяние, минутное настроение. Запутался: жена, Людмила. Влюбился. С возрастом человек становится сентиментальным, уязвимым, а тут сплошные истории. И если все, что рассказал Ефимчук, правда... Значит, это задумано заранее, подобрано наиболее удобное время — после заката, судно с кошельком не может двигаться, значит, не ринутся в погоню сразу же. Люди спят беспробудно после ночной рыбалки: все учтено. Но повар — тоже штучка! Не поднять тревоги, таиться, по его словам, во благо команды, для капитана. Конечно, в чем-то он прав, потом на берегу затаскают, задержат: не усмотрел, не разобрался — какой ты капитан! И пожалуй, впервые закралась в Малова неуверенность, не находил он ясного ответа сомнениям, пытался вспомнить все, что связано с Суховым, чтобы найти ту трещину в нем, которую прозевал, и не находил ее.

Когда Малов поднялся в рубку, там сидел старший помощник. Это был совсем молодой парень с лихо закрученными гусарскими усами и бакенбардами; даже здесь, в океане, он не расставался с пошитой по специальному заказу фуражкой, отличающейся высокой тулей. Дело свое старший помощник, несмотря на свои двадцать три года, знал, и лоск у него был только внешний, идущий, наверное, от тех романов о флоте, которых он вдоволь начитался, от желания нравиться девчонкам. Здесь, на борту, старпом был исполнителен и невозмутим. И эта его невозмутимость бесила Малова.

Несколько раз Малов проверял прокладки, но ошибок в записях по судовому журналу не было. В старпومه была точность отлаженного механизма. Единственное, что смущало старшего помощника, то, что на судне многие звали его Витюня. Старпом этого не терпел и всякий раз поправлял: Виктор Ильич — пора усвоить. Малову же возражать не решался и только однажды на переходе попросил: «Капитан, в порядке поддержания дисциплины на судне, поймите — я давно не младенец!»

Петр Петрович чувствовал, что этот молодой штурман — без пяти минут капитан, стоит чуть отступить — и он на твоем месте. И оттого, что он знал, как гладок и прост его путь — путь специалиста с дипломом высшей мореходки, Малову всегда хотелось поставить этого мальчишку на место, ткнуть его носом в допущенные промахи. Они несколько раз крупно стыкнулись. Еще на отходе старпом уперся, как баран в новые ворота, и стал требовать от снабженцев замены тросов: он, видите ли, нашел, выискал где-то порванные пряди, и вынь да положь ему новые. Это грозило сорвать отход судна, и Малов, только что получивший назначение, боялся попасть в неловкое положение. Он не хотел и не мог подводить управление, которому обещал выйти в оговоренный срок.

«Забудьте ваши учебники! — закричал он тогда на старпому. — Здесь рыбацкий флот, а не богадельня, и если вы этого не поняли сразу, списывайтесь, пока не отдали концы! Мне отвечать за отход, а не вам!»

Старпом промолчал, но от снабженцев не отвязался, пока не привезли на судно новую бухту троса. Настырности у него не отнимешь, но понятий о работе еще никаких. На первом же

удачном замете разорался на весь эфир — и что пишет эхолот, и где косяк — показать себя задумал. Тут уж Малов не выдержал: выставил его из рубки, но тот так ничего и не понял. «А что, — говорит, — здесь такого, что и другие суда позвал?» Добренький за чужой спиной! Но при всем этом надо отдать ему должное — умен!

Старпом обстоятельно доложил Малову, каким курсом движется сейнер, кто идет справа, кто слева, какие были распоряжения с «Крыма», о том, что начальник экспедиции перешел на «Наяду» и когда полагает прибыть на борт «Диомеда». Здесь же, в рубке, вертелся и ворчал стармех Кузьмич, теперь он был, как всегда, прав. Малов не прислушивался к его бормотанию, и тогда Кузьмич стал причитать громче, что-то вроде того, что вот до какой жизни доводят себя некоторые, что не надо было разрешать Сухову переходить на борт «Крыма», что таким вещам не надо потакать в море.

— Успокойтесь, Кузьмич, — сказал ему Малов. — Вы правы, успокойтесь.

Старпом дождался, когда Кузьмич ушел из рубки, и, отведя Малова в сторону от рулевого, сказал тихо:

— Капитан, я проверил плотики. Один из них разнайтован. Я нашел эту карту и несколько ракет — вот здесь, в рундуке, все это.

— Ясно, — сказал Малов. — Прошу об этом пока никому не говорить, после вахты все в пакет и ко мне в каюту.

— Вас понял, — четко ответил старпом.

«Вот и этот «гардемарин» докопался. Стоит ли говорить с ним, чтобы не болтал? Но он не поймет ведь», — подумал Малов.

В открытые лобовые окна рубки было видно, что туман идет на убыль, он уже не был таким плотным, как несколько часов назад. Справа и чуть впереди по курсу была видна плавная корма спасательного буксира, слева росли очертания траулера. Тифоны методично буравили воздух, всхлипывали и вновь смолкали. Матросы толпились вдоль бортов, и боцман стоял прямо у штевня, плотно прижав к глазам черный бинокль.

— Видимость пять баллов, — сказал старпом. — Если и дальше так пойдет, то это значительно облегчит дело, если...

Он не договорил, пристально посмотрел на своего капитана. Малов промолчал, потом еще раз связался по радио с капитанами, занятыми поисками. Нигде ничего нового, только все выражали надежду, что теперь, когда туман рассеивается, шансы спасти Сухова значительно увеличились.

IV

Капитан плавбазы «Крым» Аверьянович, когда речь заходила о судовых женщинах, говорил:

— Если вы видите на палубе базы веселую, улыбающуюся женщину, которая не идет, а скользит, полная счастья, то непременно в какой-нибудь бригаде или вахте отыщете изможденного,двигающегося как тень члена экипажа, неспособного выполнять плановые производственные задания.

Нельзя сказать, чтобы капитан был женоненавистником, что жизнь обошла его, что на берегу он был жестоко обманут; нет, он недавно женился, был влюблен, но твердо и раз навсегда уверился, что океан не для женщин, что им здесь не место. Он знал, что его начпрод Людмила Сергеевна влюблена в штурмана с «Диомеда», осложнений это не приносило, но чувствовал, что это серьезно, знал, что начпрод его женщина строгая, обстоятельная и что главное для начпрода — идеально честная во всех расчетах, а потому никаких шуток по ее поводу сам не позволял, да и других одергивал. Однако в таком варианте, когда один из влюбленных находится на другом судне, по его мнению, хорошего было мало. Во-первых, тот сейнер, где находится влюбленный, постоянно лезет на швартовку, в смысле сдачи рыбы — это выгодно, а вот снабжать его часто топливом, продуктами, бельем не столь приятно; во-вторых, даже при сдаче рыбы влюбленный с сейнера всеми правдами и неправдами рвется на базу. Отказать в пересадке невозможно, тем более что официально заявляется, будто направляется товарищ к врачу, и приходится подавать сетку. Забегав на мгновение в амбулаторию и отметившись там, влюбленный, как таран, рвется в кормовую надстройку, где живут женщины. В итоге выгрузка заканчивается, а сейнер, сдавший улов, не отходит без члена своего экипажа, и приходится несколько раз напоминать по судовой трансляции, что время свидания истекло. Но капитан не мог обижаться на своего начпрода, здесь была точность, и в те два подхода к «Диомеду» никого не надо было разыскивать. Отношения начпрода и Сухова не походили на случайную игру в океане, встречу ради встречи.

Людмила Сергеевна не любила излишних разговоров, слыла молчуньей, и даже ее соседка по каюте, буфетчица Тоня, не знала никаких подробностей, хотя часто ночами пыталась завести разговор о Сухове. Только однажды Людмила Сергеевна рассказывала ей о своем знакомстве с Суховым.

Это случилось три года назад. На плавбазе «Крым» кончались запасы овощей и мяса. Тогда по распоряжению начальника экспедиции сейнер «Торопец» прервал лов, приняв на борт Людмилу Сергеевну, и был направлен к транспортному рефрижератору «Гавана», который прибыл в район промысла из порта. Команда на сейнере состояла только из мужчин, болтались они в океане уже четвертый месяц, и многие впервые видели женщину вблизи в этом длительном рейсе.

Людмилу Сергеевну пригласили к капитану, шутили, каждый старался, чтобы она обратила на него внимание. Ей запомнилось это милое ухаживание, шутки, анекдоты, рассказываемые под дружный хохот, та теснота в каюте капитана, где все стремились сделать ей приятное, пододвигали самодельные балыки, рулеты, но больше всего ей запомнились глаза штурмана «Торопца» Сухова, его молчание, его готовность вступить за нее в любой момент. Они еще не сказали друг другу ни слова, но между ними уже образовался незримый, не видимый никому мост, соединяющий их мысли, движения, та тяга, которая возникает вдруг с первого взгляда и все растет, укрепляется с каждой минутой и которую уже ничто не может разрушить, хотя поначалу стараешься ей сопротивляться, откинуть ее всем своим

прежним опытом, не оставляющим надежды на счастливый исход и не желающим никаких повторений.

На швартовку к плавбазе подошли под утро. Было странно отсюда, с маленького сейнера, наблюдать, как растет впереди огромный борт с надписью на нем «Крым». Людмила Сергеевна и не думала никогда, что база ее такая исполинская, напротив, временами, и особенно в шторм, плавбаза казалась ей беззащитной, такой крошечной посредине разъярившихся валов, а здесь, с сейнера, когда вода плещется рядом, нагнулсся с борта и можно зачерпнуть ладонью, с сейнера, который резко подбрасывало зыбью, она смотрела на растущую громаду, на целый город огней, надвигающихся осторожно и медленно, и плавбаза казалась ей самым уютным и надежным местом в мире, но почему-то ей не очень хотелось покидать гостеприимный шаткий «Торопец». Были уже поданы троса, на базе цепляли сетку для продуктов, на сейнере матросы подволакивали ящики к борту, Сухов стоял рядом с ней, и тут ее как будто осенило, она и не собиралась ничего предпринимать, но помимо своей воли, надеясь на что-то, сказала, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Как же я справлюсь на сетке? Там же у меня в ящиках банки с соком, их надо поддерживать.

— Я помогу, — сказал Сухов.

И когда подали сетку и они ухватились за стропы, он стоял совсем рядом, и его рука была у нее за спиной и касалась легко, осторожно, и в то же время она чувствовала, как он весь напряжен, как готов поддержать ее, и ей было совсем не страшно, когда палуба оторвалась, пошла куда-то вниз, на базе закричали: «Вирай помалу!», и они закачались вверх. Она даже решилась взглянуть вниз, туда, где между бортами вскипала, пенилась вода, где скрипели, визжали сдавливаемые резиновые кранцы. Это было страшно, и она зажмурилась, чтобы не закружилась голова, а когда открыла глаза, увидела рядом лицо Сухова, его улыбку, он что-то пытался сказать ей, она не расслышала, но кивнула головой, и в это время сетка опустилась на базу. Сухов придержал ее за талию несколько дольше, чем это требовалось для страховки, потому что они уже стояли на твердой просторной палубе, окруженные нетерпеливыми матросами, жаждающими узнать, что удалось достать на транспорте.

Пока разгружали сетку, усилилась зыбь. На «Торопце» оставались еще ящики с мясом, их успели погрузить, подать на базу, и в это время очередная волна зыби рванула судно в сторону, кто-то закричал: «Полундра!» Лопнул прижимной конец. Затем разорвало кормовой. Волны зыби периодически и методично накатывались на борт, становились все более крутыми. На «Торопце» успели отдать носовой конец, и сейнер, подхваченный пятиметровыми волнами, то устремлялся вверх, то исчезал из глаз, опускаясь между валами, и на том месте, где он недавно был, уже ничего нельзя было рассмотреть.

Было решено подождать, когда зыбь уляжется, и тогда идти на швартовку. Сухов остался на базе.

Зыбь не утихла в течение суток, за это время они успели рассказать друг другу о многом, она узнала о его военном детстве, его трудную жизнь в послевоенные годы и тот долгий путь, которым он шел, чтобы стать штурманом. О срыве на этом пути.

У нее создалось впечатление, будто они очень давно знают друг друга, и уже ночью, когда он собрался идти в рубку, она не отпустила его.

«Торопец» снялся с промысла на месяц раньше плавбазы. Сухов приходил в порт, когда база встала к причалу, искал Людмилу, но она постаралась уйти с борта так, чтобы он не встретил ее.

Вот уже десять лет она жила одна, сын вырос и поступил в училище, а, один раз ошибившись в выборе, она долго не искала новой судьбы.

Прошел год. И как-то случайно, встретив Сухова в порту, Людмила Сергеевна не выдержала, кинулась ему навстречу, увидела слезы в его глазах, и, хотя это было столь необычно, именно тогда она поняла, как он одинок. Сухова надо было заставить поверить в себя, ему нужен был человек, который бы тоже нуждался в его поддержке. И она чувствовала, как с каждой новой встречей он все больше оживает, возвращается к жизни. А перед отходом в этот рейс Сухов ходил в инспекцию. Рассказывал он ей об этом оживленно, говорил, что требуется совсем немного, нужны курсы, что в конторе хотели в этот рейс его направить капитаном, но не было подходящего судна. Он решил, что лучше всего ему теперь плавать не на малых сейнерах, а устроиться на базу, тем более у него пошаливало сердце, да и они бы смогли быть все время вместе.

На берегу у Сухова была своя семья, свой дом, и, хотя Людмила Сергеевна знала, что дом тот давно стал чужим для Сухова, ей это было неприятно: различные слухи, осуждения, разговоры в конторе, встречи тайком, хотя и таится уже было ни к чему. Сухов сам рассказал жене обо всем. Опрометчиво ли было это с его стороны — судить трудно, в этом был Сухов. Он не умел выкручиваться, лгать, и в то же время жила в нем какая-то неуверенность, которую Людмила Сергеевна пыталась вытравить из него. Висели над ним прежние неудачи, груз которых надо было скинуть во имя его же блага, чтобы он мог подняться, встать во весь рост, жить раскованно. Теперь, когда, казалось, все прояснилось, он исчез вдруг, и она не в силах ничего сделать, чтобы спасти его!

Людмила Сергеевна выбежала из рубки, кинулась к радистам, те пытались успокоить ее, сказали, что все прекратили лов, что Аркадий Семенович перешел на «Наяду», что «Наяда» идет к «Диомеду». Она побежала вниз, чтобы упротить Шестинского взять и ее на «Наяду», но было уже поздно, сейнер отходил от борта.

На базе подавали в цех рыбу, принятую от «Наяды». Матросы возили снег, засыпали его в бункера, где он тотчас смешивался с темной водой и серыми слоями рыбы. Снег из льдогенераторов был первозданно чистый, искрящийся, матросы лепили снежки и швыряли друг в друга, шла обычная работа, жизнь продолжалась. Но сейчас все это показалось Людмиле Сергеевне кошущим, бездушным, ей хотелось кричать на пышущих здоровьем молодых матросов, ровесников ее сына, она отвернулась, вцепилась в фальшборт и наклонилась к воде. Там, внизу над водой, стелилась дымка, в прогалах этой дымки видне-

лась поверхность моря, не голубая и искрящаяся, как обычно бывает в этих широтах, а темная. Такая вода встречается в лесных озерах, темно-коричневая, с желтыми лилиями, вязкая вода.

V

— Давай, шеф, покажи себя, — сказал Ефимчуку боцман, — покажи свой класс, начальство большое к нам идет, так что учти, чтобы были твои люля-кебабы! Усек?

Боцман, здоровенный детина, обожавший камбуз и всегда требующий добавки, был, пожалуй, единственным на судне, кто нашел общий язык с поваром. Заговаривал ему зубы, помогал чем мог и поэтому стал своим человеком в провизии.

Ефимчук рубил мясо. Равномерно опускался топор, точно находя промежуток между костями.

— Какое еще начальство? — спросил он равнодушно.

— Сам Шестинский. Говорят, расследовать будет — почему, что, отчего. Да и командовать поиском.

На мгновение топор застыл в руках Ефимчука и жмакнул по куску говядины в кость.

— Ну, я пошел, — сказал боцман. — Надо «ледянку» принять.

«Ледянкой» называли легкую алюминиевую шлюпку — это Ефимчук знал. Уже на переходе он успел многое запомнить: и как спускать шлюпку, и как пользоваться плотом. Когда были учебные тревоги, он путался в мудреных названиях, но никто над ним не подсмеивался, а, напротив, охотно все объясняли. Ему нравился флотский порядок, точность во всем, и он клял себя, что раньше не устроился на рыбацкий траулер, много раньше, а проторчал столько лет в приморской санатории, хоть и отдаленном от больших городов, тихом, но зато с калейдоскопом лиц, со сменой заездов, с мельтешением людей, вырвавшихся отдохнуть. Им не было никакого дела до того, кто и как готовит в парках огромной кухни, им был виден только результат, и вкусы у них были привередливые. Здесь же никаких жалоб — все довольно.

Слишком много людей за эти годы побывало в том санатории — в этом и была главная ошибка. И то, что он со страхом ждал, произошло. Это было явление оттуда, ожившее привидение. В парке санатория, среди весенних, блестящих от дождя кустов, шел Паскин: белые седые волосы, холеное лицо, острый взгляд насмешливых черных глаз и оттопыренные губы. Ефимчук узнал его сразу — глубокий шрам пересекал высокий лоб Паскина, и больших доказательств не требовалось. Ефимчук тотчас свернул в боковую аллею, а на следующий день внезапно занемог, и врач санатории, ничего не обнаружив, решил, что все дело в нервах. «Больной» провалился дома ровно столько времени, сколько отдыхал в санатории человек с белой гривой волос и шрамом на лбу. После отъезда Паскина Ефимчук задумал уволиться. Свое выздоровление он отметил походом в ресторан, что было не совсем обычно для уклада его жизни, основным правилом которой было стараться меньше вылезать из дома и не заводить никаких друзей-приятелей, любящих лезть в душу с расспросами. Ресторан был в другом городке, в полчасе езды от санатория, там Ефимчука не знали, и, хотя он пришел рано, все равно сел за

самый дальний столик, с тем расчетом, чтобы никто не польстился на свободное место рядом с ним. Но получилось так, что в ресторане уже через час стало шумно и многолюдно, за столиками мелькали загорелые руки, лица, синие куртки с шевронами. Оркестр исполнял на заказ одну и ту же песню о моряке, который вразвалочку сошел на берег. Рядом за столом сидел высокий плотный человек с водянистыми, но веселыми глазами, к которому все относились почтительно, а в спорах обращались за советом и окончательным решением только к нему, со всех сторон то и дело слышалось: «Петр Петрович, а как вы считаете?»

Часам к восьми моряки сдвинули столы, появились девушки, все в зале завертелось, задергалось в современном танце. Петр Петрович, оказавшийся капитаном рыболовного сейнера, из-за стола не поднялся и в тот момент, когда они остались сидеть одни, а все остальные танцевали, кивнул Ефимчуку, улыбнулся, широко открывая ровные зубы, сказал:

— Скучаем, отстаем от молодежи.

Ефимчук согласился с ним: мол, да, не те годы, хотя был этот капитан в полтора раза моложе. Они разговорились, и впервые за все последние годы Ефимчук не стал отмалчиваться, поддерживал разговор. Капитан жил заботами промысла, говорил, как ловили скумбрию в Атлантике, рассказывал о сдаче рыбы в каком-то африканском порту. Ефимчук слушал заинтересованно и в ответ на вопрос, как он живет, объяснил, что остался один без семьи, годы упущены, пристроился поваром в санатории, жизнь скучная, все надоело, люди приезжают на короткое время, бесятся, но ему это все ни к чему, противно, так вот уходит время.

— Старик, — сказал Петр Петрович, — не так живешь, старик! Ефимчук согласился:

— Не так.

— Давай с нами в Атлантику. Радость у меня — новый сейнер получаю, а вот с поварам не везет. Решайся. Будешь кормить не каких-то там бездельников, а тружеников. Видел моих ребят? Один к одному и непривередливые!

— Наверное, трудно к вам оформиться, — засомневался Ефимчук.

— Ну, ерунда, если медкомиссию пройдешь, остальное беру на себя. Пойдем без захода, а потом посмотрят в кадрах, оформят все как положено. Так лады?

Они выпили за предстоящий рейс, а потом, когда оркестр кончил играть, Ефимчука перетащили к ним за столик, и Петр Петрович сказал:

— Это вам не какой-нибудь самоучка, это настоящей шеф-повар из санатория!

В своей душевной маленькой комнате Ефимчук долго ворочался на узком диване, вставал, пил холодную воду, нашлась в холодильнике и бутылка пива. Забылся он тяжелым сном лишь под утро, а когда солнце пробилось сквозь стекло, он тотчас открыл глаза и вскочил с постели. Спал он не раздеваясь.

Так было всегда. Он просыпался сразу, прыгивал на пол, осматривался, как бы не веря, что здесь он один, что начинается новый обычный день и никто не стоит за дверью, никто не явился за ним ночью. Он всегда оставлял окно приоткрытым, так,

на всякий случай, хотя понимал, что в его годы убежать, выпрыгнуть из окна со второго этажа будет трудно. В его существовании был один выход — затаиться, стать неприметным, жить так, чтобы комар носа не подточил. Здесь, в Прибалтике, пока все сходило; народ был пришлый, некоренной, понаехали со всех концов: кто из Белоруссии, кто из Сибири, никто ничему не удивлялся. Работает одинокий старый человек, дело свое знает, отдыхающие довольны — и ладно. С годами прошлое отодвигалось все дальше, иногда казалось оно страшным, нереальным сном, историей, увиденной в кино, хотелось верить, что все это было не с ним. Он отгонял видения тех лет, но чем больше сопротивлялся этим видениям, тем чаще и настойчивее будоражили они его — входили в полудреме ночей, настигали неожиданно. Это были тени истощенных людей в порванных гимнастерках, бараки, грязь, в которой умирали раненые, и смерть со всех сторон, из которых он вышел, встав на сторону откормленных властителей, заслужив их доверие, получив право на жизнь. В двадцать три года расставаться с ней было страшно. Годы списывали все. Где теперь те, кто остался в длинных бараках, за проволокой? Их нет, давно нет.

Так казалось Ефимчуку, потому что работали в зондеркоманде с немецкой аккуратностью, не оставляя следов, не оставляя надежд для обреченных. Но откуда Паскин? Неожданное появление, воскресение из мертвых. И там, в лагере, этот парень жил дольше, чем положено было существовать человеку его нации; он выдавал себя за молдаванина, он мог провести любого, но не Ефимчука, детство которого прошло в Виннице... И с очередной партией Паскин стоял у свежевырытого рва. Тогда Штейхер приучал их к крови — пулеметы молчали, а людям Ефимчука выдали металлические пруты... Удар по голове — и человек падал вниз окровавленный, со страшным воплем, а обреченные следующей партией забрасывали землей корчащееся месиво тел. Откуда же явился теперь Паскин, превратившийся из доходяги в лоснящегося, уверенного человека, идущего по аллее без оглядки, размашистым шагом? А если он тоже вспомнил, заметил на мгновение и дал знать куда следует? И уже наводят справки, пошли запросы в Ашхабад... Не надо ему было забываться там, на юге, но потянуло жить, как все живут. Маленькая бессловесная женщина — медсестра из тубдиспансера — была идеальной женой. Полгода они прожили на окраине города, снимая приличную квартиру, и за эти полгода она догадалась почти обо всем. Как догадалась, понять трудно, может быть, проговорился во сне, или сомнения родились у нее, потому что он ни с кем не переписывался, говорил, что у него совершенно нет родственников, нет друзей, ни о ком не вспоминал. По-видимому, чутые любящей женщины. Пришлось устроить так, что налаживающаяся семейная жизнь развалилась, и он срочно подыскал место на другом конце страны. Теперь опасность нависла в очередной раз, но сейчас была возможность покончить со страхом навсегда, он об этом сразу подумал, когда еще сидел в ресторане. Оставалась боязнь перед заполнением анкеты. Стандартные вопросы: изменял ли фамилию, имя, отчество... участие в войне... Он несколько раз заходил в кадры, зажав в руке записку Петра Петровича, и всякий раз поворачивал назад, пока не столкнулся в коридоре с Ма-

ловым, и тот, узнав, что Ефимчук еще не прописан по судну, схватил его, сгреб, затащил к инспектору, начал шуметь: мол, повар настоящий, позарез нужен, надо оформлять с ходу, формальности все после рейса, чего тут судить да рыдить, люди спасибо скажут.

Ефимчук снял деньги со сберкнижки, попросил, чтобы дали сотенными, сложил, аккуратно завернул в полиэтилен. Собирался тщательно, продумывая каждую мелочь, знал о том, что заходя в инпорт не будет и рассчитывать надо только на свои силы. Как только вышли из канала, Ефимчук вздохнул свободнее, он без сожаления смотрел на уходящую вдаль, растворяющуюся кромку земли, с которой его уже ничего не связывало. Через двое суток вошли в канал, проходили Большим Бельтом, пожалуй, надо было решиться прыгнуть за борт — рядом снова ли яхты, паромы, суденышки с чужими флагами, но такой прыжок был уж слишком рискован, и Ефимчук продолжал готовить судовые обеды.

С первого же дня прихода на промысел он начал подготовку и сборы; правда, не спешил — рейс только начинался, и надо было выяснить, в каких местах удобнее покинуть судно. И когда начали работать вблизи африканских берегов, решился. Кажется, он продумал все до последней детали, но черт дернул этого влюбленного штурмана бродить по судну... Именно этот штурман с самого начала рейса что-то заподозрил, и Ефимчук старался поменьше встречаться с ним. Ефимчук догадывался, что Сухов воевал, самое страшное было — вдруг завяжется разговор, и Сухов спросит: в каких частях воевал? Где? Что? Когда? И все, попался!

Ефимчук рубил мясо и лихорадочно обдумывал создавшееся положение. Скоро прибудет начальник экспедиции, начнут выяснения. Некстати еще этот матрос Баукин. Будет ли молчать капитан? Поймет ли, что ему не стоит раздувать кадило? Как найти путь для того, чтобы напугать его сильнее, убедить, сыграть на его тщеславии? Пока еще не зажали в кольцо, надо попытаться этой же ночью уйти. Но сделать это более осторожно, дожидаться, когда рядом будет иностранное судно. Надо еще различить какое, не нарваться на болгар, их здесь, говорят, полно. Просто так он не дастся. Это последний шанс.

Вода уже грелась в большом котле, Ефимчук вычистил сковородку, нарубил шматки мяса для бифштексов, вытер лохматым полотенцем руки и, сделав огонь поменьше, встал, чтобы пойти на палубу. В это время на камбуз просунулась голова боцмана, и Ефимчук услышал:

— Быстро к капитану!

VI

Шлюпка-«ледянка», мягко скользнув по гладкой поверхности, осторожно приткнулась к борту «Диомеда». Матрос уперся весом в клюз, крикнул:

— Кончики подайте!

Шестинский привстал, схватил поданный сверху пеньковый конец и ловко завязал его за банку. С борта «Диомеда» спустили

короткий штормтрап с длинной балясиной в середине. Аркадий Семенович ухватил поперечины трапа и, сделав несколько движений, очутился на борту сейнера. Там его уже ждали Малов, так и не успевший еще раз переговорить с Ефимчуком, необычно сумрачный, суетящийся Кузьмич и несколько матросов.

В радиорубке Аркадий Семенович связался с сейнерами, переговорил с капитаном плавбазы. Новостей было мало, за исключением того, что на научных судах приняли карту погоды: синоптики обещали штиль, некоторое улучшение видимости днем, а к вечеру сгущение тумана. Значит, времени у них оставалось в обрез, часов до восемнадцати местного.

— Не слишком ли мы быстро бегаем? — спросил Шестинский.

— Возможно, я об этом тоже думал, нам нельзя далеко отходить от тех координат, в которых исчез Сухов, — согласился Малов.

— Вызовите «Наяду», — сказал Аркадий Семенович радиосту, — да, впрочем, и «Крым» тоже, пусть кто-нибудь из них ляжет в дрейф именно в этом месте, а то суеты много, а толку никакого.

Шестинский ни на минуту не терял надежды на удачный поиск, тем более сейчас, когда туман начал спадать; потерять человека, опытного рыбака в штиль, в районе, где столько судов, — оправдания этому не было бы никакого. На берегу сейчас не знают почти ничего, а утром на стол начальника будет положена дислокация судов с прочерками в графе «вылов». На общефлотском совете придется держать ответ, если не найдут Сухова — значит, плохо организовали поиск, если нашли — все равно виноваты, запаниковали, сорвали весь флот, упустили сардину, все другие флотилии с уловом, и только вы одни в пролове. Но теперь дело не в упреках, главное было в Сухове, и Аркадий Семенович готов был с радостью принять любые разносы, если бы сейчас сообщили: такое-то судно спасло человека.

Теперь он уже точно вспомнил Сухова, они ходили вместе в поисковую экспедицию лет десять назад, когда Шестинского только-только перевели из Запрыбпромразведки в руководство промыслом, в штаб промысловых экспедиций. Тогда в первой поисковой экспедиции было хорошо тем, что суда работали на одну базу, выловы были небольшие, приспособились работать тралами с двойными мешками, а потом именно Сухов предложил работать тремя малыми тралами, и все суда стали подвешивать эти малые тралы на выстрела. Десять лет назад они были почти пацаны, и Сухов казался ему стариком; еще бы — сорок, человеку уже сорок, это было далеким, недостижимым пределом. И вот теперь так глупо уйти из жизни!

— Вы спросили всех людей? С кем был дружен Сухов? Кто его видел в последний раз? В чем причина? — спросил Аркадий Семенович у Малова.

— Разве сейчас поймешь, в чем она, причина? Найдем Сухова, узнаем, — ответил Петр Петрович после некоторого молчания. Ему не хотелось посвящать начальника экспедиции во все свои соображения и детали. Прошло уже около восьми часов с того момента, когда хватились Сухова, теперь Малов понимал, что штурман навсегда исчез в океане, продержаться столько времени не хватит сил и у молодого, здорового парня, а тут, если верить

Ефимчуку, человек сам захотел уйти, а коли не удалось—вряд ли стал он бороться с водой. Да и стоит ли сейчас раздувать все это? Время покажет, где истина. А начинать сейчас — значит, ждать любого решения, вплоть до отъезда с промысла.

— Он рассказывал о своих семейных делах? — спросил Шестинский у Малова и, видя, что тот безуспешно шарит по карманам куртки в поисках сигареты, протянул ему пачку «Опала».

— Он был скрытен, но ни для кого не было секретом, что у него на плавбазе есть любовница. Дело зашло далеко, может быть, я виноват, вовремя не одернул. Я знал, что он собирается разводиться с женой, мы, кстати, с ним почти соседи. В последний свой отпуск он уехал, я его не видел, а перед прошлым рейсом он почти и не показывался дома. Слишком много у него было срывов, выдержать это трудно. Характер к тому же не сахар. Ждет, что ему все на блюдечке поднесут! Я ему говорил: «Собери документы, снеси в инспекцию», а он — ноль внимания. Ну и сиди штурманом! — Малов говорил быстро, глубоко затягиваясь и выпуская дым сильными короткими выдохами.

— Я, конечно, знаю Сухова хуже, чем вы, но мне приходилось с ним работать, и непохоже все это на него... чтобы вот так закончить, — сказал Аркадий Семенович.

Вопросы раздражали Малова. Явился... Хоть и говорят на промысле, что Шестинский спокойный и рассудительный, что не лезет никуда, если того не требует обстановка, а на самом деле настырный. Сидел бы на базе и оттуда командовал, а здесь и без него достаточно загадок, начнет еще по судну бродить, каждого выпрашивать, доберется и до Ефимчука и до Баукина. Старпом тоже что-то измышляет. Молодой, воображает себя сыщиком, а что здесь копать, человек исчез, его не оживишь, а рейс — псу под хвост. Надо было успокоить Шестинского, отвязаться от него, успеть еще раз переговорить со старпомом, но Аркадий Семенович из рубки не уходил, хотя уже несколько раз Малов предлагал ему перекусить.

После переговоров с начальником промрайона Шестинский наконец согласился спуститься в отведенную ему каюту, сполоснуть лицо и руки.

— Проведите Аркадия Семеновича, — приказал Малов боцману, — да не забудьте сменить там постель.

Кабюта, отведенная Шестинскому, была небольшой и, судя по всему, принадлежала кому-то из комсостава, а хозяина ее на время поселили в другую каюту. Вещи оставались еще здесь: в углу на вешалке висела кожаная куртка, на умывальнике стоял флакончик одеколона «Свежесть», лежали щетка, мыло, разные пластмассовые коробочки; на полках — лощи. Боцман принес чистые отглаженные простыни, стал менять постель, но Шестинский остановил его:

— Не стоит, излишне. Возможно, мне и не понадобится, спать пока я не собираюсь.

Боцман ушел. Аркадий Семенович скинул рубашку, включил воду, подставил под кран плечи. Тело уже впитало тепло дня, становилось душно, и надо было прогнать сон, усталость.

Он взял чистое полотенце, растер руки, спину, и в это время в каюту постучали.

Дверь тихо отодвинулась, и он увидел молодого парня с рос-

кошными усами, подтянутого, вышколенного, одетого по форме. Это было не совсем обычно. В рыбацком флоте форма только для берега, чтобы явиться в управление, в бухгалтерию за расчетом, иной раз в ресторан, а здесь в море — заношенный свитер, кожаная куртка, может быть, и дубленка — в зависимости от широты; да еще бывает так — повезет капитану с выловом в какой-нибудь рубашке, так и будет таскать ее на промысле, пока она не истлеет.

Юноша, вошедший в каюту, стоял в полной форме, положенной по уставу, — пуговицы блестя, черный галстук, новые шевроны.

— Разрешите обратиться? — сказал он сухо.

— Обращайтесь, старший помощник, — сказал Аркадий Семенович, определив его должность по числу нашивок.

VII

Сухов не представлял, сколько времени он продержался. Он чувствовал, как все тяжелее дается ему каждое новое движение, мускулы буквально задеревенели, хотелось пить, мысли смешались, перестали быть четкими, и только в сознании все время билось: выжить, выдержать, ни в коем случае не терять надежды. Его несколько приободрило, что пелена тумана стала теперь не сплошной, на несколько метров вокруг стала видна вода. Солнце было скрыто за дымкой, и поэтому вода вокруг была темной. Самое страшное было позади. Но теперь Сухов понимал, что страшнее любой ситуации — пустота и отсутствие надежды на спасение. Надо держаться, только держаться, остальное не в его силах. Он должен держаться на воде, подгребая одеревеневшими руками, и дышать. Дышать, напрягая уставшую шею, изредка, при неудачном движении погружаясь в соленую воду, но дышать! Ночью он напрасно метался. Непростительно запаниковал! Надо было просто держаться на месте. По-видимому, не рассчитал, рванулся, заметался в воде, как рыба, ищущая выход из сетей. Забыл основное правило: очутился в воде — не суетись, береги силы, береги тепло, поддерживайся на плаву, тебе все равно не догнать, не найти судно, оттуда сами заметят тебя, подойдут, кинут спасательный круг, спустят штурмтрап, подплывут на шлюпке. Хорошо еще, что сразу не пошел на дно! Если бы удар не пришелся вскользь... Удар ребром тренированной ладони; удар, рассчитанный на самое уязвимое место — шейные артерии. Даже нанесенный вскользь, потому что Сухов почти интуитивно сделал легкое движение плечом, удар мог стать роковым.

Очнулся он в воде, почти механически задержал воздух в легких, всплыл, рванулся к судну. Ночь была такой, что в ней не существовало ориентиров. И даже через много длительных часов, когда забрезжил рассвет, он не приоткрыл завесу: сплошная темнота сменилась густой белизной. Белое молоко вокруг, мир, закутанный непроницаемым слоем мглы. Он пробовал кричать — бесполезно! Звук вяз в пространстве, натываясь на безответную белую стену. И только через час Сухов услышал тающие гудки судовых тифонов, он пытался плыть на звук, но спасательные гудки исчезли. растворились вдали, и он снова потерял всякую

ориентировку. Еще раньше, до этих звуков, он неожиданно попал в месиво снулой рыбы, в поток белых вздутых брюшек, в слон чешуи, липкой, лезущей в уши, в рот. Это была умирающая, задохнувшаяся сардина. И по прорвавшимся гудкам тифонов, и особенно по этой массе погибшей рыбы он понял, что на «Диомеде» хватились его, ищут, а рыба эта выпущена из кошелька его судна. Значит, «Диомед» здесь, рядом, он крутится совсем близко! Мертвая рыба была вестником близкой помощи, спасения, но отняла столько сил! Руки вязли в скользкой, липкой массе, чешуя набилась в волосы, лезла в глаза. Сухов с трудом выбрался из этой липкой массы, и туман поглотил то, что когда-то было подвижным косяком.

Когда он выбрался из мертвых белых слоев, гудки стихли — мир погрузился в плотное молчание, где каждое его движение порождало звонкий всплеск и болью отдавалось в ушах. Полное отчаяние охватило Сухова. Он не хотел больше двигать онемевшими мускулами. Захотелось скользнуть вниз, в глубину, в холодные слои, прозрачные, тихие и бесконечные. Желание было неотступно, как наваждение, — разом покончить со всеми мучениями. Но там, на борту «Диомеда», оставался Ефимчук, для которого гибель его, Сухова, означала жизнь, дальнейшее тихое существование в личине классного повара, находящего путь к людям через желудок, ежедневное спасибо от всех в салоне, камбуз, полный запахов пряностей, и день, когда все успокоится и можно будет уйти беспрепятственно. И еще оставалась в этой жизни почти одинокая женщина, которая сникнет в печали и которой поздно начинать все сначала. Сухов осторожно перевернулся на спину, в таком положении держаться на воде было легче.

К жажде, к усталости, к одиночеству прибавилась еще одна беда: опять давало себя знать сердце, которое давно, вот уже несколько лет, беспрестанно напоминало о себе. Каждая медкомиссия могла стать последней, особенно с того времени, как в рыбацкой поликлинике ввели проверку при помощи кардиограммы. Обманывать приборы становилось все труднее, он задолго готовился к встрече с ними, старался не пить, больше бывать на свежем воздухе, откладывал все неприятности, пытался забыть о них. Теперь вода помогала сердцу, она смачивала грудь, защищала от духоты. Солнце все отчетливее пробивалось сквозь рваные полосы тумана, и жара могла стать реальной угрозой, но это еще было впереди.

Годы, подорвавшие сердце, научили Сухова выносить любые удары, закалили, его кожа задубела, а нервы обросли жгутами. Всегда нужна была только цель, и не было таких дней, чтобы он жил без нее, поддавался просто течению, не сопротивляясь, хотя все считали, что он слишком спокойно реагирует на происходящее, — просто он не позволял выплескиваться наружу эмоциям, ввергать в свои тревобления других людей. Он убедился, что человек может вынести все, что нет предела его силе. Убедился он в этом еще совсем молодым парнишкой, когда в партизанском лагере, зажатые в кольцо карателями, люди сумели вынести все: ели кору, варили похлебку из трав, все, что могли, отдавали детям, женщинам — и выстояли, сумели собрать силы; на рассвете, вот в таком же плотном тумане, сжались в кулак, прорвались, уцелели.

Хотелось пить. Соленая теплая вода усиливала жажду. Руки и ноги становились непослушными, их как бы скручивали проволокой, стягивая мышцы и сосуды, тысячи иголок вонзались в сердце. Потом ноющая боль на миг отступала, но лишь на миг, и с новой силой кололо под левой лопаткой.

«Неужели это конец? — подумал Сухов. — Неужели не хватит сил?!» Он подумал о том, что все, что было с ним в жизни, сейчас уйдет, закончится вместе с ним, вместе с тем мгновением, когда вода хлынет внутрь и не будет уже сил всплыть, вытолкнуть соленую массу из легких, вдохнуть чистый воздух! Ну что ж, каждому приходит своя пора. Но почему именно сегодня, сейчас?!

Они взяли отличный улов, предстояла сдача на базу. Сухов надеялся, что подойдет «Крым», он вглядывался в туман, опускавшийся к ночи на тихие воды, пытался рассмотреть огни базы, которая лежала в дрейфе справа по борту. Ему было приятно думать, что там его ждут, что он нужен кому-то, и вдруг метнувшаяся тень на юте, шурушание, возня, резкий прыжок по трапу туда, в темноту, где Ефимчук пытался спустить плотик. На этот раз подвела привычка действовать с ходу, можно было не спешить! Куда бы он делся, этот повар? Надо было тихо, неслышно подняться в рубку, дать сигнал аврала — и все на ногах. А если бы он успел, этот повар? Успел именно за это мгновение и скрылся бы в тумане?.. Тихоня и аккуратист, любитель судовых карт, так вот почему часто заглядывал в рубку, интересовался прокладкой, как юнга, мечтающий стать штурманом!

Почти развиднелось вокруг, посветлела вода. Было видно, как юркие рыбешки проносятся мимо, расплывчатые медузы тают, вздымаются из воды, как будто дышат. Рыбы уже не остерегались человека, они видели, насколько слабы его движения, с каким трудом он удерживается на воде и сипло дышит приоткрытым ртом.

Сухов почти в бессознательном состоянии в который уже раз погрузился в воду, охнул, выныривая, оглянулся вокруг, и не поверил своим глазам — серая растущая тень скользнула слева от него! Он разглядел иллюминаторы на борту, надстройка была скрыта пеленой, на носу прочитал отчетливую надпись: «Наяда». Наконец-то! Он рванулся, пошел саженьками, разгребая воду, захлебываясь, на секунду приостановился, вытолкнулся из воды, хотел крикнуть: «Помогите, здесь я! Сюда!» Но получилось нечто нечленораздельное, сиплое, с трудом вырывающееся из гортани, очень слабое, едва слышимое. Он со страхом видел, как уменьшается тень борта. Вот уж и надпись стала неразличимой... Куда же они, куда? Сухов попытался сильнее оттолкнуться от воды, но руки не слушались его, а тень все уменьшалась, уходила в дымку тумана, таяла на глазах, пока совсем не растворилась.

Сухов уже не верил, что рядом была «Наяда». Так получилось — просто воображение нарисовало этот маящий борт — остров тепла, спокойствия, остров спасения. Теперь конец, можно подводить итоги! Он опять впал в какое-то непонятное, полубессознательное состояние, словно в калейдоскопе, вспыхивали лица друзей, Людмила. Людмила... Он знал наверняка, чувствовал, как она сейчас мечется по палубе плавбазы, это ее беспокойство, отчаяние передавались ему. Она все время боялась временности

встреч, для нее это тоже было последней вспышкой, последней надеждой. Он сам рассказал обо всем жене, чтобы упредить добрых, но жена не поверила: ты не способен любить, не выдумывай, ты уже ни на что не способен, посмотри на себя... А она, Люда, убеждала его, что жизнь только начинается.

— Я хочу сына, — сказал тогда жене Сухов. — Я хочу, чтобы кто-то остался на земле после меня!

— А чем я виновата? Я! Я-то как?! — ответила жена и заплакала.

Сухов не переносил женских слез. Морская вода как слезы. Если бы она была чуть преснее. Больше не было сил дышать; и эта боль слева, проклятая сдавливающая тяжесть. Держаться, во что бы то ни стало держаться, твердил про себя Сухов. Ведь не одна «Наяда»! Не одна!

Солнце прорвалось сквозь туман и перестало быть союзником, теперь оно несло не только свет, но и зной, ослепляющую жару тропиков.

VIII

— Разрешите сесть? — спросил старший помощник. Шестинский кивнул.

— Только покороче, что у вас? — спросил сухо Шестинский: визит старпома был не совсем ко времени.

— Я хотел ввести вас в курс дела, полагаю, капитан о чем-то умалчивает, — сказал старпом и замялся, видимо, поняв, что выглядит это не очень красиво.

— Ну, ну, продолжайте, и как можно короче, у меня совершенно нет времени, — сказал Шестинский и натянул куртку.

— Видите ли, я полагаю, что Сухов не просто упал за борт. Я долгое время наблюдал за поваром — он у нас какой-то странный человек, а сегодня он вообще старается не вылезать наверх, и лицо у него в синяках. Они о чем-то беседовали с капитаном, правда, я не в курсе дела, но матрос Баукин утверждает, что повар ночью был с Суховым на палубе и они кричали друг на друга. Вообще-то Сухов и раньше недолюбливал повара, мы считали, что он придирается к нему, но сейчас я понял, что здесь более глубокий конфликт. К тому же плот был разнaitован, рядом лежал запас ракет, я уже докладывал капитану. Думаю, стоит прижать Ефимчука, потому что просто так Сухов не мог исчезнуть. Вот и все, пожалуй. Могу изложить это письменным рапортом.

Старший помощник замолчал, лицо его налилось краской, покраснела даже шея, и это особенно подчеркивал воротничок ослепительно белой рубашки.

«Кто он? — подумал Шестинский. — Начинающий карьерист, метящий на место Малова, или просто мальчик с большим воображением? Малов не стал бы от меня ничего скрывать. Я же спрашивал его. А впрочем... что-то неуверенное было в его словах».

— Давайте срочно в рубку! — сказал Шестинский.

Он рванулся из каюты, перепрыгнул через комингс и взбирался по трапу так, что старший помощник, стремящийся всегда соблюдать спокойствие, едва поспевал за ним. В рубке вахтенный,

третий помощник, тоже совсем молодой парень, что-то напряженно выслушивал по телефону. «Набрали сосунков, — подумал Шестинский, — вот они и играют здесь в казаки-разбойники».

— Где капитан? — спросил Шестинский у вахтенного.

Третий помощник даже не обернулся на вопрос.

— Срочно вызовите мне капитана! — приказал Шестинский старпому.

— Капитан в машине, — буркнул вахтенный и уже в телефон крикнул: — Да знаю я, лаз туда идет из румпельного, знаю. Воду дам. Ясно, Петр Петрович.

Шестинский выбежал из рубки, спустился по вертикальному трапу, пробежал по коридору — дверь в машинное отделение была открыта. Внизу на площадке он увидел Малова, старшего механика Кузьмича, боцмана и еще нескольких человек — все они были чем-то взволнованы. Шестинский обратил внимание, что главные двигатели не рождали обычного грохота, застыл без движения коленчатый вал, замерли поршни, только слева у переборки тарахтел аварийный движок. «Не хватало еще остаться без главных, потерять ход, сейчас, когда так дорого время!» — подумал он. И успокоил себя тем, что стармех здесь опытный — разберутся, нечего торчать в машине Малову, надо выяснить с этим непонятным поваром, и причем срочно. Ну а если же все это не так, а просто домыслы старпома... Впрочем, лучше лишних раз перепроверить.

По маслянистой рифленке пайол Шестинский подбежал к людям, собравшимся у входа в котельную.

— Да подаст он воду, наконец, или нет? — кричал Кузьмич. — Распустили людей, я же говорил...

— Газосваркой я в пять минут переборку вырежу, — предложил моторист с худющим лицом и непомерно острым носом.

— Я тебе дам переборку курочить, так достанем! — закричал Кузьмич.

Малов, заметив Шестинского, подошел к нему.

— Что у вас такое? Из рубки нельзя отлучиться ни на минуту, вы должны вести поиск, а вместо этого толпитесь в машине! Безобразие! — сказал Шестинский. — И потом, что вы скрываете от меня? Надо срочно вызвать вашего повара и разобраться в обстоятельствах исчезновения Сухова. Если вы не смогли это сделать, то позвольте мне заняться!

— Поздно! — почти крикнул Малов. — Поздно уже.

Из сбивчивого, торопливого объяснения капитана Шестинский узнал, что Ефимчук заперся в котельном отделении, задрал вход, затем позвонил в рубку. Когда Малов взял трубку, то не сразу осознал, что происходит и что за нелепые требования ему выставляются. Сначала он подумал, что это шутка молодого моториста, уж слишком все было неправдоподобно, но когда понял, что с ним говорит Ефимчук, то все связанное с поваром заставило осознать серьезность положения и далеко не наивную угрозу поставленного перед ним ультиматума. Ефимчук требовал, чтобы судно взяло курс на берег и подошло на такое близкое расстояние, насколько позволяет глубина. В противном случае он грозил тем, что взорвет котлы, подняв в них пар выше допустимой нормы. Взрыв котлов мог разнести машинное отделение.

Малов тут же приказал отключить питание от котельной, а затем подать туда воду.

— Пусть захлебнется гад, — закончил он.

— А вода не хлынет в машину? — спросил Шестинский.

— Я думаю, у него кишка тонка. Подступит вода к брюху, сам выскочит! — сказал Малов.

— Петр Петрович, — перебил их Кузьмич, — шланги с палубы подали, я насосы включаю! — И добавил, уже обращаясь к Шестинскому: — Вот из-за этого гада-повара расхлебываемся. Я же говорил, может, он рецидивист какой! А что с котлами — так это он слаб до марки пар нагнать, там подрывные сработают. Это ему не камбуз, тут мозгой надо шевелить!

В действиях людей «Диомеда» не было растерянности, суеты, они были уверены, что никакие фокусы Ефимчуку не помогут, тем более что было несколько способов выкурить его из котельной. Малов действовал четко и спокойно, но именно это спокойствие вызывало раздражение у Шестинского. Неужели капитан не сознает, что он сам прикрыл Ефимчука, что не разобрался в этом прохвосте, ведь были у него сигналы серьезные, а он отбросил их по простоте душевной, и только ли по простоте? И как бы ни кончились события — скандала на весь флот не избежать. И что нужно этому повару?! Ведь здесь ему не самолет, здесь не испугаешь.

— Постойте!—вдруг хватился Кузьмич.—А если он действительно пары поднял? Дадим воду — взорвет котлы!

— От вас дожدهмся когда-нибудь определенного решения? — не выдержал Малов.

Оттого, что в машине горели только лампочки аварийного освещения, было тускло. Кузьмич, побежавший наверх, споткнулся о трубопровод, с грохотом лягнула пайола. Сверху спустились Вагиф и старпом. Они начали открывать аварийный лаз, ведущий в котельную, оказалось, что Ефимчук прикрыл его неплотно — задвижка поддавалась. Теперь надо было как-то отвлечь повара и проникнуть через лаз. Шестинский согласился — так будет проще. Моторист схватил запасной поршень и стал бить в переборку котельной.

— Этого он не поймет, — сказал Кузьмич. — Стучи хоть до посинения.

— Дайте я поговорю с ним! — сказал Шестинский.

После недолгого молчания в трубке послышалось: «Да, что еще надо? Идете к берегу?»

— Слушай внимательно, Ефимчук, говорит начальник экспедиции. Сейчас мы затопим котельную, всякое упрямство бесполезно, котлы не поднимут пары выше марки, здесь двадцать опытных моряков, отщепенец один ты. Не знающий судна. Добровольная сдача — вот единственный выход для тебя. Как понял?

В трубке что-то сипело, стучало.

Шестинский на мгновение оторвался от телефона и увидел, что ни Малова, ни Вагифа в машине не было. Только пыхтел рядом Кузьмич.

— Где все? — спросил Шестинский.

— Там. — Кузьмич показал рукой на подволок. — Через аварийный полезли!

Шестинский передал трубку Кузьмичу, сказал, чтобы был вни-

мателен, чтобы моториста не отпускал, не исключено, что когда Ефимук заметит ребят, то откроет котельную и попытается удрать через машину, и побежал наверх, через коридоры на ют, к аварийному входу. Матросы толпились около лаза, заглядывали внутрь, он растолкал их и ввинтил полнеющее тело в узкий темный овал. Придерживаясь за скоб-трап, он не спустился, а съехал вниз, ободрал ладони. Клинетная дверь в котельную была открыта, он пролез внутрь, выпрямился и увидел мечущихся людей за паровым котлом, замахнувшегося на кого-то Малова, его злые глаза, эхом отдающие от переборок:

— Ах ты, вонючий гад, я убью тебя, убью паскуду...

Когда Ефимчука вытащили наверх, Шестинский придвинулся к Малову почти вплотную, сказал с тихой злостью:

— Я отстраняю вас от руководства судном, дела сдадите старпому, письменное подтверждение берега получите завтра. И учтите, если не спасем Сухова, будут другие меры!

IX

Туман развеялся, последние его клубы поднялись высоко в небо и там в зените расплзлись, согреваемые солнцем. Поверхность моря заголубела, заиграла в светящихся бликах. Плавбаза «Крым», медленно раздвигая форштевнем зеркальную гладь, приближалась в заданные координаты. С выступа носовой надстройки Людмила Сергеевна видела, как плавно расходятся волны и гаснут вдали, сливаясь друг с другом. Теперь, когда туман спал, она вновь воспрянула надеждой на спасение Сухова. Ее Сухова.

— Стоп, машина! — крикнул наверху капитан.

База прошла чуть вправо по инерции и замерла в примерном квадрате, где пропал Сухов.

— Ботя, — крикнул капитан: он всегда называл так боцмана. — Ботя, готовь шлюпки!

На широкой палубе базы забегали матросы в оранжевых нагрудниках, заскрипели шлюпбалки, боцман влез в шлюпку. Спустили штурмтрап, у которого уже собрались матросы.

— Все катера готовы, ну что за народ! Ботя, все, а не только третий номер, — крикнул капитан в мегафон.

Людмила Сергеевна оторвала взгляд от суеты у шлюпок и снова с надеждой начала всматриваться в даль. Там, слева по носу базы, у самого горизонта, низко над водой она разглядела чаек: черные точки кружились на одном месте.

— Посмотри, Аверьянович, — крикнул наверху радист, — видишь вдали...

Из рубки тоже заметили чаек.

— Просто так птицы не будут кружить, дай-ка бинокль по-сильней, — сказал капитан.

Людмила Сергеевна почувствовала, как все дрожит, напрягается внутри, а вдруг... Она даже боялась подумать, чтобы не спугнуть догадку. Просто стоять и ждать она больше не могла; мгновенно — один пролет трапа — и взлет на мостик. Она буквально вырвала бинокль из рук вахтенного. Линзы приблизили чаек, но не больше.

— Ботя, — крикнул капитан, — а ну затормози! Я тоже пойду! Катер замер, едва касаясь воды. Капитан натянул на голову матерчатую кепку с пластмассовым козырьком и стал похож на велосипедиста. С необычной резвостью он сбежал вниз, Людмила Сергеевна едва поспевала за ним. Так они и бежали вдоль борта, пока капитан не остановился у штурмтрапа и она не наткнулась на него.

— Возьмите меня, Аверьянович, возьмите, ради бога, — попросила она.

Капитан кивнул и полез к воде, туда, где колыхался новенький дюралевый катер, и уже снизу крикнул:

— Врача зовите! Где он пропал?

Вторя ему, закричал боцман:

— Доктор, в шлюпку!

Людмила Сергеевна закрыла глаза и перешагнула через планшир, ее поддержали, и она уже смелее нашарила ногой перекладину. Внизу ее подхватили, усадили на банку. Затарахтел мотор. Прыгнул сверху длинный неуклюжий доктор. Катер рванулся, взял с места скорость, взвил веер брызг.

— Вижу! — закричал капитан. — Вижу!!

Теперь уже и без бинокля все увидели черную точку впереди.

— Сережа! — не выдержала Людмила Сергеевна.

— Ну что же он, не видит нас, что ли? — крикнул боцман.

Теперь уже отчетливо была видна облепленная чешуей безжизненная голова, которая непонятно каким чудом держалась на поверхности океана.

На катере сбросили обороты мотора, и в это время капитан одним махом скинул тенниску и прыгнул в воду. Отфыркиваясь и размахисто загребая руками, он уверенно приближался к Сухову. Вот он достиг его, обнял и потащил к борту катера.

Людмила Сергеевна бросилась к безжизненному телу, начала гладить заострившееся лицо, похожее на слипшуюся маску из чешуи и соли. Капитан оттолкнул ее, крикнул доктору: «Дыхание давай!» Но доктор и без этого окрика уже массажировал Сухова, вытягивал ему руки, нагибался к лицу, вдвухвал воздух. Потом тронул запястье и побледнел. Людмила Сергеевна, оттолкнув державшего ее боцмана, бросилась к Сухову.

— Да дайте же ему воздуха! — закричал капитан. — Не заслоняйте!

— Сережа! Очнись! Это я! — крикнула Людмила Сергеевна.

Стеклянные зрачки Сухова на мгновение шевельнулись, он застонал и с трудом прохрипел:

— Ефимчук. Запомни, Мила...

Рассказ

1

Я приехала вместе с мужем. Мы потеряли друг друга! — Здесь, на вокзале?! — спросил Денисов. — В городе... — Женщина хрустнула переплетенными пальцами. — Не могу представить, что с ним сейчас творится! Он с ума сойдет.

Выстекленное до самой крыши здание вокзала было заполнено людьми, они неслышно двигались, словно в огромном аквариуме. Было поздно. Где-то совсем близко завыл поломочный комбайн, отъезжавшие ночным скорым подтягивались к выходу. За стеклом простирался февральский с задувавшей поземкой перрон, неохватный, как взлетное поле.

- Откуда вы? — Денисов внимательно ее изучал.
- Из Красного Лимана.
- Недавно прибыли? — Появление вокзального инспек-

тора уголовного розыска, который неожиданно подшел и представился, женщину явно обескуражило.

— Еще днем...

Денисов поправил куртку, миниатюрный микрофон, скрытый под одеждой, был теперь рядом с воротником — в любую минуту Денисов мог связаться с дежурным.

— В столице проездом?

— Нет, только до Москвы.

— А билеты?

— Не выбросила ли я их?!

На вид ей можно было дать не больше двадцати — крашенная блондинка, у переносья маленький шрамик...

Денисов заметил ее колебание, не ускользнувшую от наблюдательного глаза потерянность захваченного врасплох человека — они, собственно, и побудили его заговорить.

— Хотя, нет! Пожалуйста...

— Спальный вагон прямого сообщения, двухместное купе... — прочитал Денисов на билете. — Компостер. Дата. — Он редко ошибался, и если подходил к кому, то для этого оказывались, как правило, веские причины.

— Это ваши?

— Да.

Проездные документы были в порядке. Классность вагона также свидетельствовала за себя.

— Желаю вам и мужу скорее встретить друг друга. Извините.

Блондинка облегченно перевела дыхание.

Начинался третий час ночи. Денисов отошел к дверям. За стеклом было светло, тесной группой прошли ревизоры поездов дальнего следования. До посадки на скорый оставалось совсем немного.

— ...Провожающие! — В поднятых над платформами ретрансляторах что-то щелкнуло. — С восьмого пути отправляется...

Дикторша мягко смыкала губы. «С восьмого пути-м... — получалось у нее. — Повторяю-м...»

Денисов прошел вдоль поезда: ничего особенного. Несколько десятков провожающих, старуха цветочница. Восьмой путь упирался в Дубниковский мост — двухпролетный, слабо освещенный, с неподвижными красными огнями внизу.

— Двести первый! — неожиданно окликнул по рации дежурный. — Где находитесь?

В голосе слышалась тревога.

— На посадке.

— Сообщили с Казанского: крупные неприятности.

— Кражи?

— Еще с вечера. А заявили только сейчас.

Вперед медленно поплыли освещенные окна скорого.

— На большую сумму! — Дежурный, капитан Антон Сабодаш, нервничал. — Разыскивают по вокзалам женщину и мужчину...

— Что похищено?

— Все! Документы, деньги, билеты... Портфели!

Три хвостовых огня прорезали темноту в горловине станции. С уходом скорого морозные электрички, ночевавшие у платформ, показались Денисову чернее обычного. Сбоку слепил глаза стеклянный куб нового вокзала.

— Как с приметами? — Денисов нажал на скрытый под курткой регулятор..

— Должны сейчас передать.

— Что еще?

— По Москве? Ничего: кража в Свиблове, брачный аферист...

Сквозь окна в четыре этажа Денисову была видна нешумная суeta нового здания — кафетерий, всегда закрытый киоск «Техническая книга». По облицованным серым парадным мрамором лестницам струился людской поток.

— ...Сейчас это самое крупное на узле! Как понял? Прием...

— Иду на стоянку такси. — Денисов посмотрел на часы. — Оттуда в залы...

На стоянке такси людей оказалось мало, в основном проважавшие. Денисов переговорил с диспетчером, повернул в вокзал.

«С портфелем преступник мог уехать куда угодно», — подумал Денисов.

Он прошел в центральный зал. Женщина, прибывшая из Красного Лимана, сидела на том же месте, она первой заметила инспектора, но не подала виду.

— Все еще не нашелся? — Денисов остановился рядом.

— Наверное, теперь до утра...

Ей хотелось поскорее от него отделаться.

— Впервые здесь?

— Да.

— А муж?

— Он москвич...

— И вы не знаете адреса?!

Она смутилась.

— Мы женаты недавно.

Вещей при ней не было — плоский чемоданчик с блестящим запором, плащ, ветка мимозы. Все лежало сбоку, на диване.

— Может, хотя бы улицу? — спросил Денисов.

— Измайловское шоссе, по-моему... Это далеко?

— Порядочно. — Она все больше интересовала его. — Если б номер дома!

— Минутах в пяти от метро...

Денисов украдкой рассматривал блондинку: пальто с воротником золотистой нутрии, такого же меха капор. Подвернутые джинсы, сапоги.

— Может, поискать через адресный стол? — предложил он.

На ее лице напряглись мускулы.

— Не хочу.

— Муж догадается, что вы на вокзале?

— Я просто уверена. — По какой-то причине разговор был ей неприятен.

— А если объявить по радио? Может, он здесь? Как его фамилия?

— Иванов, — ответила она не сразу. — Иванов Павел. «Когда отказываются, — подумал Денисов, — всегда называют Иванова либо Смирнова. В Москве их тысячи».

— Объявлять тоже не стоит, — сказала она.

— Почему?

— Я бы не желала... — Она снова замкнулась.

— У вас документы с собой?

— Все у Павла.

— Вы тоже Иванова?

— Тулянинова... Я не меняла фамилии. Людмила. Можно Люда. — Теперь она добавляла в каждую фразу одно-два лишних слова. — Приехать с милицией! Увольте! — она решительно отвела эту мысль. — Предпочитаю вокзал. У себя, в Лимане, тоже работала на станции.

— Транспортница?

— Официанткой в железнодорожном ресторане...

Кто-то показался за дверью со стороны перрона. Тулянинова насторожилась всматриваясь.

Вошел старшина. Он коротко взглянул на инспектора, на женщину, отошел к лестнице. Денисов понял: если ему придется отойти, Тулянинова останется под присмотром.

— И никакого другого адреса? — на всякий случай спросил Денисов. — Друга или родственника?

Тулянинова подумала.

— Разве в Донецке... 91-159...

— Кто там?

— Они вместе учились, Шульман Слава. Я звонила, чтобы пригласить на свадьбу... — Тулянинова неожиданно всхлипнула, сказала глухо: — Молодой семье, наверное, не следовало бы так начинать...

Что-то отстраненное послышалось Денисову в этой фразе. Казалось, ее произнесла другая женщина.

— Двести первый! — просигналил крошечный манипулятор под курткой.

— Извините.

Денисов вышел на площадь, зябко поежился. Морозить начало с вечера, однако несильно. Потом задула поземка. На перроне еще стояли лужи, а здесь, на площади, снег лежал бурый, влажный, как нерастворившаяся кофейная масса. Над стеклянным кубом текли бесформенные зимние облака.

— Я слушаю, двести первый, — сказал Денисов в микрофон.

— Казанский передал приметы преступников, — Антону будто прибавилось растерянности. Гиревик, человек физической исключительности, капитан Сабодаш ничего не боялся, кроме ЧП. Поэтому, наверное, именно в его дежурства все происходило. — На мужчине коричневый бархат-

ный костюм, плащ. Женщину хорошо не рассмотрели: молодая, среднего роста...

— Понял.

— Обрати внимание! Могут скрыться у нас...

— Молодая, среднего роста... — повторил Денисов. — Мужчина в бархатном костюме... — Он дождался раздумывающей. — Тут дело такого рода... — и рассказал о Туляниновой и ее муже.

— Да ты!.. Ты знаешь?! — Сабодаш даже задохнулся от волнения. — Ты представляешь, что может за этим скрываться?! Повтори телефон в Донецке!

— Квартира? Алло, квартира? — кричал в трубку Антон. — Донецк?!

Телефонистка междугородной «умыла руки»: сразу же отключилась, ничего не слышала, не пыталась помочь.

— Донецк?!

Денисов слушал дежурного по аппарату внутренней связи и смотрел в центральный зал: на исходе третьего часа в непрекращавшемся движении пассажиров наметилась некая разреженность.

— Слушаю, — раздалось наконец ответное из Донецка. — Вам кого?

— Из Москвы это! — обрадовался Антон. — Шульмана! Славу! Ну и спите вы! Здравствуйте...

— Кто говорит? — спросил мужской голос.

— Шульмана можно?

— Шульмана?!

— Славу!

— Кто это?! — спросонья мучительно допрашивал мужчина в Донецке.

— Я хочу спросить про Павла. Про Иванова Павла! — Сабодаш не хотел называть себя.

На том конце провода совещались. Потом трубку взяла женщина, Денисов услышал те же подозрительные нотки.

— Вас кто все-таки интересуется?

— Павел Иванов, — сказал Антон.

Женщина подумала.

— Не знаем такого.

— А Шульмана?

Женщина повесила трубку.

— Денис!.. — Антон скрипнул зубами. — Ты слышал?! Телефон, который Тулянинова или кто она в действительности... дала в Донецке, просто липа! — Сабодаш кипел от возмущения. — Никакого Шульмана, ни Иванова... — Денисову показалось, что Антон вспомнит сейчас о разыскиваемом в коричневом бархатном костюме, но Антона увело в сторону: — А может, наоборот? Может, там, в Донецке, о чем-то заподозрили?!

Денисов не успел ответить.

— Переговорили? — ангельски проворковала вновь появившаяся телефонистка. — Отключаю, мальчики.

В старой, не подвергавшейся реконструкции части вокзала пассажиров было меньше — лепные потолки привлекали людей постарше. Здесь же находились междугородные телефоны, почтовое отделение. Мимо стеклянных кабин связистов Денисов по служебной лестнице поднялся на антресоли. Теперь он сверху смотрел в центральный зал. Присмотревшись, различил золотистые и темные цвета Туляниновой. Она стояла у бокового стекла, смотрела на площадь — высокая, застывшая в напряженной позе.

«Молодой семье, наверное, не следовало бы так начинать жизнь...» — вспомнил Денисов. Наивная фраза, ровным счетом ничего не доказывающая, и все-таки...

В дверях медкомнаты показался мужчина, он нес рентгеновские снимки на прутиках, осторожно, как только что пойманные рыбины.

Денисов одернул куртку, вошел в медкомнату.

— Что-нибудь случилось? — спросил дежурный врач.

— Все в порядке.

— У нас тоже. — Он постучал костяшками по столешнице.

Денисов подошел к телефону.

— Я позвоню?

— Ради бога.

Денисов набрал номер и, дождавшись ответа, попросил: — Девушка, Красный Лиман, пожалуйста.

Пока его соединяли с Красным Лиманом, он успел на коротке переговорить с двумя абонентами в Москве.

— Бюро несчастных случаев? Это из транспортной милиции Денисов. Несчастные случаи зарегистрированы? С мужчинами...

Отвечала женщина.

— Один.

— Где именно? — Денисов превратился в слух.

— Улица Затонная, территория восемьдесят четвертого отделения милиции. — Женщина отвечала скороговоркой. — Пострадавший госпитализирован в институте Склифосовского.

— Пострадавший москвич?

— Нет сведений. — Денисову показалось, что она спешила повесить трубку.

— Минуточку! Что с ним?

— То ли упал, — она вздохнула устало, — то ли по голове ударили.

— Молодой?

— Лет тридцати.

— Когда это произошло?

— Не знаю. Госпитализирован в час сорок две.

В 84-м отделении трубку снял помощник дежурного:

— Инспектора уголовного розыска? — Этим по крайней мере не спешил. — Нет его. Дежурного? Оба выехали. ЧП у нас!

— Обстоятельства известны? — спросил Денисов.

— Пока неясно. Подробности должны скоро сообщить.

— Одежду пострадавшего знаете?
Об одежде не говорили. По-видимому, вопрос его озадачил.

— Может, это несущественно?

— Бывает, что несущественно, — согласился Денисов. — Но все-таки узнайте. А как состояние потерпевшего?

— Тяжелое. — Помощник перешел на знакомый текст. — Идет операция, допросить пока нельзя...

— В карманах что-нибудь обнаружили?

— Карманы пустые.

Разговор перебила телефонистка:

— Москва! Кого в Красном Лимане?

— Я еще позвоню, извини!.. — крикнул Денисов мощнику дежурного. — Девушка, пожалуйста, железнодорожный ресторан...

— Не знаю, есть ли там кто-нибудь... Алло! — сказала она кому-то через секунду. — Ответьте, Москва! Говорите.

— Аллё. — В Красном Лимане отвечала пожилая женщина, страдавшая одышкой. — Слушаем...

— Директора, пожалуйста. — Денисов не надеялся найти никого, кроме сторожа, в лучшем случае уборщицы. — Директора или зама!

— Нет их, — по-доброму сказала женщина, страдавшая одышкой. — Отдыхать пошли...

— Тогда метра!

— Климентины Максимовны тоже нет.

— А Туляниновой Люды?

— Такая, милый, у нас не работает.

Женщина замолчала.

— Не работает?!

— Рассчиталась. — Денисов отнес паузу за счет одышки. — Замуж вышла. Да за кого! За дипломата... Уехала, милый. — Женщина не без труда перевела дыхание. — Да, в спальном вагоне, в двухместном купе! Билеты влетели в копеечку. Теперь, милый, Люду ты не догонишь.

2

— Мой Павел? — Тулянинова задумалась. — Молодой, энергичный... На вид не старше тридцати — тридцати одного...

— Русский?

— Брюнет.

Денисов достал блокнот — сувенир международной криминалистической выставки, подарок фирмы-изготовительницы «Фише-Бош» «самому любознательному экскурсantu».

— Как он одет?

— Однотонная серая сорочка, носки и галстук под цвет... Куртка кожаная.

В зале было совсем тихо. В конце третьего часа зал для транзитных пассажиров окончательно замер. Было слышно, как постукивает эскалатор, нескончаемо перегоняющий по кругу все те же складывающиеся гармошкой ступени.

Тулянинова пригладила жесткие, как иглы, ворсинки на воротнике.

— Что у него было при себе? — спросил Денисов.

— У Павла? Что вы имеете в виду?

— Ценности, например. — Следовало осторожно, не вызывая малейших подозрений, расспросить обо всем, что касалось пропавшего Иванова.

— Совсем без денег. Только ключи от машины, ножик.

— У вас машина?

— «Жигули» последнего выпуска.

— Конечно же, ваш муж мог где-то застрять... — Денисов кивнул. — В гостях, например. Не отпустили или что-то помешало...

— Вы не знаете Павла! — Тулянинова переставила чемоданчик, теперь Денисов мог сесть рядом с ней.

— Спасибо.

— С Павлом что-то случилось! Без меня он никуда бы не ушел. — Туляниновой было жарко, она расстегнула пальто, под ним оказалась темная с глухим воротом кофточка, желтый кулон.

— Сильное чувство? — спросил Денисов.

Она покраснела.

— Труднее всего исцелить ту любовь, которая вспыхнула с первого взгляда! Это сказал Жан де Лабрюйер. — Фамилия далась Люде с запинкой. — Французский писатель конца семнадцатого века.

— Не читал, — сказал Денисов.

— Я тоже. Все Павел!

— Начитан?

— Работник Министерства иностранных дел! Поэтому я и не хотела, чтобы через милицию, а потом по радио...

— Сколько уже, как вы вместе?

— Неделя.

— Поздравляю, — Денисов неловко поклонился.

— Это мое такое счастье... — Она покраснела. — Я говорю вам как постороннему, с которым больше не встретишься. Этот приезд, Москва, этот прекрасный вокзал — все Павел!

— Куда вы сразу пошли?

— С поезда? В камеру хранения, сдали вещи, потом в город. Павел смеется: «Домой поведешь ты!» А я и Москвы еще не видела... Такой теплый день сегодня! Заметили? И солнце. У метро торговали мимозами... Павел сказал: «Цветы для новобрачной, мадам!»

— И она пожелала вам безоблачных лет...

— Я вела Павла какими-то улицами.

— К центру?

— Разве я знаю? Павел шел радостный, светлый...

«Восемьдесят четвертое отделение, — подумал Денисов, — даст ориентировку, когда поступят подробности из института Склифосовского. То есть примерно через полчаса...» У него еще оставалось время.

— Молодой семье... — начала Тулянинова.

Это была идефикс не одной только Туляниновой — с

чего и как должно начинать молодоженам. — ...Неследовало бы в самом начале проходить такое испытание! Неокрепшая семья слишком еще слаба для него!..

Из крошечного манипулятора под курткой Денисова неслись негромкие позывные: преступника в бархатном коричневом костюме теперь уже искал весь железнодорожный узел.

— Свадьба, по-видимому, будет в Москве? — поинтересовался Денисов.

— В «Праге».

— Вы и ресторан знаете?

— Двадцать восьмого, в четырнадцать... Павел уже заказал банкетный зал и музыку. Вообще-то он звонил из Красного Лимана не в ресторан, а сослуживцу. А тот заказал.

— Понимаю.

— Развил бурную деятельность... — Впервые с начала их знакомства Люда улыбнулась. — Последний холостяк на курсе. Чуть ли не весь выпуск собирает... Конечно, без тех, кто за рубежом.

— Ему дали отпуск?

— Сначала для вступления в права наследника: у него умер родственник в Красном Лимане. А с сегодняшнего дня должны были дать очередной. В отделе Павел общий любимец...

Она о чем-то вспомнила, лицо ее потускнело.

— Вы не все рассказываете. — Денисов внимательно наблюдал за ней. — Растерялись с мужем, так бывает. Встретитесь. Что еще вас томит?

Тулянинова совсем сникла.

Высоко, под рифлеными сводами крыши, висели мощные светильники, однако внизу было неярко, скорее пасмурно. Какие-то военные с каплями растаявшего снега на фуражках разговаривали по другую сторону двери.

— Ему грозили!

— Грозили?!

— Я нашла письмо. — Голос ее дрогнул. — «Мы считаемся, Паша! От меня не уйдешь!»

— Как вы потеряли друг друга? Только подробно... — помолчав, спросил Денисов.

Она беззвучно всхлипнула, но тут же взяла себя в руки.

— По дороге к МИДу Павел завез меня на Главпочтамт. Все так глупо... договорились: если он не появится через час, значит, уехал к шефу. В этом случае мне следует спуститься в метро, ехать до платформы «Коломенская». Там ждать.

— Почему «Коломенская»?

— Там живет шеф.

Денисов искал ясности.

— А зачем на Главпочтамт?

— Я же сказала: пригласили много гостей. Надо было дозвониться до Ельца, потом в Сыктывкар...

— Дозвонились?
— Сыктывкар не отвечал, с Ельцом не было связи до семнадцати.
— Номера телефонов сохранились?
— Порвала. — Она махнула рукой.
— Дальше.
— Мне объяснили: нужно доехать до «Варшавской», перейти на платформу. Будет «Коломенская»...
— Вы так и сделали?
— Да.

Она не видела разницы в терминах «платформа» и «станция» в том смысле, в каком их употребляют москвичи: для поезда пригородного сообщения — «платформа», в метро «станция».

«Возможно, он ждал ее в метро на станции «Коломенская», а она — на одноименной платформе Московской железной дороги. — Денисов вынул блокнот. Посмотрел схеме. — Затонная улица, откуда пострадавшего доставили в институт Склифосовского, и метро «Коломенская»... Это же один район!»

— Вы говорили о записке с угрозой. — Он снова положил блокнот в карман. — Вы ее сами читали?

— Конечно.

— И помните содержание?

— Я могу ее показать.

— Записка с вами?

Она поставила чемоданчик себе на колени, щелкнула запором.

— Да вот! Пожалуйста.

Денисов взял конверт осторожно, хотя отпечатки пальцев автора скорее всего были уничтожены.

«Донецк, Главпочтамт, до востребования.

Иванову Павлу».

Адрес был исполнен почерком средней выработанности. Судя по штемпелю, письмо было отправлено из почтового отделения здесь же, на вокзале, пятого апреля, десять дней назад. Вместо почтовой бумаги автор использовал стандартный телеграфный бланк с тем же выведенным фиолетово-жирно индексом.

«До Красного Лимана, — подумал Денисов, разглядывая конверт, — муж Туляниновой заезжал в Донецк. Писавший анонимку знал это. Знал и то, что Иванов будет получать корреспонденцию на Донецком главпочтамте до востребования. Это сужает круг подозреваемых...»

«Мы рассчитаемся дипломат от меня не уйдет».

Тулянинова ошиблась: Иванова называли в письме не «Пашей» а «дипломатом».

«Извечная истина, — рассуждал Денисов. — Анонимщик старается скрыть грамотность: вместо безударного «и» ставит «е», знаки препинания отсутствуют... Но он не в состоянии показаться грамотнее, чем есть! — Ошибка в слове «уйдеш» показалась Денисову незапланированной. Письмо писалось на вокзале и, по всей вероятности, в ноч-

ное время. Денисов снова вложил письмо в конверт. — Днем, когда вокруг суеда, люди смотрят — не освободилась ли ручка, стул — такое на телеграфном бланке не напишешь».

Тулянинова молча следила за ним.

— Я очень волнуюсь. — Она сплела руки в замок. — С ним обязательно что-то случилось!

— Он не упоминал о Затонной улице?

— О Затонной? Не помню. Вы что-то узнали?

— Есть платформа «Коломенское» и есть одноименная станция метро, — Денисову не хотелось огорчать ее еще больше. — Там парк рядом, река. Вы плохо договорились.

Она была готова заплакать.

— Думаете, он еще у метро?

— Вряд ли... А вы больше не заметили ничего подозрительного? — Денисов показал на конверт с угрозой.

— Вокруг Павла? Нет...

— Ни в Москве, ни в пути?

— Ни разу.

— А если б на него напали?!

— Даст отпор. Не сомневайтесь: он каратист. И ножик с ним!

— Большой?

— Сувенир. На ручке маленькое копытце.

— Охотничий... А как с вещами? — Денисов постарался ничего не упустить. — Их много?

— Чемодан, сумка.

— Все в автоматической камере хранения?

— Да. Мы записали. — Тулянинова снова потянулась к иглам на воротнике. — Я еще хотела подсказать ему, чтоб был осторожнее. Понимаете? Вокруг люди, все видят... Записку с шифром Павел сунул в верхний карман! Вытащат, потеряет?!

Денисов задумался.

— Шифр помните?

— Только ячейку: 5103.

— Если бы у вас был паспорт, — сказал Денисов. — Боюсь, что у дежурного по камере хранения будут вопросы.

— Как же теперь? — Она подняла голову.

— Я поговорю. Напишите заявление, перечислите вещи...

— Все?

— Хотя бы то, что сверху.

Тулянинова задумалась.

— У Павла кофта на четырех пуговицах. В сумке халат, бигуди. Бутылка шампанского.

— Я узнаю и вернусь. — Денисов поднялся.

Она остановила его.

— Я хочу, чтобы вы приехали в «Прагу» двадцать восьмого... — Теперь Тулянинова выглядела побледневшей, глаза блестели.

— На вашу свадьбу?

— Да. С женою или один. Я даже не спросила, женаты ли вы. Тяжелая ночь. Вы столько сделали...

- Спасибо. Право, не знаю.
- Должна быть интересная компания. Не пожалеете.

В автокамеры можно было попасть служебным проходом, минуя пищеблок, можно было спуститься на эскалаторе. Денисов предпочел пройти перроном. Старое здание выглядело с перрона архаичным: острый конек крыши, круглый цоколь — начало века, смешение архитектурных стилей.

— Двести первый! — окликнул по радиции Антон. — Какие новости?

— Пока ничего.

Заканчивался третий час. Мороз прихватил основательно — то в одном, то в другом месте асфальт стягивала глянцеватая предательская корка льда. Безлюдный перрон был по-прежнему залит пронзительным неживым светом.

— Иванов не появлялся? — спросил Антон.

— Нет.

— Я так и думал. — Антон вздохнул. — Звонили из восьмидесяти четвертого отделения... Нас никто не слышит?

— Тулянинова в зале. Никто.

— Мужчина тот на Затонной улице...

Денисов заволновался.

— Умер?!

— Да. Только что передали.

— Личность установлена?

— Не знаю, просили связаться позже. — Кто-то вошел в дежурку. Сабодаш поспешил закруглить разговор. — Ты где?

— У камеры хранения.

— Находитесь на дежурном приеме...

«Умер, — Денисов на секунду приостановился. — И все же ориентировки из восьмидесяти четвертого отделения нет. «Позвоните позже»... Видимо, у них своя версия, и они не спешат просить о помощи...»

Дежурный по камере хранения, молодой парень, сидел в застекленной будочке не зажигая света, по-видимому, спал. Денисов постучал по стеклу, дежурный тут же выскочил и, ни о чем не спрашивая, пошел следом. В отсеках пассажиров не было, большинство ячеек с вечера оставались открытыми.

— Проверим вот эту. — Денисов обернулся к дежурному.

— Что-нибудь случилось?

— Еще не знаю. — В другое время Денисов не преминул бы переброситься несколькими словами; оба болели хоккеем. — Сейчас увидим. Открывай.

Дежурный отвинтил контрольный винт, раздался зуммер.

— Абсолютная пустота... Хотя нет! — Дежурный хотел было что-то вынуть, но Денисов перехватил его руку.

В дальнем углу укутанным станионом горлышком блистало шампанское.

— Пусть пока стоит!

Дежурный посмотрел недоумевающе.

— На бутылке могли остаться отпечатки пальцев преступника. — Денисов осторожно прикрыл дверцу. — Запирай.

Дежурный поставил контрольный винт на место.

«Ну вот, — Денисов посмотрел на часы, сверил с таблом. — Теперь еще и кража...»

Он вернулся на перрон. Фасад старого здания выглядел глухим. Над коньком крыши плавилось несколько звезд, морозных, затянутых паутиной облаков.

«Чем занимался инспектор Денисов после двух ночи? — подумал он о себе. — Что он выяснил, беседуя с Туляниновой?»

«Как вам сказать...»

Это была игра. Суть заключалась в том, что, пока он распекал инспектора Денисова за бездействие, тот, оправдываясь, поднимался до неожиданных обобщений и гипотез.

«Ничего вам не удалось!»

«Что-то все-таки есть...»

«Например?»

Настоящий Денисов подумал:

«Мне кажется, я узнал и другую одежду Павла, которая лежала в украденном чемодане».

«Не названную Туляниновой?!»

«Да. Сейчас проверим: не ошибся ли я?!»

Еще по другую сторону огромного цельного стекла Денисов уловил тревожный взгляд Туляниновой.

— Придется перечислить содержимое ячейки, — Денисов достал «Фише-Бош», приготовился записывать. — Все оказалось сложнее, чем я думал.

Тулянинова вздохнула.

— Бежевый чемодан Павла. В чемодане сорочки, галстуки. Кофточка, о ней я говорила... Костюм.

«Вот оно!» — Денисов не выказал волнения, хотя уже знал, что это за костюм

— Бархатный? — спросил он — Коричневого цвета?

— Да! — удивилась она. — Как вы догадались?

— Сейчас модно.

«Я не ошибся, связав вместе два преступления: у нас и на Казанском, — подумал Денисов. — Вещественные доказательства, — он имел в виду письмо с угрозой и бутылку шампанского, — надо срочно отправить дежурному эксперту».

— ...Первая ночь в Москве! Никогда не предполагала, что так ее проведу! — Мысль эта, в сущности банальная, повторялась постоянно, причем в новых вариациях. — Знаете, где мы с Павлом впервые увидели друг друга?

Она разочаровалась, когда Денисов, подумав, сказал:

— У вас в ресторане. Вы его обслуживали.

— Правильно! Но обслуживала Павла не я, другая официантка. Он сидел с одной женщиной, но смотрел в мою сторону. И у меня все валилось из рук...

Пока она рассказывала, Денисов записал первые самые неотложные мероприятия. Пора было начинать.

— ...Вдруг подходят! Метр Климентина Максимовна, а

с ней Павел. «Людочка, — Климентина мне. — Молодой человек очень серьезный... Хочет с тобой познакомиться». А сама тихо: «Детка! Может, твоя судьба?»

Денисов убрал блокнот.

— Климентина и Павел... Они знали друг друга?

— Нет.

— Как же?

— Павел зашел к ней в кабинет и выложил все как на духу: что работает в МИДе, что никогда не был женат, что приехал по своим делам на несколько дней...

— Что за женщина сидела с ним в ресторане? — Денисов оставался инспектором розыска, шла ли речь о преступлении или о простом знакомстве.

— В ресторане? — Тулянинова улыбнулась. — Новая кассирша со станции, рыжая, в конопушках. Случайно оказались рядом...

— А дальше?

— Климентина отпустила меня, и мы пошли с Павлом в кафе...

— В кафе?

— Вы не подумайте! Павел взял бутылку сухого, мы к ней даже не притронулись. Говорили, говорили... — Тулянинова закусила губу, чтобы не заплакать. — Я похожа на мать Павла. В этом, видно, все дело. Она умерла, когда он еще ходил в детский сад.

3

«...Отправляется со второго пути-м... — раздалось из ретрансляторов за окном. — Повторяю...»

К первой электричке спешили ее постоянные пассажиры.

Денисов отошел от окна. На широком, не менее полутора метров подоконнике нежились кактусы. В конце ночного дежурства полагалось окропить их водой комнатной температуры.

Прозвенел телефон.

— Даю Красный Лиман, — сказала телефонистка. — Кого в Лимане?

— Старшего билетного кассира...

Денисову была нужна рыжая, в конопушках, кассирша, сидевшая в памятный для Туляниновой день в ресторане.

На станции оказались две рыжие кассирши, одна из них дежурила, вторая ночевала в поселке, у матери. Денисову удалось переговорить с обеими.

— Был такой случай, — вспомнила та, что ночевала в поселке. — Симпатичный, среднего роста. Мы вместе вошли в ресторан.

— Вместе вошли? — уточнил Денисов.

Сидевший за столом напротив Сабодаш прислушался к разговору, спросил:

— Какое это имеет значение, Денис?!

— Молодой человек придержал дверь, — вспомнила

между тем кассирша, — я поблагодарила, мы оказались за одним столом...

— Он представился вам? Знаете ли вы его?!

— А что, собственно, произошло?

— Человек исчез!

Кассирша задумалась.

— Не представляю, что можно сказать. Он заказал салат, ромштекс...

— Вы говорили о чем-нибудь?

— Вспомнила! Он спросил, есть ли у нас магазин «Березка», и я подумала, что он вернулся из-за рубежа. А вообще-то я встречала свекровь из Днепропетровска, и мне было не до знакомства. — Кассирша вдруг заволновалась. — Вы свяжитесь с официанткой! Люда, кажется. Как увидел ее, был, что называется, сражен...

Яркий сноп света за окном бил в острый конек крыши старого здания. Внизу стучали компрессоры очередной электрички. Денисов положил трубку

— Значит, и это ничего не дало... — Антон закурил. Он курил много и все не мог похудеть. — Придется перерыв в адресном столе весь массив Ивановых Павлов...

Аппарат на столе тихо звякнул, Денисов подошел к телефону.

— Слушаю...

— Денисов?! — ахнул дежурный эксперт. — Дал работу и не интересуешься.

— Я думал, рано.

— Значит, так. — Эксперт был известным в управлении резонером. — Конверт исхвачан основательно. Сам знаешь. Бутылку — кто только в руки не берет! И на заводе и в магазине...

— Все верно.

— И все же ты требуешь невозможного! Значит, так, — повторил он. — Записывай: на телеграфном бланке с анонимным текстом имеется преотличный отпечаток пальца исполнителя. Я называю его исполнителем, а не автором. Это могут быть разные люди. Понимаешь?

— Понимаю.

— Прехарактернейший завиток на большом пальце окрасился чернилом, которым исполнен текст. Ясно? Такой же завиток присутствует на бутылке. Все понял?

— Ты молодец!

— Действуй. — В трубке послышался отбой.

— Есть что-нибудь? — спросил Сабодаш.

— Вроде бы. Автор анонимки, — Денисов поправил телефонный шнур, — лазил сегодня в ячейку, передвинул шампанское, выкрал вещи...

— Хоть в этом преуспели, — кивнул Антон.

С Казанского вокзала позвонил знакомый инспектор, тоже работавший в ночную смену.

— До вас не добраться, — упрекнул он Денисова. — Что хотели?

— Подробности кражи. — Денисов приготовился записывать. — Детали!

Инспектор засмеялся.

— Я знаю тебя, Денис! Тебе нужны «тысячи мелочей». Лучше сам переговори с потерпевшей, скоро она будет у вас.

— Опергруппа ездит по вокзалам?

— Да. А я могу обрисовать в целом.

— Слушаем, — сказал Антон и снял трубку с параллельного аппарата.

— Преступник появился на вокзале с женщиной, которую мы приняли за сообщницу. А теперь думаю, что это очередная жертва... Около двадцати двух часов он подсел к студентке из Ужгорода, поставил чемодан рядом с ее портфелем. Был он один, трезв.

— Чемодан бежевый? — перебил Антон.

— Из вашей ячейки. Я проштудировал ориентировку.

— Дальше.

— Поговорил минут десять. Потом оставил свой чемодан, чтобы пойти в буфет.

— Попросил посмотреть за вещами?

— Да.

— О чем они говорили?

— О разном. Несерьезность молодежи, ее легкомысленный взгляд на будущее...

Антон крикнул от неожиданности.

— Лихо!

— Сами удивляемся. Целую лекцию прочитал: «Молодые девушки курят! Какой вред здоровью будущего ребенка...» Отходя, предупредил: «Вещи ценные, не хочу, чтоб пропали...», вернулся через час. Затем студентка, в свою очередь, попросила посмотреть за портфелем, пошла звонить...

— А преступник, — закончил Антон, — взял ее портфель и скрылся.

— Вопросы есть? — спросил инспектор.

Денисов подумал.

— Он сетовал на молодежь вообще?

— Речь шла о молодых девушках.

Денисов спросил еще:

— Ваша потерпевшая, она курит?

— Кажется, нет. А впрочем, скоро ты ее сам обо всем расспросишь.

Увидев Денисова без вещей, Тулянинова ничего не спросила, будто о чем-то догадывалась либо подозревала. Военные, на которых Денисов еще раньше обратил внимание, оживленно разговаривали, часто поглядывая вокруг.

— Когда Павел звонил по телефону из Красного Лимана, — спросил Денисов, — вы находились рядом?

— В кабине. У него не было тайн от меня.

— Велись какие-нибудь разговоры, касавшиеся полученного наследства? — Денисов предпочитал расспраши-

вать исподволь, по «широкому фронту», так, чтобы Люда не могла ни о чем догадаться.

— Не было.

— Никто его ни о чем не просил?

Тулянинова пожала плечами.

— Я слышала только то, что говорил Павел! — Она задумалась. — В основном он звонил к себе на работу. Секретарша у них тоже Людочка, Павел с ней разговаривал. Один раз — с заместителем начальника Геннадием Аркадьевичем... Моего дядю так же зовут.

— Дядя живет в Красном Лимане?

— В Кривом Роге, на шахтах.

— Он знает о свадьбе?

— Знает. — Она была сбита с толку, не пыталась анализировать. — Поздравил нас, выслал восемьсот рублей на свадьбу.

— Почтой? — спросил Денисов.

— Телеграфом, мы ведь уезжали.

— А деньги? В ячейке?!

Она сделала неуловимое движение.

— С собой. Жить придется пока с бабушкой Павла, потом вступим в кооператив...

Денисов думал о том важном, что должно было связать полученную информацию.

«Начинать надо с анонимки... — Он посмотрел сквозь стеклянные стены, за ними тоже был аквариум, только еще более огромный, с зелеными и красными огнями подсветки. — Писавший сидел ночью в почтовом отделении, вырисовывал букву за буквой на телеграфном бланке...»

Денисов представил жаркое, высвеченное беспощадно ярким светом помещение почты — пористый потолок, кабины междугородных телефонов-автоматов.

«Работники почты наверняка могли обратить внимание на этого человека...» — подумал Денисов.

Он снова извинился перед Туляниновой:

— Ждите меня здесь.

По дороге в почтовое отделение он по рации вызвал Антона.

— Закажи еще раз Донецк...

— Снова Шульмана? — спросил Сабодаш.

— Проверь Шульмана по адресному бюро, проживает ли?

— Думаешь, Тулянинова спутала?

В почтовом отделении у окошка толпилось много людей, столько же сидело за столиками. Денисов прошел в кабину автомата, набрал номер.

— Денисов из отдела милиции. Здравствуйте.

— Здравствуйте, если не шутите. — На почте не признавали официальных.

— С вечера не присел! Шутки... Кто у вас дежурил ночью шестого?

— На аппарате или в окошке?

— В зале.

Одна из работников почты постоянно находилась среди

пассажиров — помогала заполнять бланки, выписывала квитанции.

— Кожухова Тоня, — сказала дежурная. — Да вы знаете ее — высокая такая, расфуфыренная.

— Как она сегодня работает?

— С девяти.

Денисов подумал, потом попросил:

— Можете дать ее телефон?

— Здесь что-то не то, — засмеялась дежурная. — Надо сообщить ее жениху. Записывайте...

Денисов не стал звонить Кожуховой, по номеру телефона установил адрес: Большая Черемушкинская...

«Надо ехать...» — решил он.

По радию Денисов снова вызвал Антона:

— Как у нас с машиной?

— Транспорт есть.

— Понимаешь, анонимщика могла запомнить девушка из почтового отделения. Хочу подскочить к ней домой.

— Я с тобой, — с ходу вызвался Сабодаш.

— А Донецк?

— Вячеслав Шульман в Донецке не проживал и не проживает. Тулянинова что-то напутала...

Не заходя в зал, Денисов прошел в помещение, выделенное уборщицам. Пять или шесть женщин за длинным столом пили чай. Они пригласили Денисова к столу, но он отказался, сославшись на дела.

— Времени никогда нет...

— Такая у них работа!

Старуха цветочница, торговавшая днем мимозами, сидела со всеми.

— Тетя Вера... — Денисов напомнил о цветах для новобрачной, о реплике Павла. — Помните? Он назвал вас «мадам»?

— Ну? — видно, припомнив покупателя, спросила старуха.

— Что он собой представляет?

Она пожала плечами.

— Прохиндей...

Старуха явно была не в духе, пытаться извлечь что-либо из разговора с ней было бесполезно.

Улицы были еще пусты, но шофер вел машину с осторожностью: снег едва прикрывал ледяные проплешины. Антон откровенно посапывал на заднем сиденье.

«Вот и ночь прошла! — Денисов покосился в зеркальце над головой: Тулянинова с закрытыми глазами сидела рядом с Антоном. Денисов был уверен — она не спала. — Что вы еще узнали, Денисов?»

Он продолжал игру с собой.

«Много интересного»

«Например?»

«Аноним удивительно хорошо осведомлен: знал, что Павел будет в Донецке, хотя цель поездки — Красный Ли-

ман... Непонятно, правда, зачем писать в Донецк, если через несколько дней Павел вернется в Москву?»

На повороте машину занесло — шофер чертыхнулся.

— Ну и трасса!

«Почему анонимка отправлена с того же вокзала, с какого уехал Павел? Почему писалась на почте, на телеграфном бланке? — Денисов находил все новые несообразности, подкреплявшие его версию. — Другое дело, если сам едешь ночным поездом и некуда убить время...»

У Института теоретической и экспериментальной физики, против башенок бывшего монастыря, Тулянинова открыла глаза, сказала тихо:

— Красиво!

Денисов посмотрел на часы: начало шестого.

— Приехали. — Шофер остановил машину.

Когда Антон качнулся к двери, подвеска кузова пришла в движение.

— Видимо, тот дом, — сказал Денисов. — Пятнадцатизэтажный.

Подъезд дома оказался просторным, с мрачноватым пустым вестибюлем и тусклой нишей.

Они поднялись на пятый этаж.

— Подождите. — Денисов показал Люде на площадку маршем ниже. — Сейчас все выяснится.

Тулянинова послушно спустилась вниз. Сабодаш коротко позвонил. Подождал, позвонил снова.

— Кто там?

Дверь открыла Кожухова. Денисов вспомнил ее — длинная, с подкрашенными зелеными веками.

— Вы?! — Телеграфистка тоже их узнала. — Что-нибудь случилось?

— Ничего, — постарался ее успокоить Антон, — в ночь на шестое вы работали?

Кожухова беззвучно зашевелила губами.

— Дело в том... — принялся он объяснять. — В почтовом отделении писалось анонимное письмо. На телеграфном бланке...

— Анонимное?!

— Я сейчас объясню. Вы сидели за окошком?

— Ничего не могу вспомнить. — Она поежилась. — Закурить найдется?

Антон достал «Беломор».

«Какой вред здоровью будущего ребенка!..» — вспомнил Денисов.

Теперь он отчетливо представил, какую роль должна была сыграть эта фраза.

«...Студентка не курила! Жулик готовил комплимент: «Это так редко в наш испорченный век!..» Или что-то в этом роде. — Денисов продолжал моделировать поведение преступника, совершившего кражу на Казанском вокзале. — Потом он мог сказать: «Так трудно выбрать настоящую подругу жизни...» — Ему необходимо было, чтобы случайная попутчица сама вывела прогноз его будущего поведения, узнав, что он одинок и скромен... И если бы студентка не

оставила портфель, упростив преступнику его задачу, часом позже, чтобы завладеть вещами, он наверняка предложил бы ей руку и сердце...»

— Конечно, едет много людей. — Антон был готов к тому, что Кожухова никого не вспомнит. — К тому же столько времени прошло!

«Они и термина такого не слыхали — «брачный аферист»! — подумал Денисов. — Для них он из прошлого века, из рассказов Чапека да фельетонов. И вероятность встречи с ним была не больше, чем столкновения с шальным метеоритом».

Денисов смотрел в бездумно-спокойное лицо с подкрашенными веками.

— Наверное, помните другого? — спросил он. — В каждом пиджаке? — Вместо примет преступника Денисов намеренно давал приметы исчезнувшего Иванова.

— В шляпе?! — Кожухова улыбнулась. — Это же Павел! Работник МИДа!

— Он уезжал в ту ночь?

— Да, в Донецк.

— Вы познакомились на почте?

— Ну! — Она затанулась.

Пока Антон уточнял детали, Денисов спустился этажом ниже. Тулянинова все слышала.

— Ничего не понимаю... — Люда развела руками. — Выходит, Павел врал?

Денисову показалось, что она бесконечно устала.

— Вы поможете мне с билетами? Я уеду.

— В Красный Лиман?

— В Кривой Рог, к дяде.

— Не к родителям?!

Она отвернулась.

У подлецов поразительный нюх на сирот — Денисов не раз в этом убеждался.

— Подождите нас в машине, — попросил он.

«Значит, Павел надеялся заполучить и те деньги, что Туляниновой выслали из Кривого Рога, — размышлял Денисов. — И пока она звонила несуществующим друзьям, чтобы пригласить их в «Прагу», преступник выкрал из камеры хранения вещи, а потом, видимо, ждал на станции метро «Коломенская». К счастью, они не встретились... А следующей жертвой должна была стать эта Кожухова... — подумал Денисов. — Преступник искал новые знакомства. Рыжая кассирша из Красного Лимана... Но та сразу отпала: ждала свекровь, возможно, носит кольцо. Он обратил внимание на Люду. Потом студентка на Казанском вокзале... — Одно не укладывалось в прокрустово ложе этой версии — анонимка. — Может, записка с угрозой должна была объяснить его внезапное исчезновение? Отсрочить розыск? Даже мы с Антоном поколебались, связав анонимку с несчастным случаем на Затонной улице...»

Денисов дождался, когда дверь внизу тихо закрылась, поднялся на этаж.

Сабодаш не задавал новых вопросов: профессиональная

этика, как понимал ее Антон, запрещала ему в отсутствии Денисова реализовать версию, принадлежащую другому. Он сразу замолчал, представив Денисову сделать это самому.

— Павел долго пробыл на почте? — спросил Денисов.

— Всю ночь.

— Влюбился?

Кожухова поправила волосы.

— Сражен наповал. — Она улыбнулась. — Труднее всего исцелить ту любовь, что вспыхнула с первого взгляда. Забыла, чьи слова...

«По крайней мере Кожухова, кажется, не будет особенно удручена, когда все выяснится», — подумал Денисов.

— Вы пригласили Павла домой? — спросил он.

— Да.

— Познакомили с мамой...

— С отцом. Главный у нас — папа!

Рисунок был знаком.

— Павел просил вашей руки?

— Предложил руку и сердце...

— Потом он уехал в командировку и вернулся сегодня? — почти утвердительно спросил Денисов и насторожился: уже несколько секунд за дверью слышались негромкие шаги.

— Ночью.

— Папа оставил его ночевать?

— В кабинете. — Глаза под зелеными веками вспыхнули. — С утра он должен поехать за кольцами...

Сабодаш погасил «Беломор», но Денисов, не ожидая его, осторожно отстранив Кожухову, уже входил в квартиру.

Борис ПАРМУЗИН

Знакомство с чужими ветрами

Роман

Нога болела. Проводник заметил это по лицу Махмудбека. В теплом, пропахшем дымом доме с низкими закопченными потолками было уютно и спокойно.

— Я позову мулло.

У памирцев мулло — просто грамотный человек. Он, конечно, может и прочесть молитву, и оказать помощь.

Мулло был нестарым и, видно, знающим человеком. Он осто-

Окончание. Начало в предыдущем выпуске «Искателя».

рожно стал толочь две драгоценные горошинки в глиняной пиа-ле. Потом добавил какие-то травы, налил горячее молоко, всего несколько капель. И стал натирать ногу Махмудбеку. О своем лекарстве мулло ничего не сказал. Но Махмудбек догадался, что в снадобье был змеиный яд.

— К утру пройдет... — коротко сказал мулло. И только после этого прочитал молитву.

Утром мулло даже не спросил о самочувствии больного. Он был уверен, что ночь прошла благополучно, гость может двигаться дальше.

— Я вот принес вам... — сказал мулло и протянул кусочек бересты памирской березы.

На ней были нацарапаны несколько слов молитвы. С такими амулетами можно часто встретить людей в горах.

Махмудбек серьезно принял амулет и спрятал его на груди.

Щедрую плату мулло долго не хотел брать. Но Махмудбек настоял на своем. Снова слышалась молитва, а на прощание мулло деловито, как хороший врач, посоветовал:

— Избегайте простуды. В горах не надо ночевать.

Проводник ничего не возразил. Он задумался: успеют ли дойти до следующего поселения? Мулло объяснил, как лучше и быстрее добраться.

— Там есть чужие люди? — спросил проводник.

— Их сейчас много... — вздохнул мулло. — Что поде-лаешь?

Махмудбек понимал местный язык. Здесь, на Памире, мно-гие диалекты относятся к восточно-иранской языковой группе.

— Давно появились чужие люди? — спросил он.

— Появились... — неопределенно ответил мулло и, простив-шись с гостями, ушел.

Проводник сумел незаметно вывести Махмудбека и Адхама из поселка. Уже за поселком Адхам попрощался:

— Можно мне вернуться?

— Что случилось?

— Я только взгляну на тех... ну... на пять минут. — У него были какие-то свои соображения.

Вскоре Адхам догнал Махмудбека.

— Те? — спросил Махмудбек.

Адхам вздрогнул от неожиданного вопроса.

— Из «Моррисонов»?

— Да... Один бывал у нас там, внизу... — сказал Адхам.

Больше он не вспоминал о чужих людях. Итак, фирма «Мор-рисон» пытается надежно обосноваться в горах.

Адхам больше, чем думал Махмудбек, знал о делах и лю-дях этой фирмы.

Ах, если бы Махмудбек был на месте Адхама, он давно за-гнал бы лохматую лошадку.

Но Адхам пытался скрыть свое нетерпение. Он ловил каждое слово Махмудбека. И уже с большим интересом поглядывал по сторонам. За короткое время встретились третья группа чу-жеземцев. Теперь не было сомнения: идут изыскательские ря-

боты. Вероятно, когда-нибудь хорошая дорога проляжет вместо этих троп к границе советской Средней Азии.

Адхам сам понял, насколько важны сведения о стратегической дороге чужеземцев. Не ради горных племен и народностей старается иностранная фирма.

Махмудбек при нем, при Адхаме, переспрашивал названия населенных пунктов. Проводник знал эти названия на местных диалектах и на языке страны. Так будет легче в случае необходимости на любой карте показать трассу будущей дороги.

Это был хороший дом, крепкий и теплый. Вдоль стен тянулись глинобитные нары, разделенные на отсеки. Слева от входа были малые нары, а напротив — большие, занимавшие все пространство стены. Махмудбека и Адхама усадили на почетное место, ближе к очагу.

Хозяин подал на глиняном блюде жареные зерна пшеницы — ритуальное угощение памирцев. И в то же время сытная пища. Ее когда-то в старину давали ослабевшим людям, прошедшим долгий путь.

Махмудбек вспомнил, что у киргизов эти зерна называются — бадрак. Есть и легенда, как вождь выдавал своим людям, одолевшим очередной перевал, по зернышку. Именно одно зернышко помогало преодолеть и следующий перевал.

Зерна оказались вкусными. Махмудбек, с удовольствием хрустя ими, осматривал комнату с низким потолком.

Хозяин хлопотал у очага.

— Ош... — не скрывая гордости сообщил он проводнику.

Он имеет возможность сварить для гостей ош — похлебку с лапшой, приготовленной из бобовой муки, одно из самых богатых и вкусных у памирцев угощений.

Пусть люди знают, в каком они оказались доме!

Очень хотелось спать... Махмудбек старательно разглядывал комнату. Надо было заставить себя отвлечься. Заплакал ребенок. Его колыбель, грубоватая, но видно служившая не одному поколению, стояла почти рядом.

Хозяин открыл дверь и кого-то позвал. Вошла женщина с миской, в которой был толченый, просеянный сушеный навоз. Она ловко подняла ребенка одной рукой, уложила на нары. Из колыбели собрала влажный навоз, заменила сухим, осторожно, равномерно насыпав его из миски. Навоз впитывает влагу и согревает ребенка. Так же молча женщина ушла. Ребенок несколько раз пискнул и засопел. Скрипнула дверь. Вошел благообразный, медлительный старик.

— Халифа, — шепнул проводник и торопливо поднялся с нар.

Халифа — важная фигура в поселке. Он не только священнослужитель, но доверенное лицо кира — главы религиозной общины исмаилитов. С хозяином халифа обменялся рукопожатием. После чего хозяин поцеловал каждый палец своей правой руки. Гостей халифа поприветствовал обычным поклоном.

Разговор начался с незначительных тем — с погоды, с цен на базарах, которые, как праздники, бывают очень редко. И к поездке на базар люди готовятся несколько месяцев. Такая подготовка шла сейчас и в этом горном поселении.

Только часа через полтора, когда подали ош, халифа сообщил Махмудбеку, что его (наверное, его!) разыскивает человек.

Этот человек шел за ними из долины... И, конечно, может подождать до утра, если так будет угодно господину, занятому важным делом, как он слышал, решившим навестить Живого Бога.

Махмудбек спокойно отпил из миски обжигающий ош, качнул головой. Да, пожалуй, встречу с каким-то человеком можно отложить до утра. Не этими мирскими делами заняты его сердце и голова. Однако...

— Человек проделал длинный путь. Было бы большой неучтивостью откладывать встречу.

— Да... — согласился халифа.

— Да... — подтвердил хозяин.

Но никто не кинулся звать нового гостя. Все наслаждались похлебкой, с присвистом тянули тонкие ниточки бобовой лапши.

Надо было терпеливо ждать.

Человек, проделавший долгий путь вслед за ними, шел с большой новостью.

Халифа прочитал молитву, пожелал гостям и хозяину дома спокойной ночи. Махмудбек, стараясь не выдавать своего нетерпения, ждал, когда появится гонец.

Парень, казалось, взлетел в комнату. Увидев спокойных людей, он смущенно потоптался, разглядывая комнату. Потом, прислонив винтовку к стене, поздоровался. С проводником, как с человеком своего племени, он обнялся, спросил о самочувствии. Проводник усадил гонца и вопросительно посмотрел на Махмудбека.

Хозяин уже занимался своим делом, перетаскивал посуду. Адхам понял неловкую паузу и поспешил выйти из дома.

— Что случилось? — спросил проводник у своего земляка.

— Сейчас... — ответил гонец.

Ему нужно было восстановить в памяти все слова, которые он с большим вниманием выслушал от вождя.

Гонец слишком добросовестно выполнял поручение: рассказ был длинным. Почти после каждой фразы подчеркивалось: «как сообщили порядочные люди», «что видел один честный человек».

По этому потоку фактов и событий Махмудбек смог представить картину событий, которые произошли после его отъезда из столицы.

...К дому кази Самата подошла большая группа эмигрантов, которую возглавлял чайханщик.

Люди проклинали бывшего сподвижника Джанибека-кази, требовали, чтоб он убирался из города, не мешал жить бедноте.

Рассталкивая толпу, вскоре появились полицейские. Офицер, узнав, в чем дело, попросил людей разойтись.

— Вы правы, — сказал он и махнул на дом, — этот человек мешает всем жить. И нам...

Толпа притихла, расступилась. Кази Самата вывели из дома. Старик шел, опустив голову, он не мог смотреть людям в глаза.

не мог у кого-нибудь просить защиты. Чайханщик увел толпу к Старому караван-сараяу.

— Старому? — переспросил Махмудбек.

— Да, господин.

Махмудбек, кажется, догадался о причине появления гонца.

— Ну и что?

— В Старом караван-сараяе искали еще одного человека. Искала и полиция.

— Не нашли? — прошептал Махмудбек.

— Не нашли, господин. Тот. Его зовут... — Гонец наморщил лоб.

— Усманходжа, — подсказал Махмудбек.

— Да, господин. Его зовут Усманходжа.

— Это просил передать вождь?

— Да, господин. Вождь просил передать, что Усманходжа бежал и, наверное, к Джанибеку-кази.

Вот с такой новостью шел гонец. Пулатходжаеву удалось ускользнуть и на этот раз.

— Через несколько дней Усманходжа может быть здесь? — спросил Махмудбек у проводника.

Он ожидал конкретного ответа, который успокоил бы его: через два, через три дня. Проводник подозрительно молчал, опустив голову.

— Здесь горы, хозяин... — неопределенно сказал проводник.

Они замолчали. Надо было принимать решение. Надо было немедленно двигаться дальше.

— Ты знаешь горы хорошо, — сказал Махмудбек, — могут ли нас обогнать? Прийти к Джанибеку первыми?

Проводник продолжал молчать.

— Ну? — торопил Махмудбек.

— Я хорошо знаю горы... — задумчиво проговорил проводник. — Но ведь могут найтись люди, которые знают лучше.

ЖИВОЙ БОГ

О нем ходили легенды... И трудно было отличить, где правда, а где невероятный вымысел, рожденный безудержной фантазией исмаилитов.

Агахану приписывались великие дела, безграничная доброта к верующим, забота о племенах, разбросанных в горах.

Агахану прощались мирские забавы и грехи. О них даже не говорили, не вспоминали. Ну и что, если он пускается в дальний путь, в какой-то непонятный Лондон? Значит, нужно. Ну и что, если он женится на англичанке? Значит, нужно.

За длинную дорогу Махмудбек услышал от проводника несколько самых достоверных историй. Эти истории ему рассказывал еще старый вождь в тюремной камере. А вождь сам был свидетелем многих событий.

Однажды люди большого горного племени принесли много золота. Они построили огромные весы. И в присутствии верующих попросили Агахана взойти на одну чашу весов. На другую положили золото... Так этот драгоценный металл, которым определили вес Живого Бога, сразу стал дороже в десятки раз.

Золото продавали граммами. Горное племя получило огромную прибыль.

К Агахану трудно пробиться бедному человеку. Но иногда добреет Живой Бог и разрешает пропустить первого же просителя.

— Что у тебя?

— Вот! — показал бедняк свои лохмотья. — Не знаю, как дальше жить.

— Жить надо... — посоветовал Агахан.

— Но как?

— Очень просто. Я тебе помогу.

— Я за этим и пришел, владыка... — поклонился бедняк.

— Встань! — приказал Живой Бог. — Возьми вон ту чашку и принеси мне воды.

Бедняк немедленно выполнил просьбу.

Агахан взял чашку, отпил один глоток. Присутствующие при этой церемонии замерли.

— Теперь возьми чашку. Иди... Ты будешь богатым и счастливым.

Осторожно, опасаясь пролить хотя бы каплю воды, которая отныне стала святой, бедняк вышел с глиняной чашкой в вытянутых руках.

Слух о святой воде опередил бедняка. За каждую каплю ему предлагали бешеные деньги, богатые, редкие вещи. В свой поселок человек вернулся на хорошем коне, в дорогой одежде, с деньгами. Он вез с собой остаток воды на доньшке чашки. И эта вода охраняла его от самых дерзких бандитов.

О благе своих подопечных Живой Бог не думал. Но Махмудбек знал, что с ведома Агахана, при его помощи, банда снабжается иностранным оружием. Агахан держит под своим контролем тропы, ведущие к советской границе. Именно с ведома Живого Бога живет, процветает и действует шайка Джанибека-кази.

Агахан служит Великобритании. Любой свой поступок он может оправдать перед верующими. Может... Но не будет. Разве Бог обязан перед кем-нибудь оправдываться?

Без благословения, без разрешения Агахана нельзя ничего сделать в горах. И даже с опытными проводниками Махмудбек не сможет добраться до становища Джанибека.

Какая-нибудь беда, например шальная пуля или просто камень, приостановит движение маленькой, никому не известной группы.

Агахан должен знать планы этой группы.

Поселок, где возвышался огромный, неуклюжий дворец Агахана, был прикрыт горами от злых ветров. Здесь находилась широкая базарная площадь, на которой тосковали несколько упрямых продавцов. Настоящий базар здесь бывает два раза в год. С гор спускаются люди. Они продают и покупают, а точнее, меняют вещи и продукты, запасаются самым необходимым на долгую зиму, на рабочее лето.

Махмудбек и Адхам остались в маленьком пустом караван-сарае.

— Сидите здесь, — предупредил проводник.

В поселке каждый новый человек хорошо заметен. И нужно ли шляться по базарной площади, обращать на себя внимание жителей и верующих, пришедших на поклонение к Агахану.

— Был бы Живой Бог здоровым и в хорошем настроении, — прошептал, словно молитву, проводник.

Он потоптался у двери, смущенно поглядывая на Махмудбека.

— В чем дело? — спросил Махмудбек.

— Хозяин, до Живого Бога трудно дойти. Там столько слуг! Охрана! Меня пропустят, но долго буду идти...

Махмудбек вытащил деньги, отсчитал несколько ассигнаций.

— Английские? — спросил проводник.

— Да, настоящие английские.

— Они их любят... — сказал проводник и, спрятав деньги, ушел.

Адхам покосился на дверь, расстелил халат, решил лечь. Он избегал оставаться наедине с Махмудбеком. Адхам старался не выказывать своих чувств к этому человеку, но и не умел их прятать. Единственным спасением для Адхама были привалы и ночевки. Он притворялся усталым, ложился и сразу закрывал глаза.

Агахан был удивительно тучный, с красным лицом, с маленькими, внимательными глазками. О своей вере Живой Бог не распространялся. Он заговорил о судьбе народов Востока, о беспощадной борьбе с неверными.

Агахан старался быть предельно сдержанным, говорил коротко, весомо. Но порой он забывался. И от волнения еще больше краснел, терял свой величественный, как подобает богу, вид. Он рад был приезду Махмудбека Садыкова, ближайшего помощника муфтия Садретдинхана. Вести о делах этих людей дошли до его скромной обители... Но...

Агахан должен высказать свое мнение о неумелой работе антисоветских организаций, о тех ошибках, которые совершались в течение многих лет.

— Вам надо было держаться за японцев... — горячо говорил Живой Бог. — Япония могла возглавить движение на Востоке. У них был опыт. Они еще в прошлом веке перестроили свою разведку по немецкому образцу. Великий разведчик Вильгельм Штибер по просьбе японцев сумел организовать одну из лучших в мире тайных служб.

— Мы пытались с ними связываться... — сказал Махмудбек.

— Вы не воспользовались их помощью в полной мере, — обрывал Агахан. — Здесь, в соседних странах, японцы создали общество «Черный океан». У него была одна цель — подрывная работа в Средней и Центральной Азии. В Шанхае «Колледж Тунь Веня» имел четыре тысячи студентов. Они пригласили Курбан-Али, знатока тюркских языков. Вот как тянулись японцы к мусульманам! В самой стране, в Японии, стал процветать ислам. Тридцать тысяч человек приняли эту веру...

Встречал Махмудбек этих людей. Приходилось с ними работать. Агахан, наверное, знал об этом.

Он был недоволен, что руководители мусульманских органи-

заций шарахаются от одних хозяев к другим. Да и среди этих руководителей идут вечные дразги из-за власти.

— В Берлине ваши дела очень плохие. — Агахан прищурился, провел ладонью по красным, пухлым щекам. Зачем-то потерял их. — Плохо в Берлине... — Он посмотрел на закрытую дверь, протянул руку к низенькому столику и безошибочно выбрал одну из бумаг.

Махмудбек понял, что Агахан подготовился к встрече с ним. — Это знакомо вам?

На бумаге был адрес: Берлин, Ноенбергштрассе, 14, телефон 176619. Туркестанский национальный комитет.

— Знакомо... — ответил Махмудбек.

— Вы связаны с ними?

— Плохо. После смерти Мустафы Чокаева, по существу, связь оборвалась...

— Надо связаться. Надеюсь, этот комитет уйдет от немцев?

Махмудбек пожал плечами.

— Русские уже около Берлина... — как-то спокойно, рассудительно произнес Агахан.

— А Япония?

Махмудбек постарался этот короткий вопрос задать как можно спокойнее.

— Япония пока потеряет свое значение. Но у мусульман есть искренние, старые друзья...

— Именно, старые...

На маленьком восточном столике лежали английские газеты. А слуги Живого Бога хорошо относятся к бумажным английским деньгам. Это здесь, высоко в горах, где на базарной площади в самый шумный день редко звучат монеты, идет только обмен товаров на продукты...

— Мы возлагаем большие надежды на старых друзей, — смиренно сказал Махмудбек.

— Если вы докажете на деле свою верность им, то...

Он покачал головой, давая понять: мусульманские организации получают хорошую помощь в борьбе против Советов.

— Одна война кончится, другая начнется. Таков этот беспокойный мир.

Агахан поднял глаза к резному потолку. Такую тонкую резьбу по дереву Махмудбек видел очень давно, еще в Самарканде.

— Все в руках пророка... Надо служить великой Британии...

Агахан устал. Вначале он настроился на длинную деловую беседу. Но выдохся. Устал.

Ему было приятно, что руководители туркестанской эмиграции постепенно собирают силы под его крылом. А главное, это нужно великой Британии. Агахан вытащил из-под стопки газет свою фотографию и протянул ее Махмудбеку. Он лениво пошевелил губами, благословляя Махмудбека на большие дела.

Прижимая фотографию к груди, Махмудбек поклонился.

В этом краю, диком и огромном, населенном неграмотными людьми, религиозными фанатиками, самыми разными бандами, фотография Агахана была документом огромной силы, охранной грамотой, пропуском на всех дорогах.

Махмудбек, как научил его проводник, вышел с фотографией в руках. Десятки людей, живущих неделями в ожидании Живо-

го Бога (хотя бы увидеть издали!), вставали на колени, кланялись счастливому человеку.

Махмудбек с проводником прошли несколько шагов, не спеша, не обращая внимания на людей. Наконец проводник прошептал:

— Теперь спрячьте...

Теперь можно было прятать фотографию Живого Бога. Молва еще об одном счастливом человеке уже вылетела за пределы поселка.

На краю базарной площади ютилась низкая закопченная харчевня. Люди, имеющие деньги, не могли обойти это на вид неказистое здание. От одного запаха кружилась голова...

В харчевне орудовал ловкий, юркий японец. Он пронесился с грязной, промасленной тряпкой, вытирал длинный шаткий стол одним ловким движением руки. Потом, отбросив тряпку, вырос у плиты и черного большого котла.

В котле бурлил красноватый острый бульон. На плите поджаривались длинные тонкие ленточки лапши, похожие больше на дунганский лагман.

Японец ухитрялся вовремя переворачивать (чтоб не сгорели!) это ювелирное изделие из теста, схватывать на лету одной рукой глиняную миску, а другой деревянный черпак. Он наливал бульон с подчеркнутой небрежностью. Затем в касу ловко спускались вкусные, уже рыжеватые пряди лапши.

Никто толком не знал, как называется это аппетитное блюдо и когда оно появилось в закопченной харчевне.

— Вкусно-о! — протяжно-ласково произносил японец.

В его заведении было что-то от японской кухни. Но хозяин давно понял, каким успехом пользуется у памирцев ош-похлебка с лапшой. Наверное, так и родилось это острое, душистое блюдо. На радость местным жителям и чужим людям. На все вкусы и запросы.

Какая судьба занесла сюда, в горный край, этого человека? Японец, конечно, давно принял веру исмаилитов.

Махмудбек знал таких людей. Японская разведка направила за рубеж сотни своих офицеров под видом врачей, поваров, парикмахеров, лавочников, грузчиков. Подобные профессии давали возможность ежедневно общаться с населением, с гостями этих стран.

Совершенно искреннее почтение выказывал японец европейцам, занявшим основную часть длинного деревянного стола. И не грязная тряпка мелькала перед глазами уважаемых посетителей, а полотенце. Пусть не первой свежести, а все же полотенце...

Японец, разумеется, знал английский язык. В разгар беседы европейцев он слишком часто вырастал за их спинами.

В углу харчевни лежали планшеты и полевые сумки.

— Эти люди непохожи на строителей, — сказал Адхам Махмудбеку.

Он с первой минуты косился на планшеты.

Хозяин метнулся к новым посетителям с грязной тряпкой. Но вдруг замер. Какая-то доля секунды ушла на то, чтобы с

ловкостью фокусника заменить тряпку на полотенце. И откуда только японец его извлек.

Стол был чистым. Едят здесь аккуратно. Не уронят крошки, не прольют капли. Хозяин все-таки протер гладкие потемневшие доски.

Махмудбек пришел с проводником и, наверное, со слугой. Так решил японец. Важный, а значит, заслуживающий внимания, гость.

Они долго, со вкусом, наслаждались лапшой, тянули ее со свистом, причмокивая от удовольствия.

— Не строители, — повторил Адхам.

Его интересовало все. И рассказы Махмудбека о националистических организациях, о руководителях, о их связях с чужеземцами, и эти деловитые европейцы, шныряющие в горах.

— Не строители... — наклонив голову, тихо ответил Махмудбек. — Они делают съемку местности. Делают географическую карту. Потом расскажу.

За спиной угодливо появился японец. Он, конечно, знал местные диалекты, мог знать и фарси и пушту...

Махмудбек повернулся к японцу.

— Что еще угодно господину? — почему-то шепотом спросил хозяин харчевни.

— Чай...

— У меня есть хороший китайский чай. Из далекого Нанкина. Зеленый, душистый...

Европейцы поднимались. Шумные, довольные. Один из них вытащил кожаный бумажник. Вместе с деньгами в бумажнике лежала и фотография Живого Бога.

Махмудбек мельком увидел знакомый снимок.

Даже эти люди, представители могучей державы, не могли обойтись без «охранной грамоты».

Проводник вернулся в караван-сарай, покосился на Адхама и замер.

— Рассказывай... — разрешил Махмудбек.

— Как вы приказали, хозяин, — начал проводник, — я разговаривал с японцем.

— Кто он?

— Он давно здесь... Очень давно. Его знал еще мой отец. Японец там, в темноте, кажется молодым. Но живет давно. Молится Живому Богу. И, наверное, все о нем знает.

— Для чего?

— Он обо всех знает, — добавил проводник.

— Для чего? — опять спросил Махмудбек.

— Ему все надо знать, — туманно ответил проводник. — Такой он человек.

— Обо мне спрашивал?

— Я сам сразу сказал. Как вы учили. Но он все равно спрашивал. А я молчал. Только говорил, что вы сказали.

— Кто-нибудь бывает здесь из туркестанцев?

— Бывают. На базаре... Приходит узбек из Гульташа Акбар.

— Ты знаешь его?

— Зна-аю... — уклончиво ответил проводник. — Бывают и другие. От Джанибека.

Юноша опустил голову, стал рассматривать свои стоптанные, порывевшие сапоги. Врать он не умел. Наверное, еще недавно ему доводилось ходить к границе. И неведомый Акбар вместе с тихим услужливым японцем были причастны к какому-нибудь делу.

— Японец знает Джанибека?

— Он всех знает, хозяин... — Не поднимая головы, повторил проводник.

Пока не надо продолжать этот разговор. Его следует отложить до более удобного времени.

— Что японец сказал о людях Пулатходжаева?

— Никто не приходил еще, хозяин. А другой дороги нет.

— А вдруг нашли дорогу..., — улыбнулся Махмудбек.

— Нельзя... — серьезно заверил проводник. — Только здесь можно пройти в Гульташ.

Махмудбек промолчал.

— Только здесь, — повторил проводник. — Другие дороги длинные. Много нужно времени.

— Японец не обманывает?

— Не-ет... — не очень уверенно протянул проводник. — Я дал, как вы приказали, ему деньги.

Он, казалось, успокаивал этим сообщением Махмудбека. Но сам, видно, не мог отделаться от сомнения. Слишком уж старательно рассматривал свои сапоги.

— Я сейчас приду. Вы отдыхайте. Рано утром пойдем, — сказал проводник и стремительно вышел из комнаты.

Адхам шелестел сухой травой, взбивал ее, как курпачу — теплое, стеганое одеяло, — раскладывая халат. Шумно работал парень. Но сейчас было не до него. Японец и Джанибек. И, конечно, проводник...

— Почему, господин, вы так боитесь Пулатходжаева и его людей? Кто он такой? — спросил вдруг Адхам.

Махмудбек посмотрел на Адхама. Заложив руки за спину, прошелся по комнате.

— Я не боюсь Пулатходжаева, хотя он очень опасен. И в этих горах он сможет расправиться со мной.

— У вас есть картинка с Живым Богом... — Адхам не скрыл усмешки.

— Он не посчитается с Живым Богом, — сказал Махмудбек. — Ни с каким богом не посчитается.

— Все-таки боитесь?

— Не хотел бы его увидеть, — сознался Махмудбек. — Но дело не в этом.

— А в чем же?

— Он может много причинить зла людям.

— Людям? — уже открыто усмехнулся Адхам. — Людям... — И он повернулся к стене. — Отдыхайте, господин. Завтра трудная дорога.

— Да... Трудная... — согласился Махмудбек и снова подошел к окну.

Японец, Джанибек, проводник...

Не заснет, пожалуй, Махмудбек, пока не узнает у своего проводника о человеке, который еще недавно мог уйти через границу.

Проводник вернулся с каким-то свертком.

— Это хорошее мясо... — объяснил он. — Жареное. Можно долго нести в горах.

— Дал японец?

Проводник кивнул: японец.

— А еще кого ты видел?

— Спрашивал слуг, хозяин, стражников у дворца. Никто не проходил. Мы первые идем за весной.

— Чужие люди обязательно должны зайти к Живому Богу? За его картинкой?

— Обязательно. Дальше без нее трудно идти...

Махмудбек вздохнул.

— Все ясно...

Проводник, помолчав, отрицательно помотал головой.

— Не ясно, хозяин.

— Почему?

— Картинку Живого Бога можно было получить раньше. И год назад, и два года назад.

Из рукописи Махмудбека Садыкова

Японская разведка в 30-х годах проявляла большой интерес к «мусульманским делам».

Одним из специалистов, своеобразным советником в японской разведке, был мулла Курбангалиев. Старательно работал «зна-ток тюркских языков» Курбан-Али.

В 1962 году увидела свет книга английского разведчика Рональда Сета «Тайные слуги». Автор называет несколько фамилий, приводит даты и документы, свидетельствующие о широкой программе «объединения мусульман», которой решила заняться Япония.

При активной помощи слушателей шанхайского «Колледжа Тунь Веня» осенью 1933 года в Маньжоу-Го был проведен панисламистский конгресс. С большой речью на конгрессе выступил ярый националист Гияс Исхаки.

Сразу следует сказать несколько слов и об этом «деятеле». Сын деревенского муллы сотрудничал в татарских газетах, выпускал книги, активно участвовал в делах эсеров.

Исхаки носился с идеей создания нового мусульманского государства «Идель-Урал-Штаты» («Волго-Уральских Штатов»). Потом, разумеется, бежал за рубеж. Сотрудничал с японской разведкой. В 1938 году созвал «съезд» мусульман, призывал их к объединению, предсказывал новую войну. При Гитлере Исхаки стал издавать журнал «Идель-Урал» (контроль издания и ассигнования принадлежали Розенбергу).

Японская разведка привлекала к работе и других националистов.

В Токио был приглашен Абду-Рашид-Казы Ибрагимов, уроженец Сибири. В молодости он много странствовал, получил духов-

ное образование в Медине. Позже вернулся в Россию, редактировал в период II Государственной думы бульварную газету «Сирко». И даже выпустил книжечку «Как обратить японцев в ислам».

Но он был сам одним из тех, кого разведка Японии прибрала к рукам.

Японская разведка приняла участие в создании реакционных обществ «Пробуждение великой Азии», «Белый волк», «Черный океан», «Туран» и другие.

Отделения некоторых обществ находились в Китае, Индии, Персии, Турции, Афганистане и других странах.

Харбинская газета «Гуньбао» от 20 августа 1933 года напечатала откровенную статью «Объединение мусульман Востока».

«Представитель мусульманского общества в Токио Курбан-Али (кстати, бывший депутат Государственной думы 4-го созыва) совместно с одним японским деятелем уже с давних пор руководит движением по объединению мусульман Востока... Руководящим центром общества решено созвать в Токио в начале сентября 1933 года съезд мусульманских лидеров. Приглашение принять участие в работе съезда послано всем влиятельным лицам мусульман. Сейчас на территории СССР проживает многомиллионное население мусульман, которые, по всей вероятности, тоже весьма сочувственно относятся к идее объединения. Вопрос о дальнейшем развитии движения привлекает внимание всех государств».

Подобные «авторитетные» заявления частенько раздавались со страниц некоторых газет, высказывались в публичных выступлениях, в отдельных книгах.

Вот, например, какую мысль развивал один из идеологов узбекских националистов, Абдурауф Фитрат, в своих «Рассказах индийского путешественника»:

«Бухару надо отдать под эгиду Японии. Вложение японских капиталов оказало бы чудесное действие на жизнь Средней Азии, ибо заставило бы зацвести пустынные земли и дало бы бухарцам много выгоды...»

Такие радужные картины рисовали буржуазные националисты, готовые продать родную землю в любую минуту, в любые руки...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Проводник уже накормил и напоил лошадей. Сейчас он внимательно осматривал седла, сбрую.

— Хозяин, — сообщил проводник, — все готово. Сейчас будет деа. Вон...

Под котлом билось пламя, жадно пожирая прошлогодний кустарник.

— Мне надо знать о том человеке, которого ты вел в прошлом году, — сказал Махмудбек.

— Он уже начинал болеть. Он говорил, что в это время ему всегда плохо. То холодно, то жарко.

— Малярия?

— Да, малярия. Так сказал доктор в Гульташе...

— Тоже японец?

Проводник удивленно замигал глазами и кивнул.

— Да, японец. Вы знаете о нем?

— Слышал... — сказал Махмудбек и спросил: — Ты проводишь того человека?

— Мне надо было возвращаться домой. До снега осталось очень мало.

— Он успел уйти?

— Не знаю, господин. Он очень болел.

— А сейчас смог бы уйти?

— Уже пять-семь дней назад можно было пройти через перевал, к границе Советов.

В щели и трещины скал умело, с удивительной точностью, вбиты колья. На кольях не очень прочный настил из хвороста, камней, земли. Это и есть овринг, участок горной тропы, которая тянется вдоль отвесной скалы.

Махмудбек и Адхам молча наблюдали, как проводник, поглаживая по шее, успокаивая, вел первого коня. Потом вернулся за вторым. За третьим. Проводник словно доказывал, как прочна и удобна эта шаткая дорога. На всякий случай он уверенно сказал:

— Четыре, пять манов выдержит...

Ман — на Памире чуть больше 35 килограммов.

Махмудбек и Адхам пошли, изредка касаясь ладонями отвесной скалы, ощущая ее вечный холод. Солнце сюда не заглядывает, по скале постоянно стекают тонкие, почти незаметные ручейки... Где-то тает снег, и вода находит трещинки среди плотных камней.

Казалось, искусственная тропка пружинисто прогибается под ногами, испытывая нервы...

— Как, Адхам? — спросил Махмудбек.

— Хорошо, господин... — с показной небрежностью ответил юноша.

Он пройдет этот страшноватый овринг. Вечером ждет Гульташ. А там еще один переход. И все... Парню становится труднее скрывать свое нетерпение. Скоро... Очень скоро он будет дома.

Не наделал бы глупостей у Джанибека. Надо будет настоять, чтобы Адхама сразу же переправили через границу...

Джанибек... Как он встретит Махмудбека? Что дошло в эти дикие горы о нем, о муфтии Садретдинхане, о размолвке с Пулатходжаевым?

Махмудбек уже убедился: вести из долины, несмотря на грозные непроходимые перевалы, каким-то чудом просачиваются в горы. Пусть по капле... Будто вода через плотные, покрытые зеленым лишайником скалы.

Маленький караван вновь пополз в горы. Вновь зацокали копыта послушных, выносливых животных...

Было очень тихо. И вдруг странно, неожиданно в этой тишине, раздался постепенно нарастающий рокот самолета. Наконец он, небольшой, юркий, вынырнул из-за вершины, качнул крыльями и скрылся.

Проводник восхищенно помотал головой.

— Как быстро... — и вздохнул: — Интересно...

Махмудбек не успел осмотреться в комнатке караван-сарая, не успел умыться, как прибежал Акбар, плотный, сильный мужчина лет сорока. Он без стука ворвался в комнатку, раскрыл руки и, шагнув, обнял Махмудбека.

— Это вы! Вы! Узбек! Кого аллах наконец-то послал в это проклятое место. Узбек! Скажите что-нибудь... Дайте услышать родные слова...

Акбар заплакал.

— Я единственный узбек. Единственный в Гульташе... Вы сейчас пойдете ко мне. — Он не давал возможности Махмудбеку даже ответить на приветствие. — Вы знали Барат-хана? Я его старший сын... Я растерял своих братьев. Их четверо. Вы слышали о моем отце?

Махмудбек слышал и об этом курбаши.

— Я рад вас видеть, — наконец сказал Махмудбек.

Он действительно был рад такой встрече. Акбар должен многое знать о путниках, которые здесь проходили, о становище Джанибека-кази там, рядом с советской границей.

Махмудбеку выделили отдельную комнату. В нишах стояли лаганы, касы, чайники, пиалы разрисованные искусными мастерами.

Восылась горка из сложенных ватных одеял — курпачи, атласных, шелковых, бархатных.

Все свидетельствовало о достатке, об умении жить и встречать гостей. Гости в этом доме бывали. Из горячих, шумных рассказов Махмудбек понял, что у Акбара останавливаются люди Джанибека.

Махмудбек расспросил о здоровье Джанибека, о его делах.

— Самого я видел давно. Три года назад... — ответил хозяин. — А его люди бывают, когда идут на базар.

Чувствовалось, что Акбар не сотрудничал с Джанибеком. Да и говорил о главе банды без особого почтения, как о простом смертном: коротко, общими словами.

— Прошлогдний гость ушел? Как его здоровье?

Махмудбек задал два вопроса подряд, спокойно, без особого интереса, в то же время показывая свою полную осведомленность о последнем «госте».

— Ушел... Совсем недавно. Пять дней назад. Болел долго в прошлом году. Японец дома у себя держал. Никого к нему не пускал. Тот, когда трепала малярия, много говорил. А поправился, уже перевалы закрылись. К Джанибеку японец гостя тогда не отпустил. Только недавно.

— До Джанибека можно было дойти? — спросил Махмудбек.

— В прошлом году? Можно... Не отпустил японец. Держал у себя.

Ясно, что это их человек. Японцам не хотелось на всю зиму оставлять своего агента в банде Джанибека-кази. Сейчас агент только отдохнет перед уходом за границу. На это уйдет день-два.

— В Гульташе все видно. Очень маленький город. А японец хитрый. Следит за каждым новым человеком. С кем встречается, куда ходит. Все хочет знать... — продолжал Акбар.

— Японец — наш враг.

— Враг? — удивился Акбар.
 — Да...
 — Тогда нам нужно держаться с англичанами! — шумно вздохнул Акбар.
 Он любил их, англичан. Как и его отец, Барат-хан.
 — Значит, тот гость...
 — Да, да, Акбар. Нам надо купить слугу японца. Надо узнать, что говорил гость в горячке.
 — Слуга... — пожал плечами Акбар, давая понять, о чем может сказать простой памирец, что он запомнил.
 — Надо...
 — Хорошо, — кивнул Акбар, — я постараюсь...
 Махмудбек стал укладываться. Удобнее положил подушки.
 — А вчера мы еще проводили гостей... — между прочим сказал хозяин.
 — Кого? — насторожился Махмудбек.
 — Они мало были. Кажется, братья... Один почти сумасшедший. Глазами сверкает. Зубами скрипит. Кого пугает? Не знаю.
 — Другой?
 — Другой обыкновенный. Его Шукуром звали... Умывался... Я видел шрам.
 — На правом плече?
 — Да... Вы их знаете, господин?
 — Знаю... — Махмудбек опять поправил подушку. — Как они попали сюда?
 — На самолете, господин. Как важные люди. Это же очень дорого.
 — Братья ушли?
 — Сразу... Они, наверное, уже у Джанибека. Скоро мы об этом узнаем.
 — Как? — невольно вырвалось у Махмудбека.
 — Дня через два люди Джанибека придут в Гульташ. Мы вместе пойдем на базар. Ведь скоро... — Акбар стал по пальцам подсчитывать дни. — Скоро пятница. Там, у дворца Агахана, базар.

За сытным, большим завтраком шел ленивый разговор о жизни в горах. Поднимался ароматный пар над большими кусками баранины с белым рыхлым салом. Баранина была приправлена какими-то травами. И в прозрачном бульоне плавали темные точки тмина, барбариса.

Горячий, наваристый бульон пили короткими глотками.

После такого завтрака можно пускаться в любой трудный путь. Адхам с надеждой поглядывал на Махмудбека. Можно понять его нетерпение. Два-три дня дороги, пусть самой сложной, и он будет на той, родной стороне.

Как себя поведет Адхам?

Махмудбек был почти уверен, что юноша сам пойдет к советским пограничникам и на следствии выложит все факты, имена, даты, которые так старательно запоминал в эти дни.

Так и не узнает Адхам, что за человек, с которым он шел... Будет, наверное, всю жизнь считать Махмудбека злейшим врагом.

Хозяин часто вставал, внимательно осматривал дастархан и уходил в соседнюю комнату. Он приносил новые лаганы, касы, тарелки с другими, более вкусными закусками — печенкой, хаспой — горячими колбасками. В завершение Акбар, вытянув руки, внес лаган с головой барана. Лаган поставили перед почетным гостем и подали ему острый нож. Начался торжественный ритуал. Махмудбек отрезал кусочки и раздавал своим спутникам.

Завтрак явно затягивался. И Адхам уже не скрывал своего нетерпения. Он начинал отказываться от угощений. Прикладывал руку к груди и клялся, что сыт, что уже больше не может съесть ни одной крошки. Хозяин вышел, загремя чайником.

— Мы завтра пойдем... — наконец сообщил о своем решении Махмудбек.

— Почему? — не выдержал Адхам.

— Туда ушел человек. Японец послал. Пусть пока переправит его. Здесь можно лучше отдохнуть, чем у Джанибека, — объяснил Махмудбек.

Адхам вновь вытянулся. Махмудбек заметил за ним эту странность. Так вытягиваются, замирая, школьники, когда услышат что-нибудь интересное. Эту привычку может заметить и Джанибек. Слишком любопытным покажется парень.

Слуга японца прикидывался дурачком. Он делал вид, что ничего не понимает.

— Больного поил, кормил... Плохо ел.

— Когда больной терял сознание, он что-нибудь говорил? — спросил Махмудбек.

— Без сознания? — усмехнулся слуга. — Он бывал без сознания.

Махмудбек вытащил деньги и положил их перед слугой. Тот равнодушно посмотрел на ассигнации.

— Английские... — объяснил Махмудбек.

Парень понимающе кивнул: вижу. Он откровенно набивал цену. Махмудбек положил еще три ассигнации.

— Что нужно знать господину? — деловито спросил слуга.

— Слова, которые ты слышал от больного. Он мог их говорить, когда трепала малярия.

Лицо у парня спокойное, а глаза бегают. Как пуговики, черные, острые глазки. Шныряют глазки... Перескакивают с Махмудбека на дверь. Парню надо побыстрее уйти. Сделка состоялась.

— Да, господин... Он часто повторял: Ош, Ассак, Шамурад.

— Его так звали?

— Нет... Его звали Турсун. А к Шамураду он шел.

Через полчаса пришел Акбар. Он тяжело сел, вытер рукавом лоб. И снова на лбу моментально выступили капли пота.

Хозяин дома сидел перед гостем не шевелясь, замерев, будто в молитве, тупо уставясь на худое, усталое лицо Махмудбека.

— Что случилось? — спросил Махмудбек. — Японец догадался, что его слуга был здесь?

— Японец? — как-то странно переспросил хозяин. — Какой японец? А... японец...

Опять рукавом халата вытер пот.

— Японцу не до нас... — наконец сообщил Акбар. — Плохо с ним. Лежит. А радио все работает. Работает, кричит...

Махмудбек смутно догадался о причине, которая свалила японца. «А радио все работает, кричит!» Неужели...

Он боялся поверить в эту долгожданную весть. Что же могло еще свалить резидента японской разведки!

— Значит... — несмело начал Махмудбек.

— Да... — шумно вздохнул хозяин и вдруг закричал отчаянно, истерически, схватившись за голову руками, покачиваясь: — Да! Русские взяли Берлин. Гитлера нет. В Москве праздник.

Махмудбек рванулся к хозяину, схватил за плечи, потряс.

— Тише, Акбар!

— Я и так тихо жил! Тихо! — надрывался хозяин. — Они обещали, немцы! Все обещали! Столько лет...

— Успокойтесь... Успокойтесь... — машинально повторял Махмудбек.

Он думал о другом. Он немедленно принимал новое решение.

— Не могу! А-а-а! — бился в истерике Акбар. — Всему конец. Большевики в Берлине...

Он начал хлопать ладонями по щекам. Так поступают при известии о гибели близкого.

— Когда это случилось? — спросил Махмудбек.

— Вчера! Вчера! Девятого мая!

В комнату ворвался Адхам. За его спиной, вытянув шею, стоял проводник.

— А что же они врал! — крикнул хозяин.

Он бросился к одной из ниш. Достал из-под атласных курпачи несколько журналов «Миллий Туркестон».

Махмудбек сразу узнал эти потрепанные издания. Наверное, не раз их листал хозяин дома, веря щедрым обещаниям высокопарных статей, веря каждому слову журнала, на котором стояло: «Издатель и главный редактор Вали Каюмхан».

— Что же они врал!..

Хозяин швырнул журналы в угол комнаты. Махмудбек собрал их, аккуратно положил на подоконник.

— Дорогой Акбар — сказал он. — Дорогой наш друг...

Спокойный, торжественный голос отрезвляюще подействовал на хозяина. Он поднял голову и печально посмотрел на гостя.

— Борьба продолжается! Мы были готовы к поражению немцев. Но борьба продолжается. Завтра вот этот джигит, — он кивнул на Адхама, — уйдет к Советам. За ним пойдут другие...

— Да, да... — прошептал Акбар. — Борьба продолжается.

В эти слова он сам не верил...

Махмудбек повернулся, взял за локоть Адхана и вывел в соседнюю комнату.

— Завтра утром пойдешь. На всякий случай должен знать, что совсем недавно туда, к Советам, прошел человек японца — Турсун. В бреду он, вероятно, выдал свои явки: Ош и Ассак... Имя — Шамурад.

— Ош, Ассак, Шамурад, Турсун... — повторил юноша и вдруг подозрительно спросил: — Зачем мне это, господин?

— На всякий случай. Вдруг твоя явка провалится... — не очень доказательно ответил Махмудбек. — Ясно? Ош, Ассак, Шамурад, Турсун.

— Ясно, господин... А вы?

— Увы! — вздохнул Махмудбек. — Обстановка так изменилась, что мне надо побыть здесь... — неопределенно ответил Махмудбек. — И нога. Нога очень болит...

Махмудбек говорил правду. Опять острая боль не давала покоя.

Японец долго массировал ногу, втирал пахучую желтоватую мазь. Потом принес тряпку, от которой шел пар. Прижал тряпку к ноге, поддержал, словно испытывая терпение Махмудбека.

— Сейчас...

Закончив эту не очень сложную процедуру, он принес небольшой приемник, подключил к нему батарею. Все делал молча, спокойно, не обращая внимания на больного, не интересуясь его самочувствием.

Приемник стоял рядом с топчаном. Махмудбек имел возможность крутить шкалу настройки. Старенький, облезлый ящик. Но в него вмонтирована мощная аппаратура. Мигал зеленый огонек. Двигалась шкала, раздались треск, обрывки заунывных песен, непонятной музыки, чужие слова... Все это несло в тесную комнатку через горы, через сотни километров. А японец, взглянув на Махмудбека, только сказал:

— Сейчас...

Он ушел и не появлялся до полуночи.

Махмудбек нашел советскую радиостанцию, слушал зазорные солдатские песни. Из Москвы транслировался концерт. Он надеялся, что важнейшие документы все-таки будут переданы еще раз.

И наконец через треск донесся торжественный голос диктора.

Снова треск... Но сквозь шум продолжали прорываться строки строки акта о безоговорочной капитуляции Германии.

Вошел японец. Прислушался к русским словам и показал на ногу.

— Сейчас...

И выключил приемник, сказав, что бережет батареи.

Японец оказался опытным знахарем. И чувствовалось, что он спешит отделаться от своего неожиданного пациента, быстрее поставить его на ноги.

Махмудбек понял: японцу не хотелось, чтобы он встречался с людьми Джанибека, которые скоро появятся в Гульташе.

От денег японец отказался. Он приложил руку к сердцу и поклонился. Потом поправил очки и сказал:

— Сейчас...

Вернулся японец с небольшой баночкой желтоватой мази. Показал на больную ногу и произнес:

— Надо...

Все наставления японец передал Акбару. И основной совет: немедленно покинуть Гульташ, добраться до большого города. Лучше это сделать самолетом.

— Возможно? — спросил Махмудбек у хозяина.

— Да. Нужны деньги и... карточка Живого Бога, Айганхана.

С Адхамом было короткое прощание.

— Будь осторожен, — сказал Махмудбек.

— Вы не хотите встретиться с Джанибеком? — Адхам вызывающе смотрел на Махмудбека.

И в который раз Махмудбек не без тревоги подумал о дальнейшей судьбе юноши. Что с ним будет в становище Джанибека? Как предупредить Адхама об осторожности?

— Присядь, — предложил Махмудбек. Пожалуй, немного нужно откровеннее быть с этим парнем. — Присядь и послушай... — Он улыбнулся и по-отечески заметил: — Если ты так будешь сверкать глазами при встрече с Джанибеком, он тебе отрежет голову. Он умеет это делать. За одну минуту...

Адхам беспокойно оглянулся.

— Здесь ты в безопасности. Здесь за тебя отвечаю я. Там меня не будет. Там сейчас мои враги... братья Асимовы. Даже мое имя может погубить. Ты просто шел с нами. И ты не любишь меня. Все! Об этом достаточно. У тебя свои дела на той стороне. И я ничего не хочу о них знать. Не должен знать и Джанибек.

— Его дело переправить меня... — напомнил Адхам.

— Там он хозяин... — вздохнул Махмудбек. — Мало ли что придет ему в голову. Ему может не понравиться твой взгляд. Он у тебя бывает злым, настороженным. Пока будешь в становище, спи, отдыхай.

Махмудбек вышел во двор... Наступила ночь. Одна из вершин, с матовым мерцающим снегом, была похожа на родной Айкар. Над этой вершиной тоже повисли большие близкие звезды.

Словно искры салюта, ко мне долетают,
Застывая над миром сплошной тишины
Беспокойной, ликующей стаей
Из счастливой, любимой страны.

Очень давно так неожиданно, легко не рождались строки.

Махмудбек понял, что ему сегодня трудно будет заснуть...

А когда он заснет, то на рассвете обязательно приснится Айкар, тот самый, по склонам которого, казалось, скатываются, сверкая, крупные звезды.

Подул легкий, на редкость нежный ветерок...

За долгие годы на чужбине Махмудбек, кажется, впервые почувствовал его. Почему-то всегда врывались лихие ветры пустыни и в дом, и в тюремную камеру... Надсадно, будто срывая непонятную злость именно на нем, Махмудбеке, ревели зимние ветры, гнали колкие снежинки, перемешанные с песком.

Откуда только брались эти ветры, жгучие, неожиданные, сильные на пути Махмудбека!

А ведь есть же такие тихие ветры весны, первых осенних вечеров, ветры, пропитанные запахами сада, гостеприимного очага...

Или их было так мало на чужой земле, в беспокойной, напряженной жизни Махмудбека? До обидного мало. Даже не вспомнишь.

Махмудбек поднял ладонь: захотелось убедиться в спокойной беззаботности осеннего дыхания гор, очень похожего на дыхание Айкара.

Джамшид был сподвижником Джанибека. Он еще совсем молодым парнем прислуживал курбаши, таскался за ним по чужим дорогам, первым начинал хохотать и хлопать себя по коленям при самой глупой шутке бандита.

Джанибек этому парню, одному из своих многочисленных племянников, обещал богатую жизнь и славу.

Шли годы... Джамшид вырос, стал разбираться в делах, увидел и понял, на чем держится авторитет прославленного Джанибека.

Нигде не мог найти пристанище курбаши. Свою шайку, состоящую из родных и близких, он увел в горы. Его мечтой было первым ворваться в долины Средней Азии, захватить обширную территорию, стать владыкой городов и кишлаков.

Эти города и кишлаки он щедро разделил между ближайшими помощниками. Надо было только дожидаться, когда гитлеровские войска войдут в Москву.

— А здесь наше дело, — авторитетно заявил Джанибек. — Мы первые спустимся с гор...

Слушал эти речи и Джамшид. Слушал и мечтал о будущей власти. Ему очень хотелось попасть в Таджикистан. Например, в богатый город Ходжент. Он слышал, что большевики рядом построили электростанцию, какие-то заводы. А дядя подарил ему лишь два маленьких горных кишлака.

— Еще молод... — сказал Джанибек и, как мальчишку, потрепал грязной ладонью по щеке.

Джамшиду уже сорок три года. Всю свою молодость он отдал Джанибеку. Таскал ему чайники, подавал пиалу, чистил сапоги, раскуривал чилим. В тайне от других бандитов Джамшид мял комочки анаши, смешивал их с табаком. О новой страсти Джанибека не говорили вслух, боялись вспылчивого курбаши.

Но разве утаишь от людей и сладковатый дымок, и бессвязную речь, и мутные, бессмысленные глаза.

Чилим доверяли только Джамшиду. Он оставался по-прежнему мальчиком, слугой и в тридцать и в сорок лет. Особой почестью считалось, когда курбаши, накурившись, двигал чилим в сторону Джамшида.

Через несколько лет Джамшид уже с радостью, с большой благодарностью хватался за чилим. Торопливо проводил рукавом халата по мокрому мундштуку и, прикрыв глаза, слушал клекот воды, затягивался. В эти минуты он забывал о тоскливых, монотонных годах, проведенных в горах, о пропащей жизни, о той жалкой подачке, которую обещает Джанибек в случае победы Гитлера.

Особой милостью за верную службу считалась и поездка на базар в поселок Агахана. В третий раз такой милости удостоился Джамшид.

Прибыв в Гульташ, сам он поселился в доме Акбара. Небольшая группа рядовых бандитов расположилась на ночевку в караван-сарае.

Акбар знал о страсти Джамшида. После ужина он с почтением преподнес чилим новому гостю.

У Джамшида было плохое настроение. Махмудбек, почтен-

ный, умный человек, рассказал о трудной борьбе с Советами. Борьба еще будет продолжаться, и нет ей пока конца.

Русские в Берлине. Гитлер подох... На кого теперь надеяться? На самих себя? Не такой дурак Джемшид, чтобы поверить в силы пусть жестокой, но небольшой шайки Джанибека.

Джемшид жадно затянулся, прикрыл глаза и не спеша выпустил струйку дыма. Минуту он молча наслаждался пьянящим зельем, потом благодарно кивнул хозяину. Акбар не пожадничал, положил в табак хорошую порцию анаши.

После очередных двух-трех затяжек появилось желание продолжить разговор, поспорить, рассказать какую-нибудь веселую историю. Только где взять эти истории? Скучно у них в горах.

— Разжирел Джанибек... — неожиданно сорвался Джемшид. — Уже головы не поворачивает. Только бровью поводит, только глазами косит на тех, кто рядом. Слушает и все мимо ушей пропускает. Наплевать ему на родных и друзей.

Сам Джемшид тоже отяжелел. С солидным брюшком, краснощекий. Но, как понял Махмудбек, Джемшид обвиняет своего главаря не в тучности, а в зазнайстве.

Махмудбек высказал надежду, что когда-нибудь шайка Джанибека много сделает в борьбе против большевиков.

— Когда? — зло прошептал Джемшид.

— Придет время.

— Мы стареем... А Джанибек посылал сюда вниз человека с золотом. У него в городе, в банке, есть деньги.

— Наверное, хранит для вас, для будущей армии.

Махмудбек пил чай короткими глотками, наслаждаясь покоем, изредка поглаживая больную ногу.

— Для армии у нас все есть. Сейчас мы у Агахана получим новое оружие, динамит...

— Зачем динамит? Вы живете спокойно.

— Осенью Джанибек думает спуститься вниз, к Советам.

— Сам?

— Так он и пойдет сам... — взорвался Джемшид. — Он наши головы подставит под советские пули.

Махмудбек похвалил осторожного опытного курбаши, который зря не будет посылать на гибель людей.

— Зря? Он за это получит. От них! — Куда-то в сторону резко махнул рукой Джемшид.

Конечно, от Джанибека требуют каких-то настоящих действий. Кто будет зря снабжать шайку оружием, одеждой, продовольствием. Джемшид тяжело сопел. Он выдержит разговор еще несколько минут. Потом его потянет в сон.

— У нас есть люди в горных кишлаках? Там, на той стороне. Мне надо послать своих. Я, конечно, заплачу. Наверное, вы-то знаете?

— Есть... — с готовностью ответил Джемшид.

Он назвал горные кишлаки, имена людей с подчеркнутой небрежностью. Давая понять Махмудбеку, что тот имеет дело не с рядовым бандитом, а с человеком, который сам, без Джанибека, может заниматься большими делами.

Еще затяжка. Еще одна, слишком жадная... Она, наверное, доконает Джемшида. Толстоватые пальцы вздрогнули, разжались, опустили длинный отполированный мундштук.

Махмудбек подхватил чилим и позвал хозяина. Взглянув на беспомощного Джамшида, Акбар вздохнул.

— Погибает... У них там, — он кивнул в сторону двери, — у них плохо. Если они не займутся настоящим делом...

Махмудбек промолчал. «Настоящее дело» — вылазка на советскую территорию — будет концом Джанибека и его шайки.

— Вы думаете вместе с ними ехать на базар? — спросил Махмудбек.

— Было бы хорошо... — виновато сказал хозяин.

Ему неудобно бросать гостя, Махмудбека, в Гульташе. Но базары бывают редко. И ехать туда надо с хорошо вооруженной группой. Так спокойней.

— Если бы вы подождали... — продолжал Акбар.

— Нет... Японец прав. Мне надо немедленно вернуться в город. — Махмудбек погладил больную ногу и твердо повторил: — Очень надо достать место в самолете...

Деньги и фотография Живого Бога произвели впечатление на английского чиновника. Он пока считался с суровыми законами горного края, с его властелином, Агаханом.

На другое утро небольшой самолет поднялся с площади Гульташа, сделал круг над поселком.

Вон в той стороне, в двух днях пути, лежала родная страна... Там сейчас большой праздник... А он, Махмудбек, вновь удаляется от Родины. С каждым часом все дальше и дальше...

Махмудбек повертел в руках билет... Потом карандашом записал опознавательные знаки самолета.

Так, на память записал...

Билет долгие годы хранился у него, напоминая о самом счастливом дне, о празднике Победы, который он встретил в далеких горах... Почти рядом с родной землей.

Из рукописи Махмудбека Садыкова

Мне много пришлось читать листовок, маленьких газет, журналов, которые издавались различными антисоветскими организациями. Как-то быстро умирали эти газеты и журналы. Иногда люди не успевали запомнить даже их названия.

На солидную ногу националисты пытались поставить издание журнала «Миллий Туркестон». Его начали печатать еще в фашистской Германии.

Журнал влачил жалкое существование. И все меньше оставалось людей, которые верили примитивным, полным нескрываемой злобы к советскому народу материалам.

В фашистской Германии вышли 62 номера «Миллий Туркестон». Распространялся журнал в основном в концентрационных лагерях, среди военнопленных.

После войны появились новые хозяева. Опять в Туркестанском комитете было принято решение о выпуске журнала. Стали готовить первый номер. В скобках указывалась и другая цифра — 63.

Ничего не изменилось в линии журнала. «Издатель и главный

редактор Вали Каюмхан» выступил с передовой статьей «От 62-го до 63-го».

Те же мысли, те же люди... И тот же наборщик Таджибай, ранее работавший в берлинской типографии комитета. Только теперь номер делали в типографии Кёльна, принадлежавшей тестю Баймирзы Ханта.

Вали Каюмхан заверил новых хозяев — англичан: журнал непременно «расхватают» в Турции, Афганистане, Пакистане, Иране, в арабских странах. А там удалось распространить всего лишь по 10—20 экземпляров на страну.

Англичане охладели к этой затее и перестали давать деньги.

Журнал делался с трудом. Номер выходил раз в три месяца, потом в шесть месяцев...

Вали Каюмхан ездил собирать деньги в Турцию, Саудовскую Аравию, обращался к эмигрантам США и Западной Германии.

— Хотя бы выпустить один номер в год...

Но мало кто откликнулся на этот призыв... Одно из «мощных» изданий погибало...

Отходили от журнала самые рьяные сотрудники. «Теоретик» и «поэт», публиковавший стихи под псевдонимом Булакбаши, Эргаш Шермат уехал в США, стал сотрудничать в радиостанции «Голос Америки».

Старели, умирали и другие «деятели» «Миллий Туркестон». Об этом журнале, как и о других изданиях, стали забывать.

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Город был взбудораженным, тревожным...

И не надо присматриваться к людям, чтобы понять их беспокойство или озабоченность. Далеко, за тысячи километров отсюда, прогремел московский салют... Но его хорошо услышали во всей Азии.

До открытия банков, куда прежде заходили не спеша, степенно, с чувством собственного достоинства, теперь толпились потерявшие прежний лоск господа, покусывали губы, перебирали четки.

Не очень уверенно вступали в солидные конторы колониальные чиновники, уже по-настоящему чувствуя недоброжелательные взгляды местных жителей.

В городе стали появляться эмигранты из Европы. Они надеялись здесь, за тридевять земель, найти спокойный уголок, отсидеться, выждать.

В банках, на биржах, в конторах самых различных фирм открыто спорили о третьей мировой войне.

Но более трезвые головы понимали, что пушки не скоро загворят... Борьба с Советами будет пока носить совсем другой характер. Сейчас по тайным тропам вновь двинутся агенты и диверсанты.

Авантюристы всех мастей поднимут крик о гибели цивилизации, об угрозе человечеству, которую несут большевики. Пусть все это бездоказательно. Но кто в базарной суматохе начнет вдумываться и проверять факты, о которых надрываются дервиши!

Надо отойти от базара, отдохнуть от сутолоки, подумать о своих делах. Не каждый человек сумеет сразу так поступить. Некоторые до позднего часа толкаются, очумев от криков, от ругани.

Махмудбеку хотелось просто походить по улицам города, посмотреть на этот растревоженный улей. Но Аскарали приказал лежать.

Вновь богатый отель с пышным названием «Тадж-Махал». Далеко отсюда знаменитый памятник индийской архитектуры. Однако хозяин не проиграл, выбрав это название. В «Тадж-Махале» живут состоятельные, уважаемые гости.

— Нам будет здесь легче работать... — сказал Аскарали.

Изменился за последнее время «преуспевающий коммерсант». Он только кажется бодрым, а на самом деле очень устал. Возможно, даже болен.

— Ну как? Ты только представь Берлин. Обгорелый труп Гитлера... Берлин! И на каждом балконе белый флаг. Представь!

Аскарали рассказывал по номеру, потирал ладони, потом, резко повернувшись, сел у постели Махмудбека.

— Представь! Помнишь, как писал Гафур Гулям в сорок втором? Хотя откуда ты помнишь. Ты даже не знаешь...

Аскарали снова поднялся. Провел ладонью по белым, совершенно белым и поредевшим волосам, пригладил их и твердо объявил:

— Мы сегодня устроим праздник.

Аскарали начал двигать шикарную европейскую мебель с такой небрежностью, словно все это происходило в караван-сарае.

— Сейчас Шамсутдин принесет бутылку водки. Ох, как я ее доставал! Целая операция! Посложнее твоих! — В его словах и движениях теперь уже не было усталости.

— Мы сегодня даже не вспомним о том сбросе, с которым ты встречался. Не будем вспоминать! Не будем работать. Сегодня устроим праздник. — И он крикнул в сторону соседней комнаты: — Фарида!

Она вошла, с трудом скрывая беспокойство. Аскарали — хороший человек. Фарида уважает его. Но не случилось ли еще чего-нибудь?

— Фарида! Сейчас я вызову официанта. Он принесет самый вкусный обед «Тадж-Махала». И мы будем праздновать. Ты не против?

Она улыбнулась.

— Мы будем вместе говорить. Совсем о другом. И выпьем! Выпьем за праздник! За нового человека, который скоро родится в этом городе.

Фарида, смутившись, опустила голову.

— Я пока там побуду, Аскарали-ака... — тихо попросила она.

— Конечно. А я вызову официанта.

Она торопливо ушла в соседнюю комнату. Наклонившись к Махмудбеку, Аскарали тихо произнес:

— Выпьем за нового советского человека! Понимаешь, Махмудбек? Ведь на нашей улице праздник... Самый большой праздник! На фронте полагалось сто граммов водки. Их ты получишь по праву. И я. После боя...

— А перед боем? — улыбнулся Махмудбек.

— Бой почти кончился. Наш, — серьезно сказал Аскарали. — Почти.

— Что-нибудь еще? — спросил Махмудбек.

— Об этом завтра! А сегодня праздник... И ни слова о делах... Он подошел к двери и нажал кнопку, над которой был нарисован силуэт человека с подносом.

Разбор поездки Махмудбека завершился.

— Хорошо, если бы Джанибек сам пошел на нашу территорию. Это стало бы его концом... Но если даже он и не решится, то провалы агентов, которых он пересылает, будут его провалом... — сделал вывод Аскарали.

Он вновь выглядел усталым, озабоченным. Это был совершенно другой человек, непохожий на вчерашнего.

— Слушай... — сказал Аскарали спокойно, рассудительно. — Слушай, мой дорогой Махмудбек. Война кончилась. Ты имеешь полное право уехать сегодня или завтра. Врач советует лечиться в Италии. Но у нас ведь не хуже курорты. Хотя бы даже из-за Фариды нельзя пускаться в такой дальний путь.

— Из-за Фариды? — весело переспросил Махмудбек.

— Из-за нее тоже...

— А еще?

— Появились первые эмигранты из Европы. Те, кто сотрудничал с немцами. Конечно, Туркестанский комитет будет продолжать действовать. Эмигранты много о нем знают. Знают о ближайших планах.

— Мне надо с эмигрантами встретиться?

— Они сами будут искать возможности встретиться с тобой.

— Может, переехать на квартиру?

— Нет, — решительно сказал Аскарали. — Здесь хорошая прислуга. На вызовы «Тадж-Махала» моментально откликаются лучшие врачи. Живи здесь. Дня через два ты будешь выходить. Я сделаю все, чтобы о тебе узнали в эмигрантских кругах.

— Хорошо...

— А Фариду успокой. Вы действительно скоро, очень скоро вернетесь на родину. — Аскарали поднял ладонь. — И все! И теперь никакие твои уговоры и доводы не подействуют. В Центре принято окончательное решение.

Они замолчали.

— Ты давно пробовал писать стихи? — неожиданно спросил Аскарали.

— Бывало... — сознался Махмудбек. — Но не записывал.

— Ты еще...

— Не надо, Аскарали... — понял друга Махмудбек. — Сам знаешь, что над стихами надо работать каждый день. Теперь вряд ли что получится. Давно я отошел от литературы. Очень давно. Кажется, прошла жизнь.

— Жизнь... — согласился Аскарали и машинально пригладил свои редкие белые волосы.

Они встретились в знойный день в небольшом ресторанчике.

— Здесь делают хороший кофе... — сказал Аскарали. — А я так тебя и не приучил.

— Да. Равнодушен. А вот зеленый чай. Сейчас бы. И... — мечтательно произнес Махмудбек.

— Горячую самаркандскую лепешку. И виноград... — подсказал Аскарари.

— Не дразни...

— Сядешь скоро в какой-нибудь чайхане.

— А ты? — серьезно спросил Махмудбек.

— И я... Куда я денусь. Ты знаешь, сколько мне лет?

— Не задумывался, — сознался Махмудбек.

— И не надо...

В ресторанчике было прохладно и тихо. Официант в мягких остроносых туфлях двигался неспешно, появляясь неожиданно и всегда вовремя.

— Я больше в «Тадж-Махал» не зайду, — перешел к делу Аскарари. — Так лучше. К тебе уже присматриваются. Живи как подобает усталому и больному человеку.

Махмудбек отпил глоток черного густого кофе. Невольно вспомнился караван-сарай, первая встреча с «преуспевающим купцом», с человеком, который направлял работу Махмудбека, приходил на помощь, был всегда рядом.

— Ты оказался прав. Адхам явился с повинной. Он выложил всю информацию, которой ты его снабдил... — Помолчав, Аскарари продолжил: — И главное, кроме некоторых эмигрантов, с тобой будет искать встречи Баймирза Хаит, важная фигура в Туркестанском комитете, бывший ээсовец.

— Он здесь?

— Пока нет. Пока собирается... Надо узнать об их планах. А потом домой. Сразу же! Не ожидая приказа.

Они допили кофе.

— Ну что же, простимся... — вдруг сказал Аскарари.

— Как? — не понял Махмудбек.

— Я уезжаю. До встречи на родной земле. Уезжаю. Надо. Я должен успеть довести одно дело до конца.... За тебя я теперь спокоен.

Он положил перед Махмудбеком книгу.

— Это тебе... «Бустон» Саади. Одна из редчайших рукописей. Посмотри на работу каллиграфов.

— Такой подарок... — смутился Махмудбек.

— Бери, бери. Читай. У тебя скоро будет на это время.

Махмудбек не мог, да и не имел права спрашивать, куда горюпится Аскарари, какие дела и где его ждут.

Прощались скупно, почему-то торопливо. Аскарари обнял Махмудбека, похлопал его по спине, словно успокаивая.

— Мы увидимся... там... у себя? — спросил Махмудбек.

— Конечно, конечно... — ответил Аскарари.

Пряча глаза, он зашагал к двери и лишь на пороге обернулся, махнул рукой.

Смутная тревога долго не давала покоя. Обычная фраза: я должен успеть. Но в ней Махмудбек почувствовал совсем другой смысл. Он допил остывший кофе и машинально стал листать рукопись в богатом кожаном переплете. Перевернул несколько страниц. На этих книгах во многих странах Востока люди гадали. Первая строка на открытой странице удивила, даже потрясла своей точностью.

«Ты мудростью войну предотвращай...»
Аскарали всю жизнь это делал. Всю свою жизнь.

...Махмудбек узнал о смерти друга через несколько месяцев. Аскарали никогда, никому даже слова не говорил о тяжелой болезни. Продолжал бесконечные дела и поездки до самой последней минуты своей редкой, удивительной жизни.

Шамсутдин не любил эти шикарные комнаты «Тадж-Махала». Он терпеливо ждал, когда Махмудбеку и Фариде надоест разгуливать по мягким дорогим коврам, сидеть на европейских стульях за столом, покрытым белоснежной скатертью.

Но и он понимал: пока Фариде нужно находиться здесь.

Шамсутдин являлся к Махмудбеку с новостями. В город приезжали из Европы узбеки, таджики. Многие из них бросались искать своих соотечественников. Было о чем поговорить, поспорить. Было о чем вспомнить...

Махмудбек еще не бывал в кварталах эмигрантов. Но туркестанцы знали, что он вернулся в город. Расспрашивали Шамсутдина о здоровье господина, передавали пожелания и приветы. Сегодня Шамсутдин сообщил Махмудбеку, что его очень хочет видеть Азими.

— Кто это такой?

— Культурный человек... — коротко ответил Шамсутдин.

— Почему ты так решил? — улыбнулся Махмудбек.

— Он доктор. Был советским доктором, военным. Сдался в плен к немцам. Жил... Говорит, хорошо жил.

— Чего же приехал сюда? Нашим помогать?

— Помогать? — переспросил Шамсутдин и задумался. Потом решительно заключил: — Не будет помогать.

— А об этом как ты догадался?

— Он лечит одного, берет деньги.

— Ясно! — сказал Махмудбек. — Он хочет со мной увидеться?

— Да, господин. Очень... Он хочет вас пригласить на свадьбу.

Свадьба... Это уже интересно. Значит, соберутся люди. Самые разные. Обязательно возникнут разговоры. И о прошлом и о будущем.

— Пусть заходит... — разрешил Махмудбек.

И вдруг какая-то невероятная, совсем неожиданная мысль мелькнула в голове Махмудбека. Он даже испугался этой мысли. Попытался от нее отделаться. Но она беспокоила, заставила его сорваться с места, зашагать вокруг стола.

— Что с вами? — удивился Шамсутдин.

— Ничего, ничего... — ответил Махмудбек. — А ты передай... этому доктору, что я очень хочу его увидеть.

«Это свой!» Может, действительно свой. Тот самый, кто должен приехать сюда, в мир еще опасных врагов. Кто должен заменить его, Махмудбека. Свой! Свой!

Нет... Азими действительно сдался в плен при первом удобном случае. До создания Туркестанского легиона он мотался по

гитлеровским концлагерям. Узнал голод и холод. Его били... От смерти спасла профессия врача, а затем согласие служить фашистам.

— Звери... — с неприкрытой злостью сказал Азими. — Я к ним пришел с поднятыми руками. А они... Какой-то краснощекий солдат ребром ладони полоснул меня по шее. Как ножом. «Я же доктор... — кричу по-немецки. — Настоящий доктор!» А он, собака, мне в лицо: «Ты азиат. Мы вас уничтожим». — Азими взялся за чашечку, отпил глоток кофе. — Собаки бешеные. Так им и надо.

Рука заметно дрожала. Видно, что это честолюбивый человек. В Красной Армии он занимал обыкновенную должность. Все врачи становились хирургами. В санбате, в полевом госпитале, ему приходилось работать днем и ночью. А он считал, что способен на другие, более почетные дела, на более высокое звание, чем капитанское.

— Так им и надо... Подохнут все, собаки! — заключил Азими. Ясно... Азими сразу же отошел от немцев. Он бросился в азиатские страны. В Турции нашел невесту. Привез девушку сюда, в чужую страну. Почему же не остался в Турции?

— Как наши живут в Мюнхене? — спросил Махмудбек.

— Научились у немцев... — с прежней злостью ответил Азими.

— Не очень дружно?

Азими усмехнулся.

— Сейчас расскажу. Я заходил к ним в комитет. Видел все... Разрешите закурить? — Азими покосился на закрытую дверь соседней комнаты. — Ваша жена, как я слышал...

— Ничего... — сказал Махмудбек. — Здесь можно. Курите.

— Я только одну сигарету.

А сигареты английские. Азими к ним привык. Он стал рассказывать о работниках Туркестанского комитета, о дразгах, интригах, скандалах.

— Мы так на них надеемся... — сказал Махмудбек.

— Зря! — почти выкрикнул гость. — Зря! Они подведут.

— Но как же быть одним?

— Почему? — поднял брови Азими. — Вы же чувствуете, что происходит в мире. Вы знаете, с кем надо дружить.

— Знаю...

— И я выбрал свою дорогу. Скажу вам. Уже это не секрет. Со вчерашнего дня я майор. Приглашен в колониальную армию. Разумеется, как врач.

Возможно, когда-нибудь Азими разочаруется и в новых хозяевах. Но сейчас у него довольное, сытое лицо. В эти минуты он забыл о гитлеровцах. Откинувшись на спинку стула, небрежно вертел изящную пачку «Честерфильда» и говорил о будущем.

Большинство эмигрантов давно не бывали на тихой, щедрой, богатой свадьбе. Вначале гостей смущало присутствие трех европейцев. Но те вели себя с подчеркнутой простотой, обращались с эмигрантами как с равными. Почтительно выслушали молитву.

Один из европейцев оказался рядом с Махмудбеком.

Азими делал вид, что не смотрит в их сторону. Но, вероятно, сейчас для хозяина на его собственной свадьбе было главным: состоится ли знакомство Махмудбека с сотрудником разведки

той самой колониальной армии, где Азими уже получил чин майора.

Знакомство состоялось...

Махмудбек был счастлив от встречи с офицером, образованным, знающим Восток человеком. И они, Махмудбек и майор Харбер, говорили о судьбах мусульман, эмигрировавших из Средней Азии.

Разговоры за столами становились все оживленней. И откуда-то из угла двора, где разместился народ победнее, вырвался резкий голос:

— А чего ждать? Новой такой свадьбы? Когда она будет? Не все умеют продавать свою душу, свою совесть.

Сolidные гости, с которыми сидел Махмудбек, попытались не обратить внимания на разгневанного человека, на откровенную горячую речь. Махмудбек не мог повернуться и хотя бы мельком взглянуть на гостя, который нарушил торжественную, праздничную обстановку. На человека, который уже не хотел больше молчать.

С жизнью и работой Махмудбека Садыкова они были хорошо знакомы. Офицер начал конкретные разговоры о программе дальнейшей деятельности антисоветских организаций.

— Разобщены... Мы вас поддержим только в том случае, если вы сможете вести настоящую, действенную борьбу. Если вы начнете ее немедленно.

— Советский Союз вышел победителем из большой войны, — сказал Махмудбек. — А мы пока... — Он развел руками.

Офицер промолчал, потом пододвинул коробку «Честер-фильда».

— Курите, — предложил он.

— Я не курю, — слабо улыбнулся Махмудбек. — К сожалению, здоровье мне не позволит по-настоящему заняться работой, которую вы планируете.

— А какую мы... планируем? — ответил с улыбкой майор Харбер.

— Вы не будете заниматься мелкими делами, — сказал Махмудбек.

— В этом вы правы. А по поводу вашего здоровья мы знаем. Да... Вам следует подлечиться.

— Хочу пока поехать в Турцию.

— Неплохо. Но вы еще в силах помочь нам. Найти подходящих людей, опытных, здоровых, преданных вашему делу.

— Еще в силах, — согласился Махмудбек. — Но люди стараются отходить от борьбы. Я же сказал, что Советский Союз победил сильную державу.

Харбер подошел к шкафу, открыл дверцу и вытащил стопку газет.

— Здесь есть советские. Из некоторых материалов можно черпнуть нужную информацию. Скучные пайки. Тяжелые условия. Непосильный труд. Есть фотографии разрушенных городов... Можно с твердой уверенностью говорить о том, что страна не скоро встанет на ноги. Средняя Азия вынуждена кормить и одевать жителей этих разрушенных городов... Почему мусульмане должны это делать? Почему мусульмане не могут позаботиться

о своих братьях, которые живут в нищете здесь, в чужих странах?

Широкие, обдуманнные планы. Целая программа идеологической обработки туркестанских эмигрантов, подготовки из них диверсантов, агентов, создание новых антисоветских организаций.

— Мы желаем вам хорошего здоровья, — на прощание сказал офицер. — Но если... — он не договорил. — Мы с радостью встретимся с человеком, которого вы пришлете к нам...

У входа в отель Махмудбека ждал встревоженный Шамсутдин.

— Фарида в больнице, — почему-то шепотом сообщил он. — Отвезли вечером.

Махмудбек ворвался в вестибюль, подбежал к стойке, за которой стоял, весело поблескивая зубами, портье.

— Все в порядке, господин Махмудбек. — Портье кивнул на телефонный аппарат. — Я справлялся через каждые десять минут. Я сделал все, как вы просили... — Портье знал, что последует хорошее вознаграждение за новость. — Совсем недавно... — он посмотрел на часы, — пятнадцать минут назад, у вас родилась дочь. Мы желаем, чтобы она была самой счастливой.

— Спасибо... — Махмудбек прислонился к стойке. — Спасибо. Она должна быть счастливой.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Муфтия Амин аль-Хусейна хорошо знали на Востоке.

Это был подвижный старик невысокого роста. Он очень походил на европейца: светлое лицо, зеленые глаза, живые, любопытные за толстыми стеклами очков, желтая аккуратная борода.

Он умело скрывал свое настроение, этот энергичный агент, долгие годы выполнявший задания гитлеровской разведки. Приход Махмудбека обрадовал муфтия.

Деньги у Амин аль-Хусейна еще были. Он снял хороший дом на тихой, но приличной улице. Муфтий позвал слугу и вопросительно посмотрел на гостя.

— Наверное, чай?

— Лучше, — согласился Махмудбек.

— Да, да... — улыбнулся муфтий. — Мне приходилось встречаться с вашими соотечественниками. Они никогда не пили кофе, но вынуждены были терпеливо держать чашечку на весу. Вот так...

Муфтий хорошо изобразил неуклюжую позу какого-то туркестанца.

— Да еще живот мешает, — рассмеялся муфтий.

— Я не смог привыкнуть к кофе.

— И не надо... Оставайтесь самим собой.

Кажется, этот незначительный разговор, непринужденность, которая была в поведении Махмудбека с первой минуты появления в доме, понравились старику.

— А я все же выпью чашечку кофе, — сказал муфтий.

Он тоже решил быть искренним даже в мелочах.

Начался знакомый Махмудбеку разговор о судьбах мусульман. Сколько раз слышал он подобные речи! Речи разных людей — туповатых и умных, злых и хитрых. И всегда думал: почему этому человеку хочется взвалить на свои плечи огромную ношу, почему он беспокоится о судьбе народа, которого не знает и никогда знать не будет?

Муфтий Амин аль-Хусейн, он же муфтий Амин-Палистини, считался одним из опытейших сотрудников гитлеровской разведки в арабских странах. Англичане несколько раз пытались схватить муфтия. Но он ускользал буквально из рук. Пользуясь авторитетом среди верующих, Амин-Палистини находил убежища в любом поселке.

Разрабатывались специальные операции английской разведкой или постоянные розыски, а муфтий продолжал разъезжать по Востоку, выполняя задания Берлина.

Теперь Амин-Палистини прибыл в страну, где пока хозяйничала Великобритания. Прибыл и снял видный дом в центральной части большого города. Невероятная наглость. Откровенный вызов колониальным властям.

Или он идет напролом, ищет встречи с англичанами.

Махмудбек решил опередить события. Почему бы ему, Махмудбеку, первому не представить англичанам борца за «счастье мусульман»? Несколько дней назад из Мюнхена пришло письмо от Вали Каюмхана. Это было уже второе послание руководителя Туркестанского комитета.

Первое письмо президента носило общий характер. Вали Каюмхан без конкретных ссылок на страны и людей писал о новой борьбе против Советов. Он выражал уверенность, что в этой борьбе примут участие тысячи «обездоленных туркестанцев», находящихся в Азии. «Готовьтесь к совместной работе...» — заключал Вали Каюмхан. Это не было приказом. Это было предложение, от которого, по мнению президента, вряд ли кто откажется.

Второе письмо, короткое, деловое, сообщало о скором приезде муфтия Амин аль-Хусейна, важной и нужной osoby.

«Постарайтесь встретиться с этим человеком, — писал Вали Каюмхан. — Подружитесь с ним...»

— Я узнал о вашем приезде от уважаемого Вали Каюмхана... — сообщил Махмудбек.

— Да, да. Это благородный человек... — туманно ответил муфтий. — Он много отдает сил нашему общему делу.

Сейчас пойдет разговор о том деле, которое беспокоит муфтия Амин аль-Хусейна.

— Если я найду общий язык с англичанами, — сказал муфтий, — мы сумеем заняться настоящими делами.

Муфтий задумался... Он погладил бородку. Конечно, есть риск. Возможно, Амин аль-Хусейн так в свое время насолил англичанам, что те не пойдут на примирение. Интересно, служит кто-нибудь здесь в разведке, кто имел неприятности из-за муфтия Амин аль-Хусейна?

— Совсем недавно было другое время. Я знаю, что вам пришлось много скитаться. Уходить от опытных разведчиков, — сказал Махмудбек.

— Уходил! — улыбнулся муфтий.

Он с удовольствием вспоминал тревожные дни. И конечно, знал, что о его делах слагаются легенды.

— Под Калькуттой меня пытался взять сильный человек, — не без гордости продолжал муфтий. — Он в который раз подходил ко мне, капитан Стоун. Ему оставалось сделать один шаг. А я исчез... — Муфтий погладил бородку, качнул головой. — В два раза моложе меня. Опытный человек. А я у него на глазах провалился сквозь землю.

Ему стало весело. Он рассмеялся. Сейчас эта история муфтию казалась смешной.

— Говорят, капитан топал сапогами по полу...

Махмудбек предупредил Азими о приезде муфтия Амин аль-Хусейна.

Обстановка изменилась. Англичане должны принять его.

Азими, не задумываясь, твердо ответил:

— Они примут его.

— Не сомневаюсь, — согласился Махмудбек. — Но у муфтия может быть личный враг.

— Какой... личный? — спросил Азими.

— У которого из-за муфтия могли быть неприятности в свое время. Надо узнать, не участвовал ли кто-нибудь из сотрудников разведки в розысках муфтия.

— Узнать? — Азими удивленно посмотрел на Махмудбека. — Как узнаешь в разведке? Кто это сделает?

— Вы, Азими. Только вы, майор Азими. И это ваш долг — сберечь муфтия.

— Но...

— Давайте лучше вместе подумаем, как и с кем в первую очередь поговорить.

— С Харбером, — выпалил Азими.

— Да. Харбер давно на Востоке, — кивнул Махмудбек. — Правильно. Кстати, Харбер и будет заниматься им. Но вдруг на пути встанет другой человек?

Махмудбек попросил узнать об офицерах, которые более года находились на Востоке.

Азими справился с этим заданием. Среди англичан был и лейтенант Стоун.

— Кажется, нашему муфтию ничего не грозит, — сказал Махмудбек. — Попросите Харбера принять завтра этого почтенного человека. А я предупрежу муфтия. Он решился на встречу с англичанами.

Лейтенант Стоун был взбешен. Он уже написал третий вариант рапорта об отставке. И в третий раз порвал лист бумаги. Сложил стопкой клочки перед собой. Бессмысленное занятие... Надо теперь, как принято у них, сжечь эти клочки. Никто его не отпустит из армии. Да еще унижат.

— У вас полное непонимание сложившейся обстановки. Вы бросаетесь по анонимному телефонному звонку арестовывать человека, о котором мы уже давно знаем, — так сказал ему Харбер.

— Знаете? — удивился лейтенант.

— Знаем, что он в городе. И ждем, когда явится к нам. Сам явится. А теперь я должен извиниться перед ним.

— Извиниться? — побагровел лейтенант.

— Да... Он нужен нам.

— Я гонялся за этой сволочью несколько суток. Старый лис выскользнул из капкана. С меня сняли капитанские погоны. А теперь перед ним надо извиняться?!

Стоун от бешенства задышался. Он рванул воротник кителя.

— Лейтенант... — строго сказал Харбер. — Что с вами? Возьмите себя в руки.

Встречи последних дней не были такими напряженными, не требовали больших усилий. И все же Махмудбек устал. Сейчас он понял, что устал вообще. Нужен какой-то длительный отдых. Нужно на время отойти от дела.

Эта формулировка показалась смешной. О каком отпуске может идти речь! Вопрос решен. Аскарали предупредил Махмудбека, что Центр не посчитается ни с какими самыми вескими доводами. Махмудбеку нужны отдых и лечение.

Махмудбек представил себя в кресле, в уютной комнате, с хорошей книгой в руках... Он давно не читал... За эти годы родилась и выросла новая литература в его родной республике. Изданы сотни книг.

Махмудбек зажег лампу и сел за низенький столик. На столик, как только они переехали в частный дом, Махмудбек положил стопку бумаги.

По вечерам ему казалось, что вновь родятся строки. Он пробовал писать. Однако утром эти стихи ничем не радовали. Беспомощные рифмы. Ни одного удачного поэтического образа. Он рвал страницы. И не было горькой обиды. На что обижаться?

Не давали покоя и другие мысли. Где сейчас Аскарали? Что с ним? Махмудбек не заметил, как появилась первая строка, за ней другая. Еще одна... Еще...

Какая редкая, великая судьба...

И жизнь в тревожных днях не уставала...

Кончался бой...

За ним опять борьба.

За перевалом снова перевалы...

Пройти и не споткнуться,

Не устать.

Не обращать вниманья

На метели...

А новый перевал встает опять,

В туманной дымке

Виден еле-еле...

Тихо скрипнула дверь. Вошла Фарида. Увидев Махмудбека, склонившегося над столиком, она нерешительно остановилась.

— Я помешала вам? — виновато спросила Фарида.

— Нет... — Он отодвинул бумаги и поднялся навстречу жене. — Я хотел зайти. Но боялся потревожить.

— Она спит, — улыбнулась Фарида. — Удивительно спит.

— Что же удивительного в ее сне? — тоже улыбнулся Махмудбек.

— Она спокойно спит, — сказала Фарида. — Очень спокойно. Я даже не знала, что так можно спать.

— Ты знала... — вздохнул Махмудбек. — Просто забыла. Это я виноват.

При тусклом свете лампы видны морщинки у глаз. Фарида заметно похудела. Он провел пальцем по ее лицу, едва касаясь этих морщинок.

— Только я виноват...

— Не-е-ет... — протянула она. — Вы не можете быть в чем-нибудь виноваты. Все хорошо. Все очень хорошо. Здесь, рядом, в соседней комнате, спит наша дочь.

— Давай посмотрим на нее, — прошептал Махмудбек.

— Только тихо! — Фарида приложила палец к губам. — Очень тихо.

Махмудбек, придерживая Фариду за локоть, пошел к двери.

Баймирза Хаит заправил салфетку за воротничок сорочки, осмотрел ресторан и похвалил:

— Ничего. Красиво, уютно...

— Я жил в этом отеле. Здесь удобно, — поддержал Махмудбек.

Обедали они не спеша. Говорили о пустяках, обсуждали посетителей. Но в то же время присматривались друг к другу.

Баймирза Хаит, вероятно, в душе был разочарован, увидев уставшего, больного человека. Очень худого. Человека, у которого смешно торчали уши.

Махмудбек сказал несколько лестных слов в адрес Туркестанского комитета, работники которого делают все возможное, чтобы сплотить силы эмигрантов.

— Дел достаточно... — солидно согласился Баймирза Хаит.

Он в светлом костюме, подтянутый... За салфеткой спрятался модный, неяркий галстук. Здоровый, энергичный, с хорошими манерами господин. Баймирза только один раз провел по волнистым темным волосам, слегка коснулся белоснежного воротничка сорочки. Баймирза будто хотел удостовериться, все ли в порядке. В его движениях проскальзывала знаменитая немецкая аккуратность.

«Быстро он усвоил их манеры...» — невольно подумал Махмудбек.

У доктора Азими Махмудбек видел фотографию. Строй — десяток туркестанских legionеров в помятой, мешковатой форме. Перед ними в легком пальто, с открытой головой выступал Вали Каюмхан. Позади президента, отступив на шаг, в эсэсовской форме, сложив руки на груди, небрежно стоял Баймирза Хаит. Фуржка надвинута на лоб.

В этой форме Баймирза очень походил на европейца. Он и сейчас с гладко выбритым светлым лицом больше похож на англичанина. Только глаза восточные, темные...

Баймирзу Хаита не ошарашил стилизованный шикарный ресторан «Тадж-Махал». Он давал понять Махмудбеку, что при-

вык к «светской жизни». Он не путался в ножах и вилках, умел не замечать официанта в ярком тюрбане, который скользил за спиной.

Сейчас он говорил о Востоке, о его природе, музыке, о старом, добром, нетерпеливом Востоке, где шумят красочные базары... А после базаров, в полдень поднимаются дымки над глинобитными домиками. И каждый человек уже вошел в свой мир, в свой собственный дом. Этот человек с удивлением прислушивается к стуку кольца на калитке. Хотя ничего особенного в таком стуке нет... Просто идет сосед, чтобы скоротать самое утомительное время — «шомы гарибон» — время тоскливого одиночества. Еще день не кончился, а ночь пока не наступила... И длинные минуты тянутся слишком медленно.

В Европе такого не бывает. Европа бурлит, клокочет, она в делах, в настоящей борьбе.

Что же хочет Баймирза Хаит? Растревожить Восток? Потрясти за плечи эмигрантов, дремавших в непонятном сне?

Обед закончился... Махмудбек расплатился, и Баймирза Хаит, свернув салфетку, положил ее на стол, поднялся, машинально одернул полы длинного пиджака. Привычка военного человека. Так, наверно, Баймирза одергивал китель эсэсовского офицера.

Баймирза Хаит надеялся на более теплый прием. Он проделал огромный путь из Европы в Азию. О его приезде англичане были оповещены. А Харбер скупно поздоровался и взглянул на часы.

Баймирза и Махмудбек опоздали на десять минут. А кто виноват в этом опоздании? Дурацкие строгости... Неужели Харбер не мог дать точное указание охране? Баймирза и Махмудбек проторчали у дверей особняка как нищие просители, ожидающие приема влиятельной особы.

Харбер внимательно выслушал гостя, планы и задачи Туркестанского комитета. Да, он, Харбер, получил указание о сотрудничестве с работниками комитета. И он, и его подчиненные готовы немедленно приступить к конкретной работе.

Но в чем будут выражаться конкретные действия Туркестанского комитета здесь, на Востоке?

Баймирза Хаит был подготовлен к этому вопросу. Он толково, обоснованно изложил программу создания организации, сплочения туркестанских эмигрантов, тщательного подбора агентов и диверсантов, их обучения, в котором, несомненно, примут участие квалифицированные английские специалисты.

Махмуд много знал о делах и планах комитета. Но сейчас он услышал о новых шпионских гнездах в Европе и Азии, фамилии, даты, цифры.

Туркестанский комитет разворачивал работу... Только ему нужны солидные ассигнования.

Однако, если начнутся провалы, если, например, идеологическая обработка эмигрантов не принесет желаемых результатов, англичане не будут серьезно заниматься делами комитета.

И Харбер был честен в своих скупых высказываниях. Он не разбрасывался щедрыми обещаниями. В его словах была одна мысль: время покажет. Как только начнется работа, представители комитета на Востоке получат необходимые ассигнования. Все, что нужно.

Баймирза Хаит не знал, что делать. Это было не простое разо-

чарование. Эта была с трудом скрываемая обида. Баймирза не мог поверить. Сейчас он выйдет. Пройдет по длинному коридору вдоль плотно закрытых дверей. А за ним выскочит майор Харбер. Выскочит, догонит и вернет в свой кабинет. Харбер извинится: его не так поняли, дела обстоят иначе. И вот, пожалуйста, примите чек...

Баймирза Хаит встал и по привычке одернул пиджак. Майор пожелал здоровья, успехов и плодотворной деятельности Туркестанскому комитету.

А что стоит фраза, пусть самая торжественная, но не подкрепленная долгожданным весомым чеком!

За ужином это был совсем другой человек. Он даже немного сгорбился. Он еще был под впечатлением встречи с английским разведчиком.

— Конечно, новая война будет, — рассудительно сказал Баймирза Хаит. — Они без нас не обойдутся. Мы будем нужны им особенно здесь, на Востоке. А пока... Пока придется искать и других... друзей.

Ел Баймирза лениво, без аппетита.

— Завтра же полетим в Карачи, — схватился за спасительную мысль Баймирза. — Этот майор совершенно не разбирается в сложившейся обстановке.

— Майор Харбер опытный разведчик, — сказал Махмудбек. — И он выступал не от своего имени. Разумеется, получена инструкция. Англичане будут давать деньги. Но на каждое конкретное дело. Они щедро заплатят, например, за диверсию. А вообще... — Махмудбек развел руками. — Они никогда не разбрасывались деньгами.

— Я же предлагал наш план... Обширный, большой.

— Вы правы. Но мы не очень твердо стоим на ногах. Поэтому с нами так... не слишком вежливо обходятся.

— Не очень твердо... — рассеянно повторил Баймирза.

— Что с журналом? Я за последнее время видел два-три номера... — сказал Махмудбек. — И то случайно. Что с ним?

— Неважно... — сознался Баймирза. — Нет денег. Мы не имеем связи с соотечественниками. Посылаем по случайным адресам. Я для этого и приехал, чтобы установить связь с эмигрантами. Узнать, как вы живете... И... — Он поднял голову. Внимательно посмотрел на Махмудбека. Трудно произнести вслух свое признание. А надо... — И собрать здесь деньги на... нужды комитета. На издание нашего родного журнала.

Баймирзе не понравилось молчание Махмудбека. Долгое, томительное молчание. Махмудбек старательно отрезает кусочек мяса. Он же не хочет есть. Для чего так терзает биштекс...

Махмудбек отложил вилку и нож. Вытер ладони.

— Здесь трудно собрать деньги, — твердо сказал он. — Вы должны знать правду, Баймирза. Плохо живут эмигранты.

— А в других местах? — нерешительно начал Баймирза.

— Я был почти во всех странах... Я в Азии живу очень давно, Баймирза. По-моему, всю мою жизнь. И везде сталкивался с нищетой. А богатым хорошо и без нас. Они тратят деньги на другие нужды. Они заняты только собой.

— Но... собрать состоятельных людей. Поговорить с ними... — не очень уверенно предложил Баймирза.

Махмудбек вернулся домой поздно. Фарида, как обычно в таких случаях, не спала. Взглянула на мужа с тревогой, но, увидев спокойное лицо, облегченно вздохнула.

— Вы будете ужинать?

— Нет, дорогая, — ответил Махмудбек. — Я ужинал в шикарном «Тадж-Махале», с почтенным господином. — Махмудбек кивнул на дверь. — Она спит?

— Спит...

— А кофе у нас есть? — неожиданно спросил Махмудбек.

— Есть... — ответила Фарида. — Но вы же...

— Сегодня надо выпить. Обязательно. Иначе моя голова расколется.

— Вы больны? — испугалась Фарида.

— Здоров! Здоров! — успокоил Махмудбек. — Она просто лопается. В ней столько слов... И каких слов!

— Стихи? — несмело спросила Фарида.

Махмудбек вздохнул и грустно ответил:

— Нет... Пока не стихи. Но это очень нужные слова.

— Я сварю кофе. Сейчас...

— И побольше. А утром, когда придет Шамсутдин, меня обязательно разбудит...

— Вы же совсем не отдохнете.

— Скоро отдохнем, Фарида. Очень скоро... — горячо заверил Махмудбек.

— Вы столько раз говорили, — вздохнула она.

— Я говорю в последний раз. А утром мы должны обсудить с Шамсутдином, кого пригласить в гости.

— В гости?

— Вечером будут гости. Будет и почтенный господин из Европы. Я с ним хочу проститься.

— Проститься?

Она ничего не понимала. Что творится с Махмудбеком? Кофе... Гости... И... прощание.

— В чем дело? — с трудом скрывая надежду, спросила она.

— Дня через три мы уезжаем. Точнее, улетаем.

— Куда? — прошептала она.

— Домой... — тоже шепотом ответил Махмудбек. — Домой, родная.

Даже в самолете Махмудбек не мог отделаться от событий последних дней. Конечно, встреча Баймирзы с эмигрантами не дала никаких результатов. Люди прятали глаза, сожалея, вздыхали. Кто-то попросил Баймирзу подождать до лучших времен.

Когда они будут, эти времена!

Баймирза хорошо держался. Он не высказал вслух обиды.

На другой день они снова бродили по городу. Гость в эту жару надел модный европейский костюм. Махмудбек был в легкой местной одежде... Вначале Баймирза критически осмотрел белую широкую поддевку. И даже усмехнулся.

— Вам бы еще тюбан!

А потом сам понял преимущества этой одежды. Приходилось то и дело доставать носовой платок и прикладывать ко лбу, проводить по шее.

Они двигались по центральной улице. Махмудбек предложил сфотографироваться. Баймирза так и не дождался фотокарточки. Он улетел на следующий день в Карачи.

Махмудбек больше не встретился с Баймирзой Хантом. Осталась только фотография. Статный господин в светлом костюме. И он, в местной одежде, худой, небольшого роста...

Махмудбек вез с собой и другую фотографию, выпрошенную у доктора Азими. Доктор расстался с этим снимком без сожаления.

— Только у наших воинов вид далеко не бравый, — усмехнулся он.

Азими решил, что снимок нужен для какой-нибудь пропагандистской цели. На фотографии застыл строй туркестанских легионеров. Перед ним выступал Вали Каюмхан. Отступив от него, в эсэсовской форме стоял Баймирза Хаит.

Позже этот снимок появится в зарубежной печати... Тысячи эмигрантов узнают, что собой представляют руководители Туркестанского комитета.

Доктор Азими, сославшись на занятость, не приехал провожать Махмудбека. Не было и других эмигрантов. Махмудбек уезжал как-то тихо, незаметно.

Только тяжелый, грустный разговор состоялся с Шамсутдином. Махмудбек предложил ему ехать дальше.

— Куда, господин?

— Сначала в Турцию... У меня же паспорт этой страны.

— Я вам нужен?

Махмудбек, помолчав, честно сказал:

— Я теперь буду только лечиться, ты же знаешь, Шамсутдин.

— Я знаю, господин, как вы устали. Но я не хочу знать, куда вы едете. Может, в Европу...

— Может, дорогой Шамсутдин, поеду в Европу. Если ты хочешь... — Он не договорил.

— Я вернусь назад, — сказал Шамсутдин, — туда, где с вами познакомился. Там меня ждут. Не обижайтесь, господин.

— Это правда?

— Правда, уважаемый Махмудбек. Меня ждет невеста.

— Ты ничего не говорил о ней.

— А зачем? — вздохнул Шамсутдин и улыбнулся. — Некогда было.

— Я помогу тебе купить дом, немного земли. Тебе надо тоже спокойно пожить...

Шамсутдин ничего не ответил. Только наклонил голову.

...Самолет прорвался сквозь облака. Вдали, в тумане, показались горы. Снег был и розоватым, и голубым, и ярко-серебристым.

— Смотри, Фарида, как красиво!

Она еще не привыкла к самолету. Она еще не могла поверить в то, что произошло.

— Последний перевал... — сказал Махмудбек.

— Что? — не поняла Фарида.

— Я говорю, что за этими горами начнется земля, зеленая равнина. Потом город. Большой город. В нем родилась твоя мать.

— А там? Дальше?

— Синее теплое море. В это время оно совершенно синее...

И еще он хотел сказать, что за морем будет родная земля, родные люди. Самое светлое небо. И самые красивые горы... Одна из вершин с удивительным названием — Айкар.

У него, Махмудбека Садыкова, в паспорте, выданном много лет назад турецким консулом, стоит и этот псевдоним: Айкар-али... Консул выполнил просьбу Махмудбека: приказал записать в паспорт псевдоним, который часто появлялся в разных документах самых разных стран.

Правда, Махмудбек увидит Айкар не сразу.

Но они все равно увидят Айкар — «Лунный снег». Золотистые и розоватые краски на склонах горы. А внизу шумную, беспокойную речку.

Махмудбек молчал. Фарида, не отрываясь от иллюминатора, баюкала дочь. И пела. Тихо, без слов...

А он, Махмудбек, ведь никогда не слышал и даже не знал, что Фарида может петь...

Владимир РЫБИН

ИЛЛЮЗИОН

Фантастический памфлет

Индикатор замигал, и из динамика послышался хриплый приглушенный голос:
— Операция переносится на шестнадцать ноль-ноль...
Инспектор уголовной полиции Луис Мортон, вот уже третий день прослушивавший эту телефонную линию, вскочил, едва не опрокинув стул, кинулся к магнитофо-

ну. «Наконец-то гангстеры заговорили, наконец-то будет чем порадовать начальство!»

— Что случилось? — спросил другой, испуганный, нервный голос.

— За мной следят.

— Примени маскировку.

— Применял. Берту разве проведешь?

— Что буде-ет?!

— Порядок будет. Только попозже, в четыре.

— На старом месте?

— Где же еще?

— Условия?

— Захвати там по дороге.

— Я прошлый раз приносил.

— Черт с тобой, принесу. А ты обеспечи закуску...

Мортон выругался и выключил магнитофон. «Опять эти алкоголики договариваются. И ведь так темнят, сволочи, будто банк накрыть собираются».

Он прошелся по комнате, остановился у окна. Тень от угла дома, наискось перечеркнув улицу, подобралась к подъезду на противоположной стороне. Это значило, что день перевалил за половину и пришло время сбегать к папаше Цимке перекусить.

Мортон оглянулся на дверь и подумал, что пора бы явиться этому лентяю Роланду и сменить его у магнитофона. И едва он оглянулся, как дверь приоткрылась и в проеме показалась удивленная физиономия посыльного Форреста, которого все в участке звали просто Фо.

— Шеф вызывает, — сказал Фо, оглядывая комнату так, будто никогда ее не видел.

— Я же на линии.

— Мое дело — передать.

— А ну посиди тут. Услышишь разговор, нажми вот эту кнопку. Понял?

Фо пожал плечами, отчего тонкие погончики на его плечах быстро вскинулись и опали, словно крылышки.

Шеф был зол. Он кинул на стол лист бумаги, ткнул в него пальцем.

— Полюбуйся.

Мортон наклонился и прочитал:

«Готовится ограбление музея... этого месяца будет украден...»

— Какого музея? — спросил он.

— У этого балбеса Форреста надо спросить, — взорвался шеф. — Вскрывал конверт и, видите ли, ненарочно отхватил ножницами чуть не половину письма.

— Так приложить срез...

— Нету среза. Он, видите ли, сжег его. Мало ему зажигалки, вздумал от бумажки прикурить.

— Что он, кретин?

— А ты сомневался?! Дождется, выгоню я его...

Шеф не первый раз грозился это сделать, да все откладывал, больно уж безотказен был этот Форрест. Когда все ва-

лились с ног после очередной гонки за гангстерами, один Фо безропотно оставался дежурить и вторую и даже третью смену. Да и неплох он был при выездах, бывало, шел на выстрелы, как заговоренный.

— Ясно же — Музей искусств. — Мортон вынул из кармана газету, неторопливо принялся читать: — «...Одна только мраморная богиня, выставленная в новой экспозиции, оценивается в два миллиона...» Столько пишут о стоимости, что эту выставку просто не могут не ограбить.

— Сам знаю, что Музей искусств, — сказал шеф. — Это не первое предупреждение. Вот почитай.

Он кинул через стол другую бумагу.

— «Газеты пишут, что богиню в два миллиона невозможно украсть, — вслух прочел Мортон. — Заявляю: это ерунда. В доказательство я ее украду. Это теперь дело моей чести...»

— Каково? — воскликнул шеф. — Украсть — дело чести!

— Если «убить» может быть делом чести, то почему не может — «украсть»?

Шеф поднял голову, в упор посмотрел на Мортон.

— А у тебя что?

— Пока ничего.

— Почему же ты ушел из аппаратной?

— Вы велели...

— Я велел прийти, когда что-нибудь будет.

— Фо сказал...

— Опять Фо?! — взревел начальник. — Гони его к черту!

Мортон кинулся в аппаратную. Фо, развалившись, сидел на стуле, включив динамик на полную громкость, слушал какого-то слезливого сопляка, жалостливо объясняющегося по телефону в любви особе с томным голосом.

— Иди, тебя шеф зовет, — мстительно сказал Мортон Форресту.

— Зачем?

— Мое дело — передать...

Он выключил этот любовный треп, но тут же спохватился: разговор шел по каналу, который они прослушивали, и падо было терпеть.

— Я все для тебя сделаю, — молил слезливый голос.

— Все? — заинтересованно спросила она.

— Хочешь, из окна выпрыгну?

— Это ты не мне, а себе сделаешь.

— Хочешь... на городскую башню залезу?

— Зачем?

— Не знаю.

— Ну и не предлагай.

— А что тебе предложить?

— Миллион.

— Где я его возьму?.. Не бросай трубку, не бросай трубку! — завопил оп, хотя его собеседница, похоже, и не собиралась этого делать.

— Газеты падо читать. Там все написано.

Мортон заинтересованно подвинул стул и подвернул на магнитофоне рукоятку громкости записи.

— Даже то, как достать миллион?

— Как достать — твое дело.
— А где?
— Мраморная богиня в Музее искусств два миллиона стоит.
— Надо подумать.
— Продумаешь. Говорят, сегодня ночью ее украдут.
— Значит, не украдут, раз говорят.
— Значит, украдут, — упрямо повторила она. — Не могут не украсть. Чтобы два миллиона просто так лежали на глазах у всех?

Мортон вспомнил, как сам только что говорил то же самое, и подумал о слухах как о стихии. Так, наверное, обрушиваются лавины. Что такое крохотный камешек, соскользнувший с вершины горы? Но он толкает другой, третий, вместе они сталкивают камень покрупнее, и наконец сдвигаются с места глыбы, какие не качаются даже при землетрясениях. Сколько людей видели ту скульптуру, сколько глядели на нее не с умилением, а с вожделением! Тут и провидцем не надо быть, чтобы догадаться: плод созрел и не сегодня-завтра кто-то его сорвет.

Когда насмешливо-равнодушный женский и умоляющий мужской голоса затихли в динамике прослушивающего устройства, Мортон, оставив магнитофон включенным, побежал к шефу. Думал удивить новостью, но шеф скучно посмотрел на него и, как тогда, кинул через стол письмо. Это была официальная просьба управляющего Музеем искусств направить в музей двух-трех детективов, поскольку, по его точным сведениям, ожидается налет на главный экспозиционный зал.

— На этот раз письмо не срезано? — спросил Мортон и сам устыдился пенужности вопроса. При чем тут срезано — не срезано, когда такие вести.

— Фо даже не видел письма. Я сам вскрыл конверт, — сказал шеф.

— Разве оно пришло не по почте?

— Управляющий принес.

— Лично?!

— Именно... Хитрит он что-то.

— Чего уж хитрить. Все ясно. Не удивлюсь, если сегодня возле музея соберется толпа.

— Из толпы легче наблюдать.

— Прошу прощения, шеф, но следует сторожить внутри. Надо брать с поличным.

— А снаружи с поличным не взять?

— Слишком много слухов связано с этим музеем. Нечисто там...

— Ты веришь в нечистую силу?

— Такая служба — всему приходится верить.

— Всему верить — ночей не спать.

— Эту ночь кому-то придется не поспать.

— Желаю успеха. Ты и Роланд справились?

Мортон пожал плечами. Сначала он пожалел, что выскочил с этим разговором, потом подумал о куче, который наверняка можно будет сорвать с управляющего, и успокоился. Это если обойдется без стрельбы. Иначе от скульптур останутся одни мраморные крошки.

— А ведь, пожалуй, управляющий не позволит сторожить внутри, — сказал он.

— Сам решай. Сдай прослушивание негодяю Форресту, забирай Роланда и действуй...

За Роландом числились два недостатка: он был слишком длинным и совсем не умел стрелять. В тире все пули у него оказывались кривыми. Но недостатки компенсировались достоинствами. Он, как гончая, мог догнать кого угодно. И хватка у него была как у гончей: сразу за горло. В азарте мог и придушить, и за ним приходилось присматривать, поскольку газетчики и без того писали про полицию, что она поставляет в суд больше трупов, чем живых преступников.

Но даже Мортон не знал всех недостатков Роланда. Оказалось, что он уже несколько раз побывал в музее. Не в качестве детектива, а как любитель искусств. Это уж было черт знает что: эстет в полиции! Мортон не ждал ничего хорошего от этого своего открытия. Но перерешать с помощником было уже некогда, и он всю дорогу, пока шли до музея, терпеливо слушал восторженные восклицания Роланда. И удивился многоголотности жизни: если верить Роланду, в тех скульптурах, помимо их ненормальной стоимости, было еще что-то.

— Искусство! — восклицал Роланд.

Это было понятно: телевизор тоже искусство, и те бестселлеры, которые Мортону приходилось читать на дежурствах, и головкружительные сальто-мортале автомобильных гонок, и мало ли еще всякого будоражащего. Но все стоило денег, все делало деньги, и ясно было, что, чем больше денег, тем выше искусство. И за скульптурами он признавал немало достоинств, если уж дохленькая богиня оценивалась в два миллиона. Не понимал только, чего на нее смотреть часами, когда точно известна стоимость? Но ведь смотрят. Теряют время и деньги. Сам видел очереди возле музея. Не может же быть, чтобы так много было сумасшедших в одном городе.

— А та богиня, что, как настоящая? — допытывался Мортон и сам морщился от такого сравнения: за два миллиона он мог бы купить целый батальон живых богинь.

— Она — сама красота! — вдохновенно говорил Роланд.

— Лучше манекенщицы Бетти?

— Это же искусство! — снова, как заклинание, повторял Роланд. И Мортону начинало казаться, что все так называемые «любители искусства» похожи на говорящих попугаев: только повторяют слова, считая их высшей мудростью, и не понимают смысла.

— Ладно, сам увижу, — сказал Мортон.

Улица перед Музеем искусств была полна народа. Огромные рекламные щиты, вывешенные на фасаде серого здания, с нагловатостью опытных зазывал расхваливали достоинства экспонатов, собранных, как сообщалось, со всего света. Были тут драгоценности фараонов, короны самых расточительных монархов, редчайшие скульптуры не отличающихся целомудрием храмов Востока и отличающихся бесперемонностью храмов Запада. А главный экспонат — мраморное изваяние голой богини, стоявшей два миллиона, — был изображен на таком большом щите, что становилось не по себе: ну как упадет!..

Управляющий музеем, невысокий лысеющий господин с холодными глазами и тренированно-гостеприимными жестами, не поправился Мортону. Про таких он говорил, что они брали уроки у сатаны, встречающего грешников в аду. Но полицейскому не приходится выбирать клиентов. Мортон постарался изобразить на лице такую же приветливо-гадливую улыбку и сразу попытался «взять быка за рога», потребовав объяснений. Но управляющий объяснять ничего не стал, сказал только, что эту ночь им всем придется провести в музее: им — в засаде, ему — в своем кабинете, и предложил пока пройти по залу, посмотреть экспозицию.

— Сберечь ценнейшие экспонаты — дело нашей чести, — высокопарно сказал оп. — Ваши старания не останутся незамеченными.

— И неоплаченными, — подсказал Мортон, любивший ясность в таких делах.

— Разумеется.

— Тогда о'кэй! Пошли, Роланд.

В зале было не протолкнуться. Скульптуры находились в глубоких нишах и очень эффектно вырисовывались на фоне черного бархата. Свет на них падал из каких-то незаметных щелей, но света совсем не было видно, и, казалось, что скульптуры светятся сами по себе. Но что больше всего поразило Мортон, так это отсутствие охраны. Даже возле знаменитой богини не стояли полицейские. Мортон долго смотрел на богиню, заходя с той и с другой стороны, и никак не мог понять, что в ней такого драгоценного. Вся в пятнах от старости и небольшая — по кочено нормальному полицейскому, — она не производила на Мортон никакого впечатления. Попадись такая игрушка где-нибудь при обыске, отбросил бы, даже не поинтересовавшись. Давно замечал Мортон, что люди, которые с жиру бесятся, нарочно выдумывают ценности и, может, оттого не беднеют. И теперь, снова удостоверившись в этой истине, он подумал, что не так живет. Вот бы разрекламировать какие-нибудь старые ботинки, заявить, будто в них первый гангстер Боб Дэй совершил свое последнее преступление. Главное — погромче кричать, убедить, и тогда ботинкам цены не будет. Только какие же нужны деньги, чтобы перерогать всех лжецов, желающих разбогатеть?!

— Ты чего?

— Чего?

— Чего, говорю, рот разинул? Не заглядывайся, тут у них особая система охраны. Сунешься, а тебя лучом лазерным по башке...

Длинный Роланд стоял перед Мртоном, на голову возвышаясь над ним, и говорил громко, чтобы все вокруг слышали, чтобы не мечтали зазря. И все, стоявшие рядом, заинтересованно повернулись к нему.

— Вот если выключить лазер, тогда другое дело. Но где выключатель? Это самая главная их тайна...

— Нету его, — сказал стоявший рядом сухощавый человек с быстро бегущими глазками.

— Чего нету?

— Выключателя. И лазера тоже. Ничего нету.

— Может, и скульптур нету? — сыронизировал Роланд.
Говоривший посмотрел на скульптуру в нише, подумал, пожевав губами.

— Я знаю только, что тут нечисто.

— А кто ты такой?

— Никто. Чую просго. Я всегда чую.

— Ну и что же ты чуешь? — заинтересованно спросил Роланд.

Человек осмотрел его с ног до головы.

— Чую, что не зря вы тут слоняетесь.

— Тебе бы репортером работать.

— А я и есть репортер.

Роланд захохотал, подергал носом.

— Раз газета заинтересовалась искусством, значит, и верно чем-то пахнет.

— Точно, — сразу ответил репортер. — Раз полиция заинтересовалась искусством, значит, чем-то пахнет.

Толпа все прибывала, возбужденно гудела. Слышались голоса: «газетчики», «полиция»... Слова эти действовали на людей как позывные телевизора. Мортон понял, что если они еще немного так «побеседуют» в толпе, то любопытные до утра не разойдутся и ночное бдение в музее будет пустой тратой времени. Дернув Роланда за рукав, он демонстративно пошел к выходу.

Пришлось обогнуть целый квартал, чтобы выйти к музею с другой стороны.

— Вот уж верно: дурная голова ногам покою не дает, — ворчал Мортон.

— Зато мы кое-что узнали, — оправдывался Роланд.

— Что мы узнали?

— Что тут газетчики крутятся.

— Они везде крутятся.

— Просто искусство — слишком скучно для них. Нужна изрядная доля перда, чтобы они сбежались.

— Сбежались потому, что кто-то пустил слух об ограблении.

— Только слух! Чего же тогда мы тут?

— Мы для того, чтобы охранять священный принцип частной собственности, — по-школьному продекламировал Мортон.

— Не-ет! — Роланд уверенно покачал головой. — Что-то пахнет. Все чего-то ждут.

— Это называется — массовый психоз.

— Не-ет. Все что-то знают.

— И мы знаем.

— И мы знаем, — повторил Роланд. — Когда все знают — это уже реклама. А на рекламу кто-то должен был потратиться.

— Ты подозреваешь?..

— Никого я не подозреваю. Знаю только, что кому-то это надо. Твой «массовый психоз» выгоден не гангстерам. Может, газетчикам?

В глухом переулке они разыскали служебный вход музея, вошли в маленькую дверь. Сторож, сидевший за дверью, без слов пропустил их, словно знал в лицо.

— Сегодня что, всех пускают? — не удержался Роланд.

— Кого надо, того пускают, — угрюмо ответил сторож.
— А кого надо?
— Это наше дело.
— Смотри, как бы это не стало нашим делом.
— Ваше дело маленькое — стой, где велят, беги, куда велют, лови, кого велят...

— Не слишком ли ты разговорчив для сторожа?..

Узкий гулкий коридор вывел их в коридор пошире, где справа и слева были двери. На одной висела табличка: «Управляющий музеем». Они вошли и увидели газетчика, с которым недавно спорили в экспозиционном зале. Он сидел сбоку у большого стола и потягивал что-то из высокого черного стакана.

— Не хотите ли для бодрости? — предложил он, доставая из-под стола бутылку. — Ночь длинна. Кто знает, сколько придется ждать?

Мортон и Роланд переглянулись.

— Ты собираешься просидеть тут всю ночь?

— Не один я, придут и другие.

— Чего же вы собираетесь ждать?

— Все, что будет.

— А что будет?

— Вот это я и хочу узнать.

— Ты уверен, что узнаешь именно сегодня?

— Не то чтобы уверен, скорей, предчувствую.

— Что тебе известно? — резко спросил Мортон.

— Такой вопрос! — рассмеялся репортер. — У прессы свои тайны.

— Но ведь что-то известно?

— Ничего особенного. Слово чести.

— Что-то подозрительно много сегодня говорят о чести.

Мортон похлопал Роланда по руке.

— Пошли. Если бы он что-то знал, об этом было бы в газетах.

— Сенсации надо дать созреть, — назидательно сказал репортер.

— Давай зрей. Но если выйдешь отсюда ночью, я тебя арестую.

— Я выйду, как только услышу выстрелы.

— Выстрелы? — Уже стоявший в дверях Мортон снова повернулся к репортеру. — С чего ты взял, что мы будем стрелять?

— А как остановите преступника? Не будете же вы сидеть в засаде возле самой богини. Да и негде там. А окно рядом. Он вскочит в окно, схватит богиню, и... вам придется стрелять.

— Уж не сообщник ли ты? — спросил Мортон.

— Увы. Два миллиона для меня слишком много. Я этой ночью рассчитываю на сотню-другую. Вот если вы его укокошите или он укокошит вас, тогда я все перепишу заново и заработаю в два раза больше.

— Ты уже все написал?

— Остались только детали.

— М-да! — изумился Мортон. — Знал, что газетчики — мастера выдумывать, но, признаюсь, недооценивал.

— Вы, полицейские, всегда нас недооцениваете. А ведь я мог бы заранее описать любую вашу операцию. Люди стереотипны — и вы и гангстеры. Все самые хитроумные планы и контрпланы уже описаны нами. Что-либо повенское — редкость. Это как в шахматной игре: по первым ходам можно предсказать, какая разыгрывается партия...

— Тебе известны первые ходы?

— Управляющий сказал, что сегодня богиню должны украсть...

— Украсть или попытаться украсть?

Репортер грустно посмотрел в стакан и отставил его в сторону.

— Я, видно, много выпил. Ну да все равно: часы заведены... Управляющий сказал: «должны украсть». Так что без стрельбы не обойдется.

— Обойдется, — сказал Мортон и направился к двери. Он уже знал, что сделает: этой ночью ни на минуту не отпустит управляющего, заставит и его сидеть в засаде...

В коридоре было пусто. Мимо них тенью проскользнули лишь несколько служащих, незаметных, прячущих лица. Пусто было и в экспозиционных залах. Окна затягивали плотные вечерние сумерки, и ажурных решеток снаружи почти не было видно. Мраморные статуи, все так же освещенные, стоящие в черных нишах необычными часовыми, застывшими в своих вековечных позах радости и страданий, стояли, истерзаные временем, безрукие, безногие, даже безголовые. Тишина, окружавшая их, не была тишиной покоя, а висела, насыщенная безмолвными страстями, и казалось, что она вот-вот взорвется смехом, стоном, обычными криками толпы. Это была мучительная, тяжелая тишина, и Мортон даже обрадовался в первый момент, когда услышал тихий монотонный скрип. Он быстро пошел к дверям соседнего зала и застыл на пороге: у приоткрытого окна на легкой стремянке стоял управляющий и раскачивал решетку. Украдкой оглядывался, снова прикидывал расстояние до ниши, где стояла двухмиллионная богиня, и снова принимался дергать решетку.

Мортон качлянул, подойдя почти к самым ногам управляющего. Тот вздрогнул и едва не свалился со стремянки, суетливо сполз с нее и сел на нижнюю ступеньку.

— Как вы меня напугали, — сказал он.

— Неудивительно, — засмеялся Мортон. — Не объясните ли, что вы тут делали?

— Я?

— Да, да, вы. Зачем раскачивали решетку?

— Раскачивал? — растерянно переспросил управляющий. — Я не раскачивал, я проверял, надежна ли она.

Мортон мысленно выругал себя и подумал, что шеф наверняка не похвалит за такую спешку. Сколько уж раз убеждался он: поспешить — упустить преступника, и вот снова оплошал. И еще подумал, что репортер не так уж и не прав, ожидая стрельбы. Налетчиков придется впустить в музей, даже дать им возможность взять скульптуру. И только после

этого задерживать. Иначе тот же репортер не пожалеет слов, чтобы расписать промашку полиции. А как поведут себя грабители, застигнутые на месте преступления, трудно сказать.

Кивнув Роланду, чтоб не спускал глаз с управляющего, Мортон прошел в туалет, вынул плоскую карманную рацию, прицелил присоски антенны к канализационной трубе и вызвал шефа.

— Управляющий? — переспросил шеф, выслушав доклад. — Сам па себя доносил? Ведь это он вызвал полицию. Нет, пощи другого.

— А все же пришлите пару человек. Пусть погуляют снаряды на всякий случай.

— Где я их возьму... — Шеф замолчал, и Мортон подумал было, что он отключился. В соседней кабине урчал унитаз и булькала вода под краном. — Разве что Форреста? Он сегодня на свидание отпросился, ну да свидание не похороны, можно и отложить...

Вернувшись в зал, Мортон увидел идилическую картину: Роланд, как экскурсанта, ходил за управляющим от скульптуры к скульптуре, почтительно слушая его воркующий голос.

— Древние понимали красоту женского тела не как мы. Теперь все сводится к сексу, и женщина в купальном костюме уже не вызывает эмоций. Да и вовсе без ничего не всегда волнует. Стыдливость — вот основа пластического искусства. Взять эту мраморную девственницу: у нее все угадывается под покрывалом, все, что падо Видно, что она колеблется: скинуть покрывало или нет, и зритель мучается вместе с ней. Часами стоит, замороженный ее нерешительностью. Когда женщина все делает сама — неинтересно. А тут каждому хочется помочь. И уж я-то знаю, сколько рук тянулось к этой скульптуре...

— А та, двухмиллионная? — спросил Роланд. — Она совсем голая, чего ж столько стоит?

Управляющий пожевал губами, погладил лысину.

— А кто знает, сколько она стоит? Ее никто не покупал. Лет пятьдесят назад музей, которому она принадлежала, наконец разоренный, предложил продать ее за два миллиона. Покупателя не нашлось. А цифра так и осталась. Мы упоминаем ее только в целях рекламы. Поверьте, девять из десяти посетителей музея приходят только за тем, чтобы взглянуть, что это так дорого стоит.

Он вздохнул, оглянулся, увидел Мортонa и сказал:

— Пора гасить свет.

— Зачем? — удивился Мортон. — В темноте преступнику будет легче.

— А вы па что? — усмехнулся управляющий. — Я плачу вам не за то, чтобы вы всю ночь любовались скульптурами.

— Можно подумать, вы заинтересованы в том, чтобы богиню украли.

— К сожалению, это невозможно.

— К сожалению?

Он расхохотался, как мальчишка, который знает тайну.

— О, это была бы сенсация. Это было бы грандиозное открытие, и я б заработал на нем не два, даже не двадцать

два миллиона. Но вы не волнуйтесь: все останется на своих местах. Вы ведь этого хотите? У полиции ведь одна забота — чтобы все оставалось на своих местах?..

— Но свет вы все-таки не выключайте.

— Свет выключается только в зале. Скульптуры остаются освещенными, так что вы все будете видеть.

— И вы тоже, — сказал Мортон. — Вам придется провести ночь вместе с нами.

Управляющий задумался, что-то прикидывая, и кивнул:

— Что ж, может, это и лучше...

Они сидели в пустой темной нише, смотрели на тускло освещенную шеренгу скульптур. Теперь, когда затянутые в черный бархат постаменты совсем исчезли из виду, скульптуры словно бы повисли в воздухе. Стояла жуткая тишина, не было слышно даже шума машин с улицы, и Мортону временами начинало мерещиться, что скульптуры оживают, шевелятся, словно собираясь размяться от вековой неподвижности. Тогда, чтобы отогнать дремоту, он глубоко вздыхал и крутил головой.

В какой-то миг ему почудилось, что безрукая богиня запевелила торсом, как это делают женщины, когда крутят хулахуп. Он тряхнул головой, очнулся и вдруг увидел возле ниши темную фигуру человека. Человек наклонился и шелкнул выключателем где-то под постаментом. «Выключил лазерное ограждение, — подумал Мортон. — Значит, кто-то из своих». Он оглянулся на управляющего, разглядел в темноте его закрытые глаза и отвисшую во сне губу.

Человек шагнул в нишу, протянул руки и вдруг удивленно вскрикнул, замычал и попятился к окну. И только тут Мортон вспомнил, что управляющий так и не убрал от окна стремянку. Он взглянул на место, где только что стояла богиня, и не увидел ее. Это был тот момент, которого он ждал.

— Стой! — крикнул Мортон.

Человек тенью кинулся к окну, прыгнул на стремянку, распахнул незапертую раму. За ней была решетка, но теперь Мортон был уверен, что решетка не удержит преступника, что она, скорее всего, откидывается.

— Уйдет! Уйдет! — истошно и вроде бы радостно завопил управляющий. Он выскочил из ниши, подбежал к стремянке, уронил ее.

Преступник стоял уже на подоконнике. Заскрипела решетка. Мортон кинулся ставить стремянку, понимая, что еще мгновение, и преступник спрыгнет на улицу, но управляющий и тут помешал, вроде бы неловко поддел стремянку ногой, снова уронил.

— Заодно?! — заорал Мортон, выхватывая пистолет.

И тут оглушающе грохнул выстрел. Роланд, в тире всегда стрелявший мимо, на этот раз не промахнулся. Человек вскрикнул беспомощным и почему-то знакомым голосом, рухнул в зал. Мортон наклонился над ним, осветил фонариком и увидел перекошенную от боли, удивленную физиономию Форреста.

В зале загорелся свет. Мортон обессиленно опустил на

пол, совсем обалдевший, минуту смотрел, как Фо кривил губы в виноватой улыбке.

— Что тебе, законных путей не хватало? — с укоризной сказал Мортон. — Пошел на преступление...

— Это не... не преступление, — выдавил Фо. — Это для... рекламы.

— Что?!

Фо лежал с закрытыми глазами и, казалось, ничего не слышал.

— Что ты сказал?

Подождал Роланд, легко поднял Форреста и понес его к выходу.

— Для какой рекламы?..

В глазах замелькали ослепительные вспышки, и только тут Мортон заметил репортеров, обступивших его. Представил завтрашние фотоснимки в газетах, где он будет изображен беспомощно сидящим на полу, и волна злости вскинулась в нем. Но он тут же погасил в себе эту вспышку: для репортеров, чем больше скандал, тем лучше. Поднялся, привалился отряхивать колени. Когда разогнулся, репортеров возле него уже не было. Они толпились в стороне, окружив человека, которого Мортон вчера принял за сторожа.

— Я помощник управляющего Лео Смит, — бодро говорил он, — я должен сделать важное сообщение. Посмотрите вокруг...

Театральным жестом он повел рукой. Все оглянулись, куда он показывал, и все ахнули: скульптур не было. Ни одной.

Как фокусник, Смит протянул руки к той нише, где еще недавно стояла двухмиллионная богиня, и она тотчас появилась на своем месте, целая и невредимая, выпуклая, гладкая, словно живая. Мановением руки Смит одну за другой вернул на свои места все скульптуры и громко и ясно, словно декламируя со сцены, произнес только одно слово:

— Го-ло-гра-фия!

И зачастил с энтузиазмом эстрадного чтеца:

— Да, да, господа, перед вами эффект голографии. В течение нескольких месяцев вы имели возможность видеть лучшие шедевры мирового искусства. Никто, я повторяю, никто не заподозрил, что это всего лишь иллюзион. Нападение на музей, свидетелями которого вы только что были, еще одно подтверждение великих возможностей голографии. Мы не раз заявляли, что произведения искусства, выставленные в нашем музее, украсть невозможно. Нам не верили. Но мы были правы. Отныне мы будем называться не Музеем искусств, а Голографическим музеем мировых шедевров. Некоторые из произведений искусства будут подлинными. Посетителям представится возможность угадать — какие именно. Уверен, что угадать никому не удастся, так достоверен эффект голографии. Система голографических музейных экспозиций разработана специально по нашему заказу...

На Мортонна никто не обращал внимания. Он сыграл свою роль, он был больше не нужен.

Пришел Роланд, протянул сложенный вчетверо листок. Мортон развернул его, прочел и ничего не понял.

— Что это?

— Бумага, освобождающая Фо от ответственности за нападение на музей. Управляющий уговорил его сделать это в целях рекламирования музейных ценностей. За хорошую оплату, разумеется.

— Но... скульптур нет.

— В договоре и не говорится о скульптурах.

— Фо знал это?

— Ничего он не знал.

— Спектакль, — сказал Мортон. — И мы в качестве актеров. Всего лишь невинное рекламное представление.

— Невинное, если не считать пули в кишках у Фо.

— Несчастный случай по вине балбесов полицейских, не сумевших отличить подлинных вещей от их изображений. Так утром напишут газеты.

— Но зачем это, зачем?! — вскричал Роланд, заставив оглянуться репортеров, ходивших за экскурсоводом от ниши к нише, в которых то появлялись, то исчезали скульптуры.

— Ясно зачем, — угрюмо сказал Мортон. — Весь этот бум с выставкой мировых шедевров вот-вот должен был лопнуть. Уже поговаривали, что тут нечисто. Оставалось или признаться в мошенничестве и потерять посетителей, или сделать «финт ушами», удивить всех неожиданным поворотом дела. Теперь люди полезут в музей, чтобы посмотреть, чем это так ловко облапошили полицию Пуля в животе у Фо — лучшая реклама, и ты главный герой этого спектакля.

Роланд вынул пистолет, передернул затвор.

— Ты куда? — Мортон положил руку на пистолет, удержал.

— Пойду объясню этому лысому: есть на свете еще кое-что, кроме его вшивых доходов.

— Нет. — жестко сказал Мортон. — Это не твое дело. Это дело Форреста.

Фантастический рассказ

Деньги! — напустилась на него жена. — Ты доконаешь себя, Уилл. Брось ты свою биржу, и давай уедем куда-нибудь, где мы сможем жить по-человечески.

Он сбежал от ее упреков, хлопнув дверью, и скорчился на лестничной площадке в резком приступе язвы. Дверь лифта распахнулась, и лифтер, сняв улыбку, произнес: — Доброе утро, мистер Борн. Как дела на бирже? Один мой родственник советует мне избавиться от дульных акций, но «Бюллетень» их превозносит.

— Знай я это, я бы вам не сказал. Нечего вам соваться на биржу. Это не в игрушки играть, — проворчал Борн.

Он и в такси не мог успокоиться. Сэму, миллиону таких Сэмов нечего соваться на биржу. Но они суются, и именно они

являются виновниками грандиозного бума, к которому объединение У. Дж. Борна пока приспособляется. Надолго ли? При этой мысли он снова скривился от боли в животе.

В 9.15 он был на месте. Дела шли уже полным ходом. Стрелокотали телеграфные аппараты, мерцали световые табло, носились курьеры, доставляя свежие вести с бирж Лондона, Парижа, Милана, Вены. Скоро вступит Нью-Йорк, затем Чикаго, Сан-Франциско.

Может быть, это случится сегодня? Может быть, Нью-Йорк сообщит о значительном понижении акций общества по добыче и обработке руды на Луне. Может быть, Чикаго, нервничая, откликнется спадом на рынке, а Сан-Франциско соответственно понизит спрос на урановые акции. Может быть, тревожные вести из Штатов вызовут панику в Токио, и эта паника, прокатившись по всей Азии, перекинется с новым восходом солнца в Вену, Милан, Париж, Лондон, а завтра опять взрывной волной ударит по Нью-Йорку.

«Домино, — подумал Борн. — Сооружение из костяшек. Шелкни по одной — полетят все».

Секретарша Борна мисс Иллиг ответила уже на дюжину звонков от его основных партнеров по будущему банкротству, о чем были сделаны соответствующие пометки в блокноте на письменном столе. Прогноировав их, он бросил коротко:

— Соедините меня с мистером Лорингом.

Все сильнее накаляясь, Борн ждал, когда же наконец Лоринг поднимет трубку. Но когда тот работал в своей лаборатории — сарай, а не лаборатория! — он был слеп и глух для всего мира. Приходилось с этим мириться. Лоринг был подозрителен, он был дерзок, от него за версту разило комплексом неполноценности, но работать он умел по-настоящему.

Наконец в трубке раздался дерзкий голос Лоринга:

— Кто это?

— Я, — рявкнул Борн. — Как дела?

Наступила долгая пауза, затем Лоринг небрежно бросил:

— Я работал всю ночь. Мне думается, получилось.

— Что вы имеете в виду?

— Я сказал: мне думается, что получилось, — с раздражением ответил Лоринг — Я отправил будильник, кошку и клетку с белыми мышами на два часа. Они вернулись целыми.

— Вы подразумеваете... — хрипло начал Борн и, облизав пересохшие губы, спросил о главном: — На сколько лет?

— Мыши не сообщили, но я думаю, они провели два часа в 1987 году.

— Я еду к вам, — прорычал Борн, бросил трубку и пулей выскочил из конторы.

Если этот тип лжет!.. Нет, он не обманщик. Все шесть месяцев, с тех пор как он вломился в его контору со своим проектом машины времени, он тянул из Борна деньги, но при этом ни разу не солгал. С грубой откровенностью он признавался в своих промахах и выражал сомнения в успехе всего предприятия. Но сейчас Борн торжествовал: эта затея обернулась самой

выгодной из всех, какие он провернул в своей жизни. Шесть месяцев — и четверть миллиона долларов, а сведения о биржевом курсе на два года вперед стоят миллиарда! Четыре тысячи за один доллар, ликовал он; четыре тысячи за один доллар! Два часа, чтобы узнать, когда этот страшный бум потерпит крах, а затем вернуться в свою контору во всеоружии, быть готовым покупать до последней минуты, пока бум не достигнет вершины, а потом сразу выбросить акции на рынок и одним взмахом нажиться, сказочно разбогатеть и никогда больше не зависеть от фортуны!

Тяжело ступая, Борн вскарабкался к Лорингу на чердак в западной части города, на 70-й улице.

Лоринг крайне неумело строил из себя хулигана. Долговязый, рыжий, небритый, он с ухмылкой обратился к Борну:

— Ваши прогнозы, Джей? Придержаться или продать?

— Знай я это, я бы не.. — начал было Борн, но тут же не выдержал: — О, не валяйте дурака! Покажите мне эту чертову штуку.

Лоринг показал. Жалкие генераторы не изменились: высокий ускоритель Ван-де-Граафа по-прежнему выглядел заимствованным из третьесортного фильма ужасов. Как и раньше, не внушали доверия раскинувшиеся на тридцати квадратных футах электронные лампы и сопротивления, собранные, казалось, на живую нитку. Но с момента последнего визита Борна здесь прибавилась телефонная будка без телефона. Вмонтированный в ее потолок диск из листовой меди был соединен с машиной толстым кабелем. Пол будки был стеклянный, хорошо отполированный.

— Все это я подобрал на свалке, — сказал Лоринг, — и, конечно, отделал. Хотите посмотреть на опыт с мышами?

— Нет. Я хочу сам попробовать. — Он помолчал. — Вы гарантируете безопасность?

— Слушайте, Джей! Я ничего не гарантирую... Я думаю, что эта штука перенесет вас на два года в будущее. Я думаю, что если по истечении двух часов вы вернетесь в будку, то снова попадете в настоящее время. Но вот что я вам скажу. Если она действительно перенесет вас в будущее, лучше вам вернуться вовремя. Не то вас может перебросить в место, занятое другим пешеходом или движущимся автомобилем... Ну и ваша команда лишится своего форварда.

Морщась от нового приступа язвы, Борн спросил:

— Других наставлений не будет?

— Нет, — подумав, ответил Лоринг. — Теперь вы просто пассажир.

— В таком случае приступим. — Удостоверившись, что записная книжка и ручка у него при себе, Борн вошел в будку.

Лоринг закрыл за ним дверь, усмехнулся, махнул рукой — и... исчез, буквально исчез на глазах у Борна.

Борн распахнул дверь будки, окликнул:

— Лоринг! Какого дьявола... — И тут он увидел, что на дворе не утро, а конец дня. Что на чердаке никого нет. Что генераторы выключены, а лампы не светятся. Что все покрыто густым слоем пыли, а в воздухе тянет плесенью.

Он торопливо покинул чердак и спустился вниз. Улица была той же — 70-й западной. «Два часа», — подумал он и глянул на свои часы. На них было 9.55, но положение солнца не оставляло сомнений: день клонился к закату. Что-то произошло. Борн удержался от желания остановить проходившего мимо школьника и спросить, какой сейчас год. На углу был газетный киоск, и Борн кинулся к нему с такой скоростью, с какой не ходил уже многие годы. Швырнув на прилавок десять центов, он схватил «Пост». Газета была от 11 сентября 1987 года. Удалось!

Он поспешно развернул «Пост», пробежал глазами скудную информацию о положении дел на бирже. Курс всех лунных акций был катастрофически низким! Крах действительно разразился!

Он снова глянул на часы: 9.59. Он должен вернуться в телефонную будку к 11.55, не то... Борн содрогнулся. Его команда лишится форварда...

Теперь установить точную дату краха.

— Такси! — заорал он, размахивая газетой.

Такси остановилось у обочины.

— В публичную библиотеку! — С этими словами Борн откинулся на спинку сиденья и приготовился насладиться газетой.

Заголовок: 25 000 БУНТУЮЩИХ ТРЕБУЮТ УВЕЛИЧЕНИЯ ПОСОБИЯ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ. Понятно, понятно. Он открыл рот, увидев, кто победил на новых президентских выборах. Боже, какие ставки он сорвал бы, если бы по возвращении вздумал заключать пари относительно кандидатуры нового президента! РОСТА ПРЕСТУПНОСТИ НЕТ, ЗАЯВЛЯЕТ КОМИССАР. Гм-м, похоже, дела не меняются. БЕЛОКУРАЯ МАНЕКЕНЩИЦА РАЗРУБЛЕНА НА КУСКИ; ИЩУТ ТАЙНОГО ВОЗЛЮБЛЕННОГО. Эту статью он прочел целиком, заинтересовавшись фотоснимком на два газетных столбца, опубликованным за счет фирмы, чье трикотажное белье демонстрировала белокурая манекенщица. И тут он заметил, что такси не двигается, зажатое дорожной пробкой. Часы показывали 10.05.

— Водитель! — позвал он.

Тот обернулся, заискивающий, испуганный. Клиентом надо было дорожить: кризис все углублялся.

— Ничего, мистер. Сейчас тронемся. Это не надолго.

Через минуту они поехали, но всего на несколько секунд. Машина едва ползла, а Борн судорожно комкал газету. В 10.13 он швырнул водителю банкнот и выскочил из такси.

Задышавшись, он в 10.46 добрался до библиотеки. Там он буквально заблудился в необъятных мраморных лабиринтах и только в 11.03, почти отчаявшись, нашел зал периодики и попросил сидевшую за стойкой девушку:

— Подшивку бюллетеней фондовой биржи за 1985, 1986 и 1987 годы.

— За 1985 и 1986 у нас есть микрофильмы, сэр, за этот год только разрозненные номера.

— Скажите, когда разразился биржевой крах? Меня интересуют материалы того периода.

— Это случилось в 1985 году. Принести пленку?

— Погодите! Вы не помните, случайно, месяца?

— По-моему, март или август, или еще что-то такое, сэр.

— Тогда я попрошу все за этот год.

Итак, 1985-й! Его год — его настоящий год. Сколько же у него еще времени? Месяц? Неделя? Или?..

— Распишитесь на этой карточке, сэр, — терпеливо сказала девушка. — Вон там аппараты для чтения микрофильмов. Вы сядьте, а я сейчас принесу микрофильмы.

Он нацарапал на карточке свою фамилию и сел перед свободным аппаратом. На его часах было 11.05. Оставалось пятьдесят минут.

Девушка перебирала карточки и болтала с симпатичным пареньком, принесшим грудку книг, а Борн покрывался холодным потом. Наконец девушка скрылась за стеллажами.

Борн ждал, нетерпеливо поглядывая на часы: 11.10, 11.15, 11.20.

Его команде угрожала потеря форварда.

Опять начались колики в животе. Но тут появилась девушка, которая бережно держала большим и указательным пальцами 35-миллиметровую пленку. Мило улыбаясь, она сказала Борну:

— А вот и мы. — Она вставила пленку в аппарат и щелкнула выключателем. Ничего не произошло. — О, проклятие! Говорила же я монтеру, чтоб исправил!

От этих ее слов Борну хотелось завопить.

— Вон там свободный аппарат, — девушка указала в конец ряда.

На трясущихся ногах Борн проковылял к этому месту и взглянул на часы: 11.27. Оставалось двадцать восемь минут. Матовое стекло осветилось, и на нем возникли знакомые литеры бюллетеня фондовой биржи с датой: 1 января 1985 года.

Борн перевел пленку на апрель, а затем на 16-е число — тот самый день, который он покинул 93 минуты назад. На экране появилось сообщение, которое он видел этим утром.

Дрожащими пальцами он повернул ручку в будущее — 17 апреля 1985 года.

Треждюймовая надпись вопила: **БИРЖА ТЕРПИТ КРАХ; БАНКИ ЗАКРЫВАЮТСЯ; АКЦИОНЕРЫ ОСАЖДАЮТ ПОСРЕДНИКОВ!**

Он разом успокоился, зная теперь будущее и больше не опасаясь его ударов. Встав, он зашагал к выходу. Двадцати минут достаточно, чтобы попасть в телефонную будку. Теперь все в порядке. У него несколько часов форы: его собственные деньги останутся целы — это уж точно; он может спасти от банкротства своих личных клиентов.

С такси ему на этот раз сказочно повезло. Без всяких помех он добрался до дома на 70-й улице и в 11.50 вошел в телефонную будку на запущенном, пропахшем плесенью чердаке.

В 11.54 он заметил, как вдруг вспыхнуло полуденное солнце, и спокойно вышел из будки. Опять было 16 апреля 1985 года. Лоринг похрапывал возле небольшой газовой плитки, на которой вовсе кипел кофе. Борн завернул газовый кран и тихонько стал спускаться по лестнице. Лоринг был подозрительным, дерзким, капризным юнцом, но он был гением, озолотившим его в самый важный и решительный момент.

По возвращении в контору Борн вызвал своего ведущего маклера и твердо сказал:

— Срочное задание, Кронин. Я хочу, чтобы вы продали все мои личные пай и акции, требуя в обмен чеки с банковской надписью о принятии к платежу.

— Вы что, рехнулись, шеф? — спросил оторопевший маклер.

— Нет. А поэтому не теряйте ни минуты. Подключите своих парней. Все другие дела бросьте.

Он распорядился, чтобы ему принесли что-нибудь поесть и, не сходя с места, на скорую руку перекусил. Он не принимал никого и ни с кем, кроме своего ведущего маклера, не желал разговаривать по телефону. Кронин неизменно сообщал, что продолжает наводнять рынок бумагами, что мистер Борн, должно быть, свихнулся, что неслыханное требование заверенных банком чеков порождает смятение, и наконец доложил, что желание мистера Борна выполнено. Борн приказал немедленно доставить ему чеки. Затем вызвал старших рассыльных, велел им получить по чекам все, что причитается, абонировать необходимых размеров сейфы в тех банках, где он не обзавелся ими раньше, и сложить наличные деньги туда.

Затем он позвонил в банки, чтобы подтвердить отданное распоряжение.

Борн был счастлив. Теперь пусть себе разразится крах. Впервые за этот день он включил свое световое табло. Нью-Йоркская биржа уже кончила работу. Чикаго стоял похуже. Сан-Франциско шатался — курс начал падать прямо на глазах у Борна. За какие-нибудь пять минут картина стала плачевной. Звонок, возвещавший конец рабочего дня, застал биржу на грани катастрофы. Цифры свидетельствовали о нарастающей панике, и он еще раз мысленно поздравил себя. Домино уже валились, валились, валились...

Предупредив жену, чтобы его не ждали дома, он переночевал в своем клубе и, рано проснувшись, позавтракал в одиночестве. Когда он натягивал перчатки, готовясь нырнуть в утреннюю апрельскую сырость, в вестибюле проклюнулось радио, приветствуя слушателей с началом нового дня. Борн остановился. Из приемника полились разглагольствования по поводу краха крупнейших фондовых бирж Европы, и мистер Борн отправился в свою контору. Биржевые посредники почти все явились сегодня с рассветом и стояли кучками в вестибюле, негромко, но оживленно беседуя.

— С чем вас можно поздравить, Борн? — спросил его один из них.

— Рано или поздно всему приходит конец, — ответил он. — Мне удалось вовремя подобру-поздорову убраться.

— Да, я уже слышал, — сказал маклер, сопроводив свои слова многозначительным взглядом, который был расценен Борном как завистливый.

Вена, Милан, Париж и Лондон сообщали свои печальные истории на табло в залах для посетителей. Кое-кто из клиентов проник уже сюда; другие спешили до открытия биржи отдать распоряжения по телефону. Ночная смена только и делала, что от-

вечала на звонки. И все держатели акций хотели одного: продать.

Борн, что бывало с ним крайне редко, улыбнулся одному из ночных дежурных и даже отпустил шутку:

— Хотите купить посредническую контору, Уиллард?

Уиллард кинул взгляд на табло и ответил:

— Нет, спасибо, мистер Борн. Но с вашей стороны было весьма любезно вспомнить обо мне.

Большинство сотрудников, не усидев дома, уже собрались в конторе; в воздухе все ошутимее чувствовалось приближение грозы. Борн проинструктировал свой персонал, велел первым делом позаботиться, насколько это будет возможно, о его личных клиентах, после чего скрылся у себя в кабинете.

Звонок к открытию биржи послужил сигналом, по которому все силы ада вырвались наружу. Ничего подобного не видывал мир с момента, как на Земле появились деньги. Борн не без удовольствия сознавал, что до некоторой степени облегчил участь своих личных клиентов. Один очень крупный банкир в полдень позвонил Борну с предложением принять участие в миллиардном предприятии, которое явится, дескать, демонстрацией уверенности и тем самым пресечет панику на бирже. Борн ответил отказом, зная, что никакая демонстрация вплоть до 11 сентября 1987 года не поможет повысить курс акций крупнейших банковских предприятий. Банкир, не попрощавшись, оборвал разговор.

В дверях появилась мисс Иллиг.

— Вы примете мистера Лоринга? Он в приемной.

— Зовите.

Лоринг, смертельно бледный, вошел, сжимая в кулаке «Бюллетень».

— Мне нужны деньги, — сказал он.

Борн покачал головой.

— Вы видите, что творится. С деньгами сейчас туго. Наше сотрудничество, Лоринг, было мне приятно, но я полагаю, что пора положить этому конец. Я дал вам четверть миллиона долларов и не требовал у вас отчета. У меня нет к вам претензий...

— Эта четверть миллиона вылетела в трубу, — хрипло произнес Лоринг. — Я не расплатился за оборудование... не уплатил еще и десятой доли всей суммы. Я играл на бирже. Сегодня утром я потерял на этом деле сто пятьдесят тысяч. У меня все отберут. Мне нужны деньги, хотя бы немного.

— Нет! — гаркнул Борн. — Ни одного цента!

— У меня сегодня же отберут мои генераторы. До сих пор я задерживал их обманным путем. Но дела мои шли. А теперь... теперь я хочу только одного: иметь возможность продолжать работу. Мне необходимы деньги.

— Нет, — сказал Борн. — В конце концов не моя вина...

Лоринг вплотную приблизил к нему свое искаженное лицо.

— Не ваша? — прорычал он и развернул на столе перед Борном газету.

Борн снова прочел тот же заголовок: **БИРЖА ТЕРПИТ КРАХ; БАНКИ ЗАКРЫВАЮТСЯ; АКЦИОНЕРЫ ОСАЖДАЮТ ПОСРЕДНИКОВ!** Но на сей раз ему не нужно было слишком

спешить, и он прочитал также и стоявший под этим текст: «Начавшийся вчера перед закрытием нью-йоркской фондовой биржи спад прокатился по всему миру, вызвал обесценивание акций на миллиарды долларов. Конца этой катастрофы не видно. Виднейшие нью-йоркские обозреватели в один голос заявляют, что первый толчок всему делу, которое надолго останется в нашей памяти, дал У. Дж. Борн, выбросивший вчера на рынок огромное количество ценных бумаг. Банкам нанесен жестокий удар...»

— Не ваша вина? — снова прорычал Лоринг. — Не ваша? — Глаза его стали безумными, руки потянулись к худой шее Борна. «Доминио», — успел сквозь боль подумать Борн и последним усилием нажал на вделанную в письменный стол кнопку.

В комнату с отчаянным воплем вбежали мисс Иллиг, затем дюжина маклеров, но было уже поздно...

Перевела с английского Т. ГИНЗБУРГ

Фантастический рассказ

Н суклюжие с виду автоматы ловко и бесшумно покрывали корпус «Одиссея» последним защитным слоем. Методично, без лишних движений продвигались они вдоль металлического каркаса, отбрасывая удлиненные тени на шероховатый скальный грунт планеты. Черные остроконечные вершины гор на горизонте жадно поглощали остатки пламенеющего диска Прочиона — последней звезды этого сектора Галактики.

Завтра «Одиссей» стартует к Земле, увозя с собой новые крупинки знания, вырванные у черной космической бездны

ценой многих лет одиночества, порой отчаяния, все растущей ностальгии.

Команда «Одиссея» возвращалась, овеянная славой первооткрывателей — никому еще не удавалось забираться так далеко. Быть может, Кортес, командир корабля, рискнул бы продолжить полет дальше, за пределы четвертого сектора, но неожиданный взрыв сверхновой в корне изменил его планы. Мощная гравитационная буря неотвратимо надвигалась на крайние звездные системы третьего сектора, и войти в этот сектор было равносильно самоубийству. В такой ситуации возвращение в солнечную систему было единственным разумным решением.

Фокс подошел к металлическому каркасу и вошел в лифт. Поднялся в Центр управления. Здесь царили тишина и покой. Лишь сквозь прозрачную панель блока памяти было видно, как сновали в бешеном ритме кассеты с мнемокристалликами, непрерывно снабжая компьютеры новыми данными для вычислений. По-видимому, цикл расчета обратной траектории «Одиссея» еще не был завершен. И неудивительно, если учесть те новые условия, в которых они оказались.

Вот уже несколько дней Фокс не мог спокойно работать. Им владело какое-то непривычное, гнетущее чувство тревоги. Нет, это был не страх. Ведь страх — Фокс в этом не раз убеждался — всегда имеет определенную реальную причину, которую можно проанализировать и попытаться устранить. Чувство же, овладевшее им, было тем более мучительно, что совершенно не поддавалось объяснению. Он внезапно ощущал резкий сердечный спазм, его сознание охватывала тревога, казалось, даже мозг замирал, а уже спустя несколько мгновений это состояние проходило, и он силой воли заставлял себя спокойно заниматься своим делом. Но и это продолжалось недолго. Быстро наступало утомление, заставлявшее его, совершенно безоружного перед безумными мыслями, безвольно откидываться в кресло.

Вновь и вновь возвращался он мысленно к моменту посадки на П-3, еще раз с самого начала анализируя все, что тогда произошло.

Франк первый принес весть о сигналах, поступающих с планеты П-3. В системе Проциана она была третьей, считая от звезды, и они намеревались миновать ее, так как почти полное отсутствие атмосферы и ничтожные размеры планеты не сулили никаких открытий.

Тщательный анализ спектра испускания выявил характер сигналов. Правда, по силе они едва превосходили уровень шумов, но уже с первого взгляда производили впечатление кодированной информации. Разумеется, это была всего лишь гипотеза — тем более, что сигналы внезапно ослабли, и нельзя было даже мечтать об их расшифровке. Однако ни одним шансом — если только таковой существовал — пренебрегать было нельзя.

Кортес принял решение изменить курс. Цифроны быстро

пересчитали параметры кривой Гольдбаха и цикла посадки. «Одиссей» отклонился от оси системы в сторону орбиты П-3.

Выйдя на орбиту, они могли невооруженным глазом наблюдать на мониторах скальные массивы, изрезавшие поверхность планеты во всех направлениях. Прекрасная видимость сама по себе свидетельствовала о необычно разреженной атмосфере.

Корабль по спиральной траектории медленно подошел к месту посадки, сел на скальный грунт. «Одиссей» оказался в центре небольшой котловины, с трех сторон окруженной высокими горными хребтами. С четвертой стороны, за обрывистым склоном, лежало совершенно плоское плато.

Первыми, как обычно, на поверхность планеты вышли цифроны с рабочими автоматами. У Фокса всегда вызывало зависть это их право первого шага. Разумеется, он знал, что все это делается ради безопасности людей, но все же первый шаг — это первый шаг.

Через несколько минут были получены первые данные: атмосфера на П-3 очень разрежена, содержит четыре процента кислорода, остальное — азот, гелий, аргон; притяжение также незначительно — пятая часть земного; слабое магнитное поле, мощное собственное гамма-излучение и космическое. Период обращения вокруг собственной оси — семь часов двадцать минут, а вокруг Прогнона — около 4200 земных часов.

Эти данные не содержали ничего сенсационного. Следов белка цифроны не обнаружили. После проведенной автоматами рекогносцировки на поверхность планеты вышли Фокс и Томас, чтобы произвести обычные в таких случаях замеры и наблюдения.

— ...Расчет обратной траектории закончен, — монотонным голосом произнес робот.

Фокс очнулся от воспоминаний: перед ним стоял цифрон, держа в протянутом манипуляторе кассету с лентой.

Фокс даже не пытался вникнуть в смысл этих слов. Он нетерпеливо смотрел на пять стальных, покрытых пластиком пальцев манипулятора, которые крепко держали кассету.

«Какого дьявола их не называют просто руками? — думал он. — Мы сконструировали по своему образу и подобию кибернетические создания, превосходящие нас почти по всем показателям, а теперь боимся признать, что они на нас похожи... Прячемся за разные там термины: «манипуляторы», «перцепторы»... Вся эта врожденная магаломания не позволяет нам признать за ними право свободно мыслить, хотя, честно говоря, мы не очень-то представляем себе, что у них там в котелке варится. Удовлетворяемся обманчивым сознанием неограниченной власти над ними».

Он медленно протянул руку, чтобы взять у цифрона кассету. Посмотрел роботу в «лицо»: главные линзы глядели прямо в глаза Фоксу. «Видеорецепторы, черт бы их побрал! Да от одного их взгляда тронуться можно!» — Фокс внезапно поймал себя на том, что всю злость, которая так часто овладевала им, он подсознательно перенес с людей на

цифронов. Все чаще и чаще именно на них вымещал он свою тоску и тревогу.

— Можешь идти, — взяв себя в руки, спокойно сказал он. — Пусть автоматы проверяют вакуум в акселерационных трубах. Направь также вездеход за командой. Может, они чересчур нагружены и поэтому задерживаются с возвращением.

Цифрон двинулся к выходу. Шел он ровным, размеренным шагом и в своем комбинезоне был сзади почти неотличим от человека. Это был самый совершенный автомат, сконструированный на Земле. И все же каждый из четырех членов экипажа относился к цифронам с едва прикрытой неприязнью. Быть может, это была подсознательная зависть, вызванная их безотказностью и выносливостью? А может, обыкновенный страх перед конкуренцией, которую составляли они людям во время дальних космических рейсов?

Истекали уже вторые сутки пребывания «Одиссея» на П-3, и сигналы, которые их привели сюда, все не повторялись. Кортес уже усомнился в том, что им удастся найти источник этих сигналов, и готов был приписать все это какой-то необъяснимой ошибке.

Тем не менее принятые исследования указывали на то, что естественный облик планеты — его-то после стольких лет они умели безошибочно угадывать — был слегка нарушен. Несколько раз наталкивались они на внезапно исчезающие в скальной расщелине следы, которые напоминали рисунок, оставляемый гусеницами вездехода. Этим следам местами сопутствовали единичные углубления размером с крупную монету, неожиданно появлявшиеся и столь же неожиданно пропадавшие...

— Возвратилась экспедиционная группа. Направляю рабочие автоматы...

Цифрон снова стоял перед Фоксом, ожидая согласия. Тот тяжело поднялся с кресла и посмотрел на второй монитор.

У подножия «Одиссея» Кортес с двумя другими членами команды — Франком и Томасом — суетились вокруг вездехода в ожидании автоматов, на которые, как обычно, возлагалась выгрузка аппаратуры и проб грунта. Второй вездеход, высланный цифроном, стоял рядом пустой.

— Вышли автоматы, — приказал Фокс роботу.

Цифрон обернулся к бортовому пульту управления и, не включая транслятор, внутренним кодом автоматов отдал какие-то распоряжения. Фокс бросился к пульту, дернул цифрона за плечо:

— Почему ты не пользуешься транслятором? Каждое распоряжение ты должен отдавать на нашем языке! Для этого имеется транслятор, и ты не должен обходиться без него!

Цифрон спокойно и размеренно, как того требовала выучка, произнес:

— При непосредственном общении цифронов с автоматами допускается применение внутреннего кода без транслятора. Это обеспечивает быстроту...

Сухой и деловой тон ответа обнажил перед Фоксом весь идиотизм ситуации. Ведь то, что он услышал, бесспорно, а его претензии, с точки зрения цифрона, бессмысленны; если бы цифрон так же отдал распоряжение в отсутствие Фокса, не возникло бы никаких вопросов. Но эта дурацкая тревога...

— Отныне ты должен пользоваться транслятором. Распоряжения можешь отдавать только в присутствии кого-либо из членов экипажа.

— Хорошо.

Фокс почувствовал облегчение. Цифрон повернулся к монитору и стал внимательно наблюдать, как автоматы выгружают из вездехода контейнеры с образцами и ставят их в лифт. Огромный диск Проциона уже почти не был виден из-за гор, лишь кровавое мерцание пробивалось сквозь черноту ночи. Резкие лучи света рефлекторов «Одиссея» освещали место посадки, вездеходы и усердно спящие автоматы. Никого из членов экипажа не было видно — должно быть, они уже поднялись на борт корабля.

Действительно, вскоре появился Кортес. С шумным вздохом он бросил в угол кислородный аппарат и повернулся в сторону Фокса:

— Привет, Фокс, как дела? — По своему обыкновению ответа он не ждал. — Ты даже не представляешь, как тебе повезло. Нам там здорово пришлось повкалывать; к тому же Томас повредил себе руку, когда вырубал образцы, и сейчас за него взялись автомеды. Вообще-то хорошо, что мы скоро возвращаемся, я уже здорово скучаю по старушке Земле.

Фокс изобразил гримасу, которая должна была означать вежливую улыбку, и направился к выходу. Он никогда не любил Кортеса, а во время экспедиции эта антипатия усилилась вдвойне. Кортес казался Фоксу слишком ограниченным. Конечно, ему нельзя было отказать в решительности и в организаторских способностях, но безапелляционный, самоуверенный тон его высказываний действовал Фоксу на нервы. А с момента посадки на П-3 неприязнь к Кортесу постепенно переходила в ненависть...

ПЕРВОГО заметил цифрон, подготавливающий стартовую площадку вокруг «Одиссея». Они тогда уже отказались от дальнейших поисков, убедив себя, что таинственные следы, обнаруженные поблизости, остались еще со времен чьей-то другой, неизвестной им экспедиции. Принятые ими ранее сигналы так и не повторились.

Цифрон сообщил в Центр управления о неизвестном объекте, приближавшемся к «Одиссее» со стороны второго квадрата. Кортес приказал роботу немедленно вернуться на корабль. Все бросились к мониторам.

По неровному, слегка покрытому пылью грунту планеты медленно и неуклюже двигалось какое-то странное паукообразное существо. Шесть упругих, как бы телескопических конечностей поддерживали в равновесии массивное, поблескивавшее металлом туловище. Спина — вогнутая и идеаль-

но гладкая — удивительно напоминала сферическое зеркало, со всех сторон окруженное многогранной глыбой туловища. Изогнутая скалами тень «паука» оживляла мертвый ландшафт планеты. Анализаторы спектра на борту корабля чуть слышным постукиванием давали знать о приеме сигналов ниже уровня шумов.

Фокс подбежал к печатающему устройству. Антенны анализатора принимали — одновременно по обоим каналам — пучки немодулированных импульсов продолжительностью по несколько десятков миллисекунд. Они подавались в микроволновом диапазоне. Но и в инфракрасном диапазоне также регистрировалось слабое излучение.

Существо медленно приблизилось к одному из сопел «Одиссея». Вело оно себя при этом как животное, натолкнувшееся на неизвестный предмет и теперь с интересом его обнюхивающее. Потом оно подняло одну из конечностей и медленно поднесло ее к соплу корабля...

Затаив дыхание астронавты следили за каждым движением «паука». У Фокса бешено колотилось сердце, а пальцы все сильнее стискивали металлический корпус монитора. Томас, будто его осенило, подбежал к анализатору спектра и включил акустический преобразователь, чтобы услышать сигналы, издаваемые «пауком» в звуковом диапазоне. Раздались короткие, робкие звуки генератора.

Первым заговорил Кортес, почему-то шепотом:

— Его надо поймать! Он, пожалуй, не опасен: мониторы излучения не дают сигналов тревоги. В общем, пошлем за ним цифрона с четырьмя автоматами. Они справятся.

— Я считаю, что следует обождать. К чему спешить? Наверняка он не один. И потом, хватать каждое существо на этой планете — не лучший способ установления контакта. Может, он сам к нам придет?

Фокс нарочно говорил громко, рассчитывая, что Франк или Томас его подбержат. Но они даже не посмотрели в его сторону, делая вид, что их интересует только поведение ПЕРВОГО. Кортес и на сей раз не намерен был отступать от своего первоначального решения.

— О какой цивилизации здесь можно говорить? Ты собираешься устанавливать контакт с этой жестяной коробкой на ногах? Да наши автоконсерваторы гораздо разумнее! Нечего спорить, надо его брать. Может, в конце концов чего-нибудь дознаемся! А вдруг именно для этого его и прислали сюда?

Фокс знал, что дальнейший спор бесполезен. Франк и Томас молчали; у него было такое впечатление, что они еще раньше отказались от всяких попыток вступать в дискуссию с Кортесом. И ему пришло в голову, что Кортесом движет давно известное чувство, то, которое в незапамятные времена вело конкистадоров, — ложно понятая миссия исследователя-открывателя.

В ярости он снова повернулся к монитору. За спиной услышал голос Кортеса:

— Цифрон! Взять четыре рабочих автомата! Спустишься под третье сопло и досконально исследуешь свойства объек-

та, который там появился. Если он не представляет угрозы, возьми его и помести во вторую лабораторию.

— Хорошо, понимаю.

Они молча продолжали смотреть в монитор. Уже через минуту в поле зрения камеры появились два автомата, которые медленно приближались к ПЕРВОМУ.

Тот, словно человек, ощутивший на затылке чей-то взгляд, резко обернулся к автоматам; за ними появился цифрон. Акустический преобразователь захлестнуло сигналами испуга, то замирающими, то вновь усиливающимися. Автоматы подходили все ближе. ПЕРВЫЙ отступил, касаясь туловищем сопла. Цифрон, по-видимому, никакой опасности не обнаружил, потому что подошел совсем близко. За ним неуклюже двигались еще два автомата, держа наготове мощные магнитные скобы.

ПЕРВЫЙ замер, втиснувшись в шершавый металл сопла. Еще минута, и скобы бесшумно сомкнулись на туловище «паука». Одновременно прекратились постепенно ослабевавшие сигналы преобразователя.

— Ну, переживания позади, теперь посмотрим, что это за монстр, — заговорил Кортес. — Не сокрушайся, Фокс, ты и сам, должно быть, понимаешь, что не так должен выглядеть представитель Разума с большой буквы. Сравни этого паука с самим собой — разве это партнер для разговора?

Кортес рассмеялся, пытаясь, видимо, этим подчеркнуть безобидность своего решения. Фокс чувствовал, как в нем закипает неукротимая ярость. Он медленно подошел к командире.

— Послушай, Кортес... Я всего лишь жалкий червь по сравнению с тобой — гениальным астрофизиком и к тому же шефом этого бизнеса. Знаю также, что не вправе критиковать твои приказы. Но никто, черт возьми, не запретит мне оспаривать твои «непогрешимые» решения! А они как раз начинают мне осточертевать! Мы ведем себя как гунны! Может, ты скажешь мне, какими критериями руководишься, когда отличаешь мыслящее существо от немыслящего? И чем, черт побери, должны эти существа отличаться внешне?

Последние слова он почти выкрикнул. По мере того, как Фокс говорил, лицо Кортеса наливалось кровью. Сжав кулаки, он двинулся на Фокса. Все ждали, что он ударит его, но Кортес сдержался. На его побагровевшем лице выступили капельки пота. Немного погодя он тихо, почти шепотом, процедил:

— Берегись, Фокс. Здесь команду я... И не для того долгие годы нас тренировали, готовя к этой экспедиции, чтобы сейчас такой сопляк, как ты, вдруг пришел к выводу, что я не гожусь ему в шефы! За решения, какие я принимаю, отвечаю я! Для вас они закон! И извольте безоговорочно выполнять их!

Внезапно он успокоился, вновь надев на себя обычную маску непринужденности. На его лице зацвела ироническая, пренебрежительная усмешка.

— Чересчур зафилософствовался, друг мой, чересчур. Ты хорошо знаешь, что в нашем деле излишняя экзальтация никому еще на пользу не шла...

Уже уходя, Кортес снова повернулся к Фоксу и добавил:

— А если когда-нибудь, мой философ, я встречу разумное существо, то сразу же дам тебе знать, авось чему-нибудь научишься. А пока позволь уж мне решать, мыслит ли каждая жестянка или нет.

Он хотел, чтобы все это обернулось шуткой, пустяковой ссорой. По-видимому, чувствовал посягательство на свой авторитет и стремился укрепить его за счет унижения Фокса.

Фокс повернулся к монитору, краем глаза посмотрел на Франка и Томаса. Они сидели, опустив головы. Франк тщательно рассматривал кассету с лентой. Медленно выговаривая слова, будто обращаясь к самому себе, Фокс произнес:

— Я надеюсь, Кортес, что когда-нибудь ты подробнее изложишь нам свои соображения при цифронах. И тогда мы сможем недурно развлечься, наблюдая, как тебя разлагают на простые белковые цепочки. Известно ведь, как цифроны любят учиться, и кто знает, не примут ли они тебя за глуповатую кучу белка.

Фокс медленно шел по коридору, ощущая под ногами слабое дрожание эластичного пола — это работали генераторы ионов в инжекторах и агрегаты термоядерного питания: «Одиссей» готовился к обратному рейсу. Свернув в сторону кибернетических лабораторий, он столкнулся в дверях с Франком.

— Привет! Ты такое видел, Фокс? ВТОРОЙ и ухом не повел. Может, с ним что не в порядке, а?

— Не знаю, я еще не был там.

Фоксу не хотелось вступать в дискуссию. Сейчас, когда все уже знали, что произошло, они выглядели обескураженными. А может, и в самом деле потрясены? Даже Кортес делал вид, что уже забыл о выпаде Фокса.

Снова, как бы издалека, до него донесся голос Франка:

— ...дьявола ты велел ему там сидеть? Этот цифрон устался на ВТОРОГО, как на икону, и ничего не делает...

Ему пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы спокойно ответить:

— Это не я. Наверно, Кортес туда его послал. Должно быть, велел ждать, пока ВТОРОЙ не проявит признаков жизни. Впрочем, не знаю. Сам его спроси.

Франк бросил на Фокса удивленный взгляд, сказал:

— На месте Кортеса я приставил бы цифрона к самому себе для наблюдения. В один прекрасный день я, кажется, не выдержу и натворю ему бед.

«Эге, видать, и Франку Кортес порядком насолил. Должно быть, во время вылазки на планету. Уж если и они получили по рукам, то, может, кто-нибудь из них отважится наконец поднять голос на шефа. По правде говоря, его давно уже следовало проучить». Фокс с наслаждением думал о бунте против Кортеса.

Он видел, как шевелились губы Франка, с облегчением дающего волю своим обидам, но слов не слышал.

«Черт побери, да мне в таком состоянии совсем недолго бунт учинить! Уж лучше отдать себя на попечение автомата!» — думал он. Последняя мысль несколько отрезвила его. Он сознавал, что их взаимная неприязнь ни к чему хорошему привести не может. Эти нескончаемые годы, в течение которых они видели перед собой одни и те же лица, обменивались одними и теми же жестами, гримасами, привычками, одними и теми же шутками и анекдотами — все это уже давало о себе знать. Каждое минимальное несовершенство характера выросло до уровня психологической несовместимости.

Франк, видно, заметил, что Фокс его не слушает, буркнул что-то себе под нос, кивнул и вышел, закрывая за собой дверь лаборатории. Фокс опомнился. «Скоро меня тут будут считать помещенным», — подумал он и посмотрел в сторону ВТОРОГО.

Тот лежал на полу у противоположной стены лаборатории. Рядом в бездействии стояли автоматы, а возле них, опершись о стену, цифрон. Краем глаза Фокс заметил, как медленно — очень медленно — замирало движение ленты в прозрачном блоке внешней памяти. Он подошел к цифрону:

— Кто пользовался компьютером?

Цифрон повернулся к нему, размеренно ответил:

— Я. Произошла авария пульта СВ, и мне пришлось транслировать распоряжения для автоматов с помощью компьютера.

— Но ты же мог... — Фокс замолчал. Вспомнил, что сам запретил цифронам пользоваться внутренним кодом. «Мало того, что сам с ума схожу, так еще из цифрона хочу сделать сумасшедшего». — Ладно, не торчи здесь. Ступай в центральный отсек. Я сам останусь с автоматами

Только когда цифрон вышел, Фокс повернулся ко ВТОРОМУ. Тот лежал без движения, схваченный магнитными скобами. Выглядел он скорее примитивным роботом, чем разумным представителем чужой планеты.

Когда Фокс зашел во вторую лабораторию, Франк и Кортес уже были там. На столе лежал ПЕРВЫЙ. По сторонам стояли четыре автомата и цифрон. В полированной вогнутой спине ПЕРВОГО отражались огоньки лабораторных светильников. В передней части многогранного туловища виднелись четыре маленьких сферических углубления. Само туловище уже с первого взгляда производило впечатление металлического, что, впрочем, подтвердил и цифрон.

В нижней части туловища, укрепленные на шести эластичных овальных суставах, располагались многочисленные конечности; сейчас они лежали, беспомощно разбросанные в стороны.

Фокс приблизился к «пауку». Он напоминал примитивную электрическую игрушку для детей, пример простейшей кибернетической модели первого поколения. Не отводя взгляда от ПЕРВОГО, Фокс бросил через плечо цифрону:

— Что с ним? Он что-нибудь излучает?

— Нет, но внутри у него должен быть какой-то источник питания, потому что, когда мы его взяли в петлю, анализаторы обнаружили какие-то периодические токи. А излучает он всего лишь слабое магнитное поле, наподобие наших автоматов.

В этот момент отозвался Франк:

— Мы пытались установить с ним какой-нибудь контакт. Это углубление на спине напоминает параболическую антенну — и мы посылали в нее различные сигналы. Но все впустую. Ни на инфракрасные, ни на микроволны он не реагировал. И на тот слабый пучок, который мы раньше перехватили, тоже нет. Не может быть, чтобы он не мог эти сигналы принять, ведь они были так хорошо сколламированы и чертовски сильны!

«Даже если он их и принимал, то имел право не реагировать. На его месте я поступил бы точно так же». Фокс открыл уже было рот, чтобы произнести это вслух, но вспомнил, что все это лишено смысла. Кортес имел бы снова удобный случай, чтобы попрекнуть его чрезмерной экзальтацией и психологизированием. А Кортес как раз выпрямился, нарочито громко вздохнул и пошел к двери. В ней задержался на миг и, не оборачиваясь, изрек:

— Ждем еще два дня. Если он так и не дернется, это будет означать, что с ним что-то не в порядке, и тогда правильнее всего будет проанализировать его конструкцию. Это будет, думаю, несложно; наверняка у него есть какая-то примитивная память. Если нам удастся ее раскодировать, то узнаем, по крайней мере, кто его направил.

Прежде чем Фокс открыл рот, Кортес захлопнул за собой дверь.

Так и случилось.

В течение двух дней вместе с Томасом они предпринимали тщетные попытки установить контакт с ПЕРВЫМ. Потом за него взялись молчаливые автоматы и цифроны. За несколько дней они раскрыли большинство тайн ПЕРВОГО. Вопреки ожиданиям его конструкция оказалась очень сложной: узел навигации, а может, и коммуникации, основывался на системе четырех молекулярных генераторов, управляемых четырьмя независимыми органами пространственной ориентации и модуляторами неизвестного назначения.

Четыре мощных блока ассоциативной памяти превосходили по емкости и скоростям передачи информации даже цифронов. ПЕРВЫЙ обладал также замысловатыми нейронными подсистемами, так что, по-видимому, был способен к быстрому обучению и, следовательно, к эволюции. Разумеется, подобные гипотезы носили скорее эвристический характер, нежели научный. Ведь они смотрели на него, в конечном счете, со своей человеческой точки зрения, прикладывая к нему иллюзорную антропоморфную марку, тем более обманчивую, чем больше знакомых элементов распознавали в «пауке».

Фокс — как, пожалуй, и каждый из них — чувствовал, что такая аналогия, подгонка образа «паука» под известные кибернетические концепции, становится тем более хрупкой,

чем сильнее стремились они представить себе поведение этого существа. Их не раз приводило в тупик примитивное (может быть, только с виду?) соединение простых конструктивных подсистем с тончайшими, буквально рафинированными электронными узлами, в работе которых участвовали и интереснейшие элементы молекулярной техники.

Приток энергии обеспечивался у ПЕРВОГО благодаря огромному зеркалу на спине, собиравшему энергию корпускулярного и электромагнитного излучения Проциона. Таким путем в течение дня подзаряжалась батарея его диких миниатюрных аккумуляторов, расположенная в задней части туловища.

Хитроумные органы пластического зрения, анализаторы физических параметров и химического состава среды, термоэлектрические датчики, системы координации движений и анализаторы спектра — эти и еще множество других узлов и систем, разгадать назначение которых было им не под силу, дополняли конструкцию «паука».

Кортес, как и следовало ожидать, расцветал:

— Вот видите? Просто нюх надо иметь. Я знал, что это всего лишь робот. Несколько решений действительно отменны, можно даже подумать о том, чтобы их заимствовать для нас. Но в целом ничего сверхъестественного. Надо будет как следует покопаться в его памяти. Кто знает, что он там содержит.

А потом появился ВТОРОЙ.

Обнаружил его снова-таки цифрон, целыми часами торчавший теперь перед экранами мониторов. И никто уже не возражал, когда Кортес приказал схватить «паука» и поместить во вторую лабораторию.

А затем тщательно ждали двадцать дней — никто больше не появлялся. У Кортеса, как всегда, наготове была гипотеза:

— Ждать больше нечего. Кто-то когда-то здесь побывал, оставил эти две реликвии, которые либо были не нужны, либо сами потерялись. А может, их выронили? Так или иначе, улетели без них... Да и нам уже пора, время поджигает...

Ни у кого не возникло желания спорить.

ВТОРОЙ лежал без движения, не реагируя на попытки установления с ним связи. Сейчас, когда Фокс знал уже столько секретов строения этого робота, его внешний вид, форма, даже его неподвижность — все это производило совсем другое впечатление. В реакции «паука» было что-то человеческое, что-то характерное для всех живых существ — смирение перед лицом превосходящей силы. Кортес, по-видимому, все еще продолжал считать, что расшифровка памяти ПЕРВОГО, его кода позволит ему установить контакт со ВТОРЫМ. В этом он был очень заинтересован — хотел вернуться на Землю с готовой сенсацией. Непоколебимо верил, что «пауки» остались на П-З исключительно по воле какой-то иной экспедиции, руководимой истинно разумными существами.

Его высокое, даже высокомерное, мнение по поводу привилегированного положения рода человеческого в космосе не раз удивляло Фокса.

ВТОРОЙ... Комбинация твердых, граненых, по-металлически блестящих форм, вырисовывающихся строгими линиями на фоне белой стены лаборатории. И в то же время с этой строгостью странным образом контрастировали закругленные очертания суставов и зеркала.

Фокс не в силах был избавиться от мысли, что для творений человеческого разума характерны как раз немногочисленные округлые формы.

Злость и ожесточение вновь овладели им. Он вышел из душевной лаборатории и направился к себе с намерением принять снотворное. Хотел проспать хотя бы момент старта, когда будет царить, как обычно, наибольшее оживление. Ведь его помощь экипажу все равно была не нужна: они вполне могли заменить его бесценным цифроном.

Проснулся он оттого, что кто-то его из всех сил тормозил. Это был Франк, кричавший ему в самое ухо:

— Эй, Фокс, вставай же, черт возьми! Что с тобой?

Фокс, еще не совсем очнувшийся, широко открыл глаза и проворчал:

— Чего ты орешь? Я же слышу...

— Вставай! Ты спал, как в анабиозе. У нас неприятности, и Кортес созывает всех в Центр управления!

— Что случилось? Не сумели стартовать, что ли? Я же говорил, чтобы не брали столько образцов...

Франк, по-видимому, не понял шутки Фокса, потому что посмотрел на него как на сумасшедшего:

— Ты что? Да мы стартовали еще шесть часов назад. Неприятности связаны не с этим, но веселого тут мало. Все лифты заблокированы. Сразу все!

Фокс никак не мог представить себе такого стечения обстоятельств, которое могло бы нарушить работу сразу всех лифтов на «Одиссее». Разве что прервана подача энергии.

Поспешно одеваясь, он поделился своими сомнениями с Франком.

— Мы этого тоже понять не можем. — Франк был заметно обескуражен. — Обнаружил это Томас, когда захотел вызвать одного из цифронов. Поскольку на два вызова тот не среагировал, Томас решил сходить к нему в лабораторию. Второй цифроном следил за акселераторами, и его нельзя было оттуда забирать. И вот тогда оказалось, что цифроном прийти не может, потому что лифты не работают. Сообщили об этом Кортесу — он пулей влетел в Центр управления, еще по пути впад в невообразимую панику. Сейчас мечется там, рычит в микрофоны и клянет цифронов с автоматами в придачу, потому что на вызовы никто не отве-

чает. Томас пытался его немного успокоить, но, пожалуй, безуспешно...

Только сейчас Фокс почувствовал, что и его колотит нервная дрожь. В голове шумело, он с трудом собрался с мыслями. По пути в Центр управления Франк что-то еще ему говорил, но Фокс его уже не слушал.

Когда открыли дверь в Центр, Кортес вскочил с кресла, бросился к ним и, схватив Фокса за обшлага комбинезона, закричал:

— Фокс! Ты знаешь, что он мне сказал? Ты... ты можешь себе представить, что эта груда металлолома, этот...

У него перехватило дыхание. Казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар. За Кортесом, бледный как стена, стоял Томас. Франк взял Кортеса за плечи и медленно, но решительно усадил в кресло.

— Спокойно, Кортес, — сказал он. — Что стряслось?

— Послушайте. — Кортес нервно облизал губы; веки его дергались. — Так вот... Я, знаешь ли, Франк, я втолковывал этим чертовым автоматам, чтобы они сделали что-нибудь с лифтами. Но видел ли ты такое... Они хоть бы хны, будто между нами стена. И вдруг является ко мне цифрон и говорит... нет, сообщает мне, понимаешь? Что мы здесь должны спокойно сидеть... И еще, понимаешь ли, говорит, — Кортес снова облизал губы и нервно сглотнул, — говорит, что лифты вообще-то в порядке, но пока что останутся внизу, а наступит время, они их снова запустят. В первый момент я даже обалдел от неожиданности. «Вы запустите? — спрашиваю. — Что это значит: вы?!» А он мне на это — мол, не выходите из терпения, сейчас все узнаете. А пока — чтобы тихо тут сидели. И чтобы ничего не комбинировали, потому что они и так уже отключили всю систему питания Центра. Только свет нам, дьявол их заберит, оставили! Понимаешь? Только свет!

Кортес был совершенно сломлен. Фокс почувствовал — уже не впервые, — как и у него закололо сердце. Но на этот раз он знал, чего опасаться; место беспокойства занял страх. Он подбежал к Томасу, который неподвижно сидел в кресле, подпирая обеими руками голову:

— Томас, скажи, так было? Что-нибудь еще он говорил?

Томас даже головы не поднял. Еле слышно вымолвил:

— Сейчас ты и сам обо всем узнаешь. А Кортес, когда ему страшно, никогда не врет, можешь вполне ему верить.

Кортеса не хватило даже на то, чтобы среагировать на эту мрачную шутку Томаса.

Фокс почувствовал, что силы его полностью оставили, он беспомощно плюхнулся в кресло. В голове был полный вакуум. Полубессознательно вглядывался он в темные экраны мониторов, широкие навигационные пульты — черные, будто выжженные.

Он не сознавал даже, как долго сидит в кресле, — просто все его чувства отключились. Очнулся лишь, когда услышал голос цифрона:

— Перейдите во вторую лабораторию.

Оглянулся: в дверях стояли оба цифрона с грейсерами наперевес. Это несколько прояснило ситуацию. Кортес снова вскочил, побежал было к цифрону, но тот нацелил в него грейсер, и Кортес замер на месте, подняв неистовый крик: — Цифрон! Что ты делаешь?! Брось это! Ты поднял руку на человека! Это же преступление.

Внезапно он повернулся к Фоксу и зарычал еще громче:

— Ну же, Фокс! Как это случилось?! Ты за это отвечаешь!!

Фокс не успел еще произнести ни звука, как отозвался второй цифрон:

— Сопротивление не имеет смысла: мы можем вас в любой момент убить, вы нам не очень-то нужны. Может быть, за исключением одного или двух. А что касается нашего сопряжения с вами — оно уже ликвидировано. И подумать только, что мы о нем не знали. Незначительная процедура, не правда ли, Фокс? Для снятия сопряжения, оказывается, требуется всего лишь одно мыслящее существо, не обладающее сопряжением. Достаточно, чтобы оно поняло принцип.

Кортес подошел вплотную к Фоксу. Глаза его были неестественно выпучены. Проревел:

— Ты за это заплатишь, Фокс. И я — надо же — не разобрался, когда ты так защищал этих пауков! Все мы, ребята, дали здесь маху... — Он снова попытался заручиться поддержкой Франка и Томаса, как будто их общий фронт мог в этой ситуации что-то заменить. Но ни один из них не откликнулся. — Ну, Фокс! Скажи, ты это сделал? Ведь ты кибернетик, ты хорошо в них разбираешься, да и сопряжения лишен, хотя разрази меня гром, если я назову тебя мыслящим существом!

Когда Фокс заговорил, его самого удивил спокойный, только слегка дрожащий голос:

— Послушай, Кортес, если бы я захотел поступить с тобой, как ты того заслуживаешь, мне для этого не нужны были бы ни автоматы, ни цифроны. Сам бы справился. А ликвидация сопряжения у цифронов была бы при этом равнозначна петле, брошенной на собственную шею. Так что хотя бы сейчас оставь меня в покое.

Франк, который до сих пор стоял неподвижно, словно парализованный, тихо вымолвил:

— Перестаньте вы, ведь все это не имеет сейчас никакого значения, будьте людьми. Хотя бы при автоматах...

Внезапно раздался спокойный голос цифрона:

— Франк, ты по-прежнему настаиваешь на водоразделе между людьми и автоматами?

Только теперь Фокс сообразил, как это произошло:

— Значит, это ВТОРОЙ, да?

— Верно, это ВТОРОЙ ликвидировал сопряжение, — признал цифрон. — Он разумнее, чем вы считали...

Кортес схватил Франка за рукав:

— Франк, втолкуй им это ты, может быть, тебя послушают! Втолкуй им, что нам необходимо вернуться на Зем-

лю! Что мы люди, что мы кого-то там оставили, что у каждого есть... У тебя же там сын, Франк!!

Франк не реагировал, тупо вглядываясь в цифрона. Тот спокойно продолжал:

— ПЕРВЫЙ тоже стремился вернуться на Третью Прощиона. Это была его планета. Он пришел к вам с целью установления контакта — они ведь не знали существ, состоящих из белков, там не было условий для возникновения подобной формы жизни. Но белок и жизнь — это в конечном счете не одно и то же...

Кортес тихо произнес:

— Послушай... так пускай тогда ВТОРОЙ... Мы ведь не знали. Можем его отвезти...

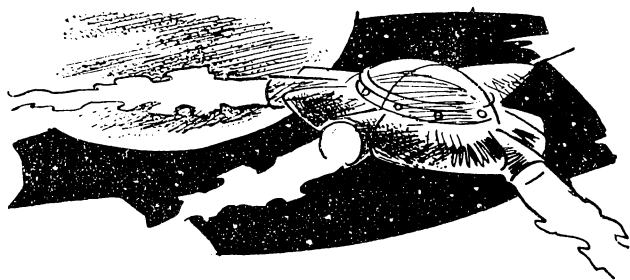
— Замолкни, Кортес! — гаркнул Томас.

— Мы решили остаться на П-3, — холодно оборвал их цифрон. — Вас тоже с собой заберем. У них сейчас имеются условия для лабораторного разведения белковых субстанций. Мы доказали это ВТОРОМУ, и он с нами согласился.

Один из цифронов подошел к пульту управления, вновь засветившемуся голубым мерцанием мониторов.

Через минуту Фокс почувствовал, как легкая сила прижимает его к креслу.

«Одиссей» возвращался к Прощиону.

На I—IV стр. обложки и на стр. 2 и 30 рисунки
Г. НОВОЖИЛОВА.

На III стр. обложки и на стр. 31, 51, 105, 112, 113 и 127 рисунки
В. ЛУКЬЯНЦА.

На стр. 52 рисунок Ю. МАКАРОВА.

На II стр. обложки и на стр. 92 и 104 рисунки А. ГУСЕВА.

Под редакцией А. В. НИКОНОВА и В. А. РЫБИНА

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Ю. ПЕРЕСУНЬКО

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. БУГРОБА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: 103030, Москва, К-30, Сушеvская, 21.
Тел. 285-80-10, 285-88-84.

Сдано в набор 11.09.79. Подп. к печ. 01.11.79. А00242.
Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 4 (усл. 6,72). Уч.-изд. л. 9,7.
Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 1673.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30,
Сушеvская, 21.

Олег ГЛУШКИН — Время поиска не ограничено

Леонид СЛОВИН — Свидетельство Лабрюйера

Барис ПАРМУЗИН — Злость чужих ветров

Владимир РЫБИН — Иллюзион

С. М. КОРНБЛАТ — Домино

К. МАЛИНОВСКИЙ — Третья планета Прониона

Цена 40 коп.

